

ЧУДНОЕ МГНОВЕНИЕ

Любовная лирика
русских поэтов

Книга 2

Москва

«Художественная литература»

1988

ББК 84Р1
Ч-84

Классики и современники

Поэтическая библиотека

Составление *Л. Озерова*

Оформление художника
А. Озеревской

Ч 4702010100-140 29-88
028(01)-88
ISBN 5-280-00051-5 (Т.2)
ISBN 5-280-00049-3

© Составление, оформление.
Издательство «Художествен-
ная литература», 1988 г.

ВАЛЕРИЙ ЯКОВЛЕВИЧ БРЮСОВ

1873—1924

В ПРОШЛОМ

Ты не ведала слов отречения.
Опустивши задумчивый взор,
Точно в церковь, ты шла на мученья,
Обнаженной забыла позор.

Вся полна неизменной печали,
Прислонилась ты молча к столбу, —
И соломой тебя увенчали,
И клеймо наложили на лбу.

А потом, когда смели бичами
Это детское тело терзать,
Вся в крови поднята палачами,
«Я люблю», — ты хотела сказать.

3 ноября 1894

ПРЕДЧУВСТВИЕ

Моя любовь — палящий полдень Явы,
Как сон разлит смертельный аромат,
Там ящеры, зрачки прикрыв, лежат,
Здесь по стволам свиваются удавы.

И ты вошла в неумолимый сад
Для отдыха, для сладостной забавы?
Цветы дрожат, сильнее дышат травы,
Чарует все, все выдыхает яд.

Идем: я здесь! Мы будем наслаждаться, —
Играть, блуждать в венках из орхидей,
Тела сплетать, как пара жадных змей!

День проскользнет. Глаза твои смежатся.
То будет смерть. — И саваном лиан
Я обовью твой неподвижный стан.

25 ноября 1894

ЖЕНЩИНЕ

Ты — женщина, ты — книга между книг,
Ты — свернутый, запечатленный свиток;
В его строках и дум и слов избыток,
В его листах безумен каждый миг.

Ты — женщина, ты — ведьмовский напиток!
Он жжет огнем, едва в уста проник;
Но пьющий пламя подавляет крик
И славословит бешено средь пыток.

Ты — женщина, и этим ты права,
От века убрана короной звездной,
Ты — в наших безднах образ божества!

Мы для тебя влечем ярем железный,
Тебе мы служим, тверди гор дробя,
И молимся — от века — на тебя!

11 августа 1899

Odi et amo.
Catullus¹

Да, можно любить, ненавидя,
Любить с омраченной душой,
С последним проклятием видя
Последнее счастье — в одной!

О, слишком жестокие губы,
О, лживый, приманчивый взор,
Весь облик, и нежный и грубый,
Влекущий, как тьма, разговор!

¹ Ненавижу и люблю (лат.). — Катулл.

Кто магию сумрачной власти
В ее приближения влил?
Кто ядом мучительной страсти
Объятыя ее напоил?

Хочу проклинать, но невольно
О ласках привычных молю.
Мне страшно, мне душно, мне больно...
Но я повторяю: люблю!

Читаю в насмешливом взоре
Обман, и притворство, и торг...
Но есть упоенье в позоре
И есть в униженьи восторг!

Когда поцелуй во мраке
Вонзают в меня лезвие,
Я, как Одиссей о Итаке,
Мечтаю о днях без нее.

Но лишь Калипсо я покинул,
Тоскую опять об одной.
О горе мне! жребий я вынул,
Означенный черной чертой!

1911

♦ ♦ ♦

Три женщины — белая, черная, алая —
Стоят в моей жизни. Зачем и когда
Вы вторглись в мечту мою? Разве немало я
Любовь восславлял в молодые года?

Сгибается алая хищной пантерой
И смотрит обманчивой чарой зрачков,
Но в силу заклятий, знакомых мне, верую:
За мной побежит на свирельный мой зов.

Проходит в надменном величии черная
И требует знаком — идти за собой.
А, строгая тень! уклоняйся, упорная,
Но мне суждено для тебя быть судьбой.

Но клонится с тихой покорностью белая,
Глаза ее — грусть, безнадежность — уста.
И странно застыла душа онемелая,
С душой онемелой безвольно слита.

Три женщины — белая, черная, алая —
Стоят в моей жизни. И кто-то поет,
Что нет, не довольно я плакал, что мало я
Любовь воспевал! Дни и миги — вперед!

1912

БАЛЛАДА О ЛЮБВИ И СМЕРТИ

Когда торжественный Закат
Царит на дальнем небосклоне
И духи пламени хранят
Воссевшего на алом троне, —
Вещает он, воздев ладони,

Смотря, как с неба льется кровь,
Что сказано в земном законе:
Любовь и Смерть, Смерть и Любовь!

И призраков проходит ряд
В простых одеждах и в короне:
Ромео, много лет назад
Пронзивший грудь клинком в Вероне;
Надменный триумвир Антоний,
В час скорби меч подъявший вновь;
Пирам и Паоло... В их стоне —
Любовь и Смерть, Смерть и Любовь!

И я баюкать сердце рад
Той музыкой святых гармоний.
Нет, от любви не охранят
Твердыни и от смерти — брони.
На утре жизни и на склоне
Ее к томленью дух готов.
Что день, — безжалостней, мудреней
Любовь и Смерть, Смерть и Любовь!

Ты слышишь, друг, в вечернем звоне:
«Своей судьбе не прекословь!»
Нам свищет соловей на клене:
«Любовь и Смерть, Смерть и Любовь!»

1913

МИХАИЛ АЛЕКСЕЕВИЧ КУЗМИН

1875—1936

ЛЮБВИ УТЕХИ

(К рассказу С. Ауслендера «Вечер у г-на де Севираж»)

Plaisir d'amour ne dure qu'un moment.
Chagrin d'amour dure toute la vie¹.

Любви утехы длятся миг единый,
Любви страданья длятся долгий век.
Как счастлив был я с милою Надиной,
Как жадно пил я кубок томных нег!

Но ах! недолго той любви нежной
Мы собирали сладкие плоды:
Поток времен, насытый и мятежный,
Смыл на песке любимые следы.

На том лужке, где вместе мы резвились,
Коса скосила мягкую траву;
Венки любви, увы! они развились,
Надины¹я не вижу наяву.

¹ Наслаждение любви длится лишь мгновенье,
Тоска любви длится всю жизнь (фр.).

Но долго после в томном жаре нег
Других красавиц звал в бреду Надиной.
Любви страданья длятся долгий век,
Любви утехи длятся миг единый.

1906. Ноябрь

* * *

«Люблю», сказал я не любя —
Вдруг прилетел Амур крылатый
И, руку взявши, как вожатый,
Меня повлек вослед тебя.

С прозревших глаз сметая сон
Любви минувшей и забытой,
На светлый луг, росой омытый,
Меня неожиданно вывел он.

Чудесен утренний обман:
Я вижу странно, прозревая,
Как алость нежно-заревая
Румянит смутно зыбкий стан;

Я вижу чуть открытый рот,
Я вижу краску щек стыдливых
И взгляд очей еще сонливых
И шеи тонкой поворот.

Ручей журчит мне новый сон,
Я жадно пью струи живые —
И снова я люблю впервые,
Навеки снова я влюблен!

1907. Апрель

О, быть покинутым — какое счастье!
Какой безмерный в прошлом виден свет —
Так после лета — зимнее ненастье:
Все помнишь солнце, хоть его уж нет.

Сухой цветок, любовных писем связка,
Улыбка глаз, счастливых встречи две, —
Пускай теперь в пути темно и вязко,
Но ты весной бродил по мураве.

Ах, есть другой урок для сладострастья,
Иной есть путь — пустынен и широк.
О, быть покинутым — такое счастье!
Быть нелюбимым — вот горчайший рок.

1907. Сентябрь

У всех одинаково бьется,
 Но разнo у всех живет,
 Сердце, сердце, придется
 Вести тебе с небом счет.
 Что значит: «сердечные муки»?
 Что значит: «любви восторг»?
 Звуки, звуки, звуки
 Из воздуха воздух исторг.
 Какой же гений налепит
 На слово точный ярлык?
 Только слух наш в слове «трепет»
 Какой-то трепет ловить привык.
 Любовь сама вырастает,
 Как дитя, как милый цветок,
 И часто забывает
 Про маленький, мутный исток.
 Не следил ее перемены —
 И вдруг... о, боже мой,
 Совсем другие стены,
 Когда я пришел домой!
 Где бег коня без уздечки?
 Капризных бровей залом?
 Как от милой, детской печки,
 Веет родным теплом.
 Широки и спокойны струи,
 Как судоходный Дунай!
 Про те, про те поцелуи
 Лучше не вспоминай.
 Я солнце предпочитаю
 Зайчику мерклых зеркал,
 Как Саул, я нашел и знаю
 Царство, что не искал!
 Спокойно ль? Ну да, спокойно.

Тепло ли? Ну да, тепло.
Мудрое сердце достойно,
Верное сердце светло.
Зачем же я весь холодею,
Когда Вас увижу вдруг,
И то, что выразить смею, —
Лишь рожденный воздухом звук?

1917

МАКСИМИЛИАН АЛЕКСАНДРОВИЧ ВОЛОШИН

1877—1932

Мы заблудились в этом свете.
Мы в подземельях темных. Мы
Один к другому, точно дети,
Прижались робко в безднах тьмы.

По мертвым рекам всплески весел;
Орфей родную тень зовет.
И кто-то нас друг к другу бросил,
И кто-то снова оторвет...

Бессильна скорбь. Беззвучны крики.
Рука горит еще в руке.
И влажный камень вдалеке
Лепечет имя Эвридики.

29 июня 1905

Париж

Как Млечный Путь, любовь твоя
Во мне мерцает влагой звездной,
В зеркальных снах над водной бездной
Алмазность пытки затая.

Ты — слезный свет во тьме железной,
Ты — горький звездный сок. А я —
Я — помутневшие края
Зари слепой и бесполезной.

И жаль мне ночи... Оттого ль,
Что вечных звезд родная боль
Нам новой смертью сердце скрепит?

Как синий лед мой день... Смотри!
И меркнет звезд алмазный трепет
В безбольном холоде зари.

Март 1907
Петербург

Раскрыв ладонь, плечо склонила...
Я не видал еще лица,
Но я уж знал, какая сила
В чертах Венераина кольца...

И раздвоенье линий воли
Сказало мне, что ты как я,
Что мы в кольце одной неволи —
В двойном потоке бытия.

И если суждены нам встречи
(Быть может, топоты погонь),
Я полюблю не взгляд, не речи,
А только бледную ладонь.

3 декабря 1910

Пурпурный лист на дне бассейна
Сквозит в воде, и день погас...
Я полюбил благоговейно
Текущий мрак печальных глаз.

Твоя душа таит печали
Пурпурных снов и горьких лет.
Ты отошла в глухие дали, —
Мне не идти тебе вослед.

Не преступлю и не нарушу,
Не разомкну условный круг.
К земным огням слепую душу
Не изведу для новых мук.

Мне не дано понять, измерить
Твоей тоски, но не предам —
И буду ждать, и буду верить
Тобой не сказанным словам.

1910

Судьба замедлила сурово
На росстани лесных дорог...
Я ждал и отойти не мог,
Я шел и возвращался снова...

Смирясь, я все ж не принимал
Забвенья холод неминучий
И вместе с пылью пепел жгучий
Любви сгоревшей собирал.

И с болью помнил профиль бледный,
Улыбку древних змийных губ, —
Так сохраняет горный дуб
До новых почек лист свой медный.

1910

Любовь твоя жаждет так много,
Рыдая, прося, упрекая...
Люби его молча и строго,
Люби его, медленно тая.

Свети ему пламенем белым —
Бездымно, безгрустно, безвольно.
Люби его радостно телом,
А сердцем люби его больно.

Пусть призрак, творимый любовью,
Лица не заслонит иного, —
Люби его с плотью и кровью —
Простого, живого, земного...

Храня его знак суеверно,
Не бойся врага в иноверце...
Люби его метко и верно —
Люби его в самое сердце!

8 июля 1914

АНДРЕЙ БЕЛЫЙ
(Борис Николаевич Бугаев)

1880—1934

ЛЮБОВЬ

Был тихий час. У ног шумел прибой.
 Ты улыбнулась, молвив на прощанье:
 «Мы встретимся... До нового свиданья...»
 То был обман. И знали мы с тобой,

что навсегда в тот вечер мы прощались.
 Пунцовым пламенем зарделись небеса.
 На корабле надулись паруса.
 Над морем крики чаек раздавались.

Я вдаль смотрел, щемящей грусти полн.
 Мелькал корабль, с зарею уплывавший
 средь нежных, изумрудно-пенных волн,
 как лебедь белый, крылья распластавший.

И вот его в безбрежность унесло.
 На фоне неба бледно-золотистом
 вдруг облако туманное взошло
 и запылало ярким аметистом.

1901 или 1902

Москва

К НЕЙ

Травы одеты
Перлами.
Где-то приветы
Грустные
Слышу, — приветы
Милые...

Милая, где ты, —
Милая?

Вечера светы
Ясные, —
Вечера светы
Красные...
Руки воздеты:
Жду тебя...

Милая, где ты, —
Милая?

Руки воздеты:
Жду тебя.
В струях Леты,
Смытую
Бледными Леты
Струями...

Милая, где ты, —
Милая?

Апрель 1908
Москва

ПРЕДЧУВСТВИЕ

Паренек плетется в волюсть
На исходе дня.
На лице его веселость.
Перед ним — поля.

Он надвинул разудало
Шапку набекрень,
На дорогу тень упала —
Встал корявый пень.

Паренек, сверни с дороги, —
Паренек, сверни!
Ближе черные отроги,
Буераки, пни.

Где-то там тоскливый чибис
Пролетает ввысь.
Миловались вы, любились
С девкою надясь —

В колокольчиках в лиловых,
Грудь к груди прижав,
Средь медвяных, средь медовых,
Средь шелковых трав.

Что ж ты вдруг поник тосливо,
Будто чуя смерть?
Одиноко плещет ива
В голубую твердь.

Вечер ближе. Солнце ниже.
В облаках — огни.
Паренек, сверни — сверни же,
Паренек, сверни!

1908
Суйда

АСЕ

(При прощании с ней)

Лазурь бледна: глядятся в тень
Громадин каменные лики:
Из темной ночи в белый день
Сверкнут стремительные пики.

За часом час, за днями дни
Соединяют нас навеки:
Блестят очей твоих огни
В полуопущенные веки.

Последний, верный, вечный друг, —
Не осуди мое молчанье;
В нем — грусть: стыдливый в нем испуг,
Любви невыразимой знанье.

Август 1916,
Дорнах

Те же — приречные мрежи,
Серые сосны и пни;
Те же песчаники; те же —
Сирые, тихие дни;

Те же немеют с отвеса
Крыши поникнувших хат;
Синие линии леса
Немо темнеют в закат.

А над немым перелеском,
Где разредились кусты,
Там проясняешься блеском
Неугасимым — Ты!

Струями ярких рубинов
Жарко бежишь по крови:
Кроет крыло серафимов
Пламенно очи мои.

Бегом развернутых крылий
Стала крылатая кровь.
Давние, давние были
Приоткрываются вновь.

В давнем грядущие встречи;
В будущем — давность мечты;
Неизреченные речи,
Неизъяснимая — Ты!

*Сентябрь 1916
Москва*

АЛЕКСАНДР АЛЕКСАНДРОВИЧ БЛОК

1880—1921

★ ★ ★

Она молода и прекрасна была
И чистой Мадонной осталась,
Как зеркало речки спокойной, светла.
Как сердце мое разрывалось!..

Она беззаботна, как синяя даль,
Как лебедь уснувший, казалась;
Кто знает, быть может, была и печаль...
Как сердце мое разрывалось!..

Когда же мне пела она про любовь,
То песня в душе отзывалась,
Но страсти не ведала пылкая кровь...
Как сердце мое разрывалось!..

27 июля 1898

Мы встречались с тобой на закате.
Ты веслом рассекала залив.
Я любил твоё белое платье,
Утонченность мечты разлюбив.

Были странны безмолвные встречи.
Впереди — на песчаной косе
Загорались вечерние свечи.
Кто-то думал о бледной красе.

Приближений, сближений, сгараний —
Не приемлет лазурная тишь...
Мы встречались в вечернем тумане,
Где у берега рябь и камыш.

Ни тоски, ни любви, ни обиды,
Все померкло, прошло, отошло...
Белый стан, голоса панихиды
И твоё золотое весло.

13 мая 1902

Вхожу я в темные храмы,
Совершаю бедный обряд.
Там жду я Прекрасной Дамы
В мерцаньи красных лампад.

В тени у высокой колонны
Дрожу от скрипа дверей.
А в лицо мне глядит, озаренный,
Только образ, лишь сон о Ней.

О, я привык к этим ризам
Величавой Вечной Жены!
Высоко бегут по карнизам
Улыбки, сказки и сны.

О, Святая, как ласковы свечи,
Как отрадны Твои черты!
Мне не слышны ни вздохи, ни речи,
Но я верю: Милая — Ты.

25 октября 1902

НЕЗНАКОМКА

По вечерам над ресторанами
Горячий воздух дик и глух,
И правит окриками пьяными
Весенний и тлетворный дух.

Вдали, над пылью переулочной,
Над скукой загородных дач,
Чуть золотится крендель булочной,
И раздается детский плач.

И каждый вечер, за шлагбаумами,
Заламывая котелки,
Среди канав гуляют с дамами
Испытанные остряки.

Над озером скрипят уключины,
И раздается женский визг,
А в небе, ко всему приученный,
Бессмысленно кривится диск.

И каждый вечер друг единственный
В моем стакане отражен
И влагой терпкой и таинственной,
Как я, смирен и оглушен.

А рядом у соседних столиков
Лакеи сонные торчат,
И пьяницы с глазами кроликов
«In vino veritas!»¹ кричат.

И каждый вечер, в час назначенный
(Иль это только снится мне?),
Девичий стан, шелками схваченный,
В туманном движется окне.

И медленно, пройдя меж пьяными,
Всегда без спутников, одна,
Дыша духами и туманами,
Она садится у окна,

И веют древними поверьями
Ее упругие шелка,
И шляпа с траурными перьями,
И в кольцах узкая рука.

И странной близостью закованный,
Смотрю за темную вуаль,
И вижу берег очарованный
И очарованную даль.

¹ Истина в вине! (лат.)

Глухие тайны мне поручены,
Мне чье-то солнце вручено,
И все души моей излучины
Пронзило терпкое вино.

И перья страуса склоненные
В моем качаются мозгу,
И очи синие бездонные
Цветут на дальнем берегу.

В моей душе лежит сокровище,
И ключ поручен только мне!
Ты, право, пьяное чудовище!
Я знаю: истина в вине.

24 апреля 1906

Озерки

АНГЕЛ-ХРАНИТЕЛЬ

Люблю Тебя, Ангел-Хранитель во мгле.
Во мгле, что со мною всегда на земле.

За то, что ты светлой невестой была,
За то, что ты тайну мою отняла.

За то, что, связала нас тайна и ночь,
Что ты мне сестра, и невеста, и дочь.

За то, что нам долгая жизнь суждена,
О, даже за то, что мы — муж и жена!

За цепи мои и заклатья твои.
За то, что над нами проклятье семьи.

За то, что не любишь того, что люблю.
За то, что о нищих и бедных скорблю.

За то, что не можем согласно мы жить.
За то, что хочу и не смею убить —

Отмстить малодушным, кто жил без огня,
Кто так унижал мой народ и меня!

Кто запер свободных и сильных в тюрьму,
Кто долго не верил огню моему.

Кто хочет за деньги лишить меня дня,
Собачью покорность купить у меня...

За то, что я слаб и смириться готов,
Что предки мои — поколение рабов.

И нежности ядом убита душа,
И эта рука не поднимет ножа...

Но люблю я тебя и за слабость мою,
За горькую долю и силу твою.

Что огнем сожжено и свинцом залито —
Того разорвать не посмеет никто!

С тобою смотрел я на эту зарю —
С тобой в эту черную бездну смотрю.

И двойственно нам приказанье судьбы:
Мы вольные души! Мы злые рабы!

Покорствуй! Дерзай! Не покинь! Отойди!
Огонь или тьма — впереди?

Кто кличет? Кто плачет? Куда мы идем?
Вдвоем — неразрывно — навеки вдвоем!

Воскреснем? Погибнем? Умрем?

17 августа 1906

Сольвейг! О, Сольвейг! О, Солнечный Путь!
Дай мне вздохнуть, освежить мою грудь!

В темных провалах, где дышит гроза,
Вижу зеленые злые глаза.

Ты ли глядишь иль старуха-сова?
Чьи раздаются во мраке слова?

Чей ослепительный плащ на лету
Путь открывает в твою высоту?

Знаю — в горах распевают рога,
Волей твоей 'зацветают луга.

Дай отдохнуть на уступе скалы!
Дай расколоть это зеркало мглы!

Чтобы лохматые тролли, визжа,
Вниз сорвались, как потоки дождя,

Чтоб над омытой душой в вышине
День золотой был всерадостен мне!

Декабрь 1906

* * *

В густой траве пропадешь с головой.
В тихий дом войдешь, не стучась...
Обнимет рукой, оплетет косой
И, статная, скажет: «Здравствуй, князь.

Вот здесь у меня — куст белых роз.
Вот здесь вчера — повилика вилась.
Где был, пропадал? что за весть принес?
Кто любит, не любит, кто гонит нас?»

Как бывало, забудешь, что дни идут,
Как бывало, простишь, кто горд и зол.
И смотришь — тучи вдали встают,
И слушаешь песни далеких сел...

Заплачет сердце по чужой стороне,
Запросится в бой — зовет и манит...
Только скажет: «Прощай. Вернись ко мне» —
И опять за травой колокольчик звенит...

12 июля 1907

О, весна без конца и без краю —
Без конца и без краю мечта!
Узнаю тебя, жизнь! Принимаю!
И приветствую звоном щита!

Принимаю тебя, неудача,
И удача, тебе мой привет!
В заколдованной области плача,
В тайне смеха — позорного нет!

Принимаю бессонные споры,
Утро в завесах темных окна,
Чтоб мои воспаленные взоры
Раздражала, пьянила весна!

Принимаю пустынные веси!
И колодцы земных городов!
Осветленный простор поднебесий
И томления рабских трудов!

И встречаю тебя у порога —
С буйным ветром в змеиных кудрях,
С неразгаданным именем бога
На холодных и сжатых губах...

Перед этой враждующей встречей
 Никогда я не брошу щита...
 Никогда ни откроешь ты плечи...
 Но над нами — хмельная мечта!

И смотрю, и вражду измеряю,
 Ненавидя, кляня и любя:
 За мученья, за гибель — я знаю —
 Все равно: принимаю тебя!

24 октября 1907

Гармоника, гармоника!
 Эй, пой, визжи и жги!
 Эй, желтенькие лютики,
 Весенние цветки!

Там с посвистом да с присвистом
 Гуляют до зари,
 Кусточки тихим шелестом
 Кивают мне: смотри.

Смотрю я — руки вскинула,
 В широкий пляс пошла,
 Цветами всех осыпала
 И в песне изошла...

Неверная, лукавая,
Коварная — пляши!
И будь навек отравой
Растраченной души!

С ума сойду, сойду с ума,
Безумствуя, люблю,
Что вся ты — ночь, и вся ты — тьма,
И вся ты — во хмелю...

Что душу отняла мою,
Отравой извела,
Что о тебе, тебе пою,
И песням нет числа!..

9 ноября 1907

* * *

Когда вы стоите на моем пути,
Такая живая, такая красивая,
Но такая измученная,
Говорите всё о печальном,
Думаете о смерти,
Никого не любите
И презираете свою красоту —
Что же? Разве я обижу вас?

О, нет! Ведь я не насильник,
Не обманщик и не гордец,

Хотя много знаю,
Слишком много думаю с детства
И слишком занят собой.
Ведь я — сочинитель,
Человек, называющий все по имени,
Отнимающий аромат у живого цветка.

Сколько ни говорите о печальном,
Сколько ни размышляйте о концах и началах,
Все же, я смею думать,
Что вам только пятнадцать лет.
И потому я хотел бы,
Чтобы вы влюбились в простого человека,
Который любит землю и небо
Больше, чем рифмованные и нерифмованные
Речи о земле и о небе.

Право, я буду рад за вас,
Так как — только влюбленный
Имеет право на звание человека.

6 февраля 1908

1
Своими горькими слезами
Над нами плакала весна.
Огонь мерцал за камышами,
Дразня лихого скакуна...

Опять звала бесчеловечным,
Ты, отданная мне давно!..
Но ветром буйным, ветром встречным
Твое лицо опалено...

Опять — бессильно и напрасно —
Ты отстранялась от огня...
Но даже небо было страстно,
И небо было за меня!..

И стало все равно, какие
Лобзать уста, ласкать плеча,
В какие улицы глухие
Гнать удалого лихача...

И все равно, чей вздох, чей шепот, —
Быть может, здесь уже не ты...
Лишь скакуна неровный топот
Как бы с далекой высоты...

Так — сведены с ума мгновеньем —
Мы отдавались вновь и вновь,
Гордясь своим уничтоженьем
Твоим превратностям, любви!

Теперь, когда мне звезды ближе,
Чем та неистовая ночь,
Когда еще безмерно ниже
Ты пала, униженья дочь,

Когда один с самим собою
Я проклиная каждый день, —
Теперь проходит предо мною
Твоя *развенчанная* тень...

С благоволением? Иль с укором?
Иль ненавидя, мстя, скорбя?
Иль хочешь быть мне приговором? —
Не знаю: я забыл тебя.

20 ноября 1908 (осень 1910)

О доблестях, о подвигах, о славе
Я забывал на горестной земле,
Когда твое лицо в простой оправе
Передо мной сияло на столе.

Но час настал, и ты ушла из дому.
Я бросил в ночь заветное кольцо.
Ты отдала свою судьбу другому,
И я забыл прекрасное лицо.

Летели дни, крутятся проклятым роем...
Вино и страсть терзали жизнь мою...
И вспомнил я тебя пред аналоем,
И звал тебя, как молодость свою...

Я рвал тебя, но ты не оглянулась,
Я слезы лил, но ты не снизошла.
Ты в синий плащ печально завернулась,
В сырую ночь ты из дому ушла.

Не знаю, где приют своей гордыне
Ты, милая, ты, нежная, нашла...
Я крепко сплю, мне снится плащ твой синий,
В котором ты в сырую ночь ушла...

Уж не мечтать о нежности, о славе,
Все миновалось, молодость прошла!
Твое лицо в его простой оправе
Своей рукой убрал я со стола.

30 декабря 1908

ДЕВУШКА ИЗ SPOLETO

Строен твой стан, как церковные свечи.
Взор твой — мечами пронзающий взор.
Дева, не жду ослепительной встречи —
Дай, как монаху, взойти на костер!

Счастья не требую. Ласки не надо.
Лаской ли грубой тебя оскорблю?
Лишь, как художник, смотрю за ограду,
Где ты срываешь цветы, — и люблю!

Мимо, все мимо — ты ветром гонима —
Солнцем палима — Мария! Позволь
Взору — прозреть над тобой херувима,
Сердцу — изведать сладчайшую боль!

Тихо я в темные кудри вплетаю
Тайных стихов драгоценный алмаз.
Жадно влюбленное сердце бросаю
В темный источник сияющих глаз.

3 июня 1909

НА ОСТРОВАХ

Вновь оснежённые колонны,
Елагин мост и два огня.
И голос женщины влюбленный.
И хруст песка и храп коня.

Две тени, слитых в поцелуе,
Летят у полости саней.
Но не таясь и не ревнуя,
Я с этой новой — с пленной — с ней.

Да, есть печальная услада
В том, что любовь пройдет, как снег.
О, разве, разве клясться надо
В старинной верности навек?

Нет, я не первую ласкаю
И в строгой четкости моей
Уже в покорность не играю
И царств не требую у ней.

Нет, с постоянством геометра
Я числю каждый раз без слов
Мосты, часовню, резкость ветра,
Безлюдность низких островов.

Я чту обряд: легко заправить
Медвежьей полость на лету,
И, тонкий стан обняв, лукавить,
И мчаться в снег и темноту.

,
И помнить узкие ботинки,
Влюбляясь в хладные меха...
Ведь грудь моя на поединке
Не встретит шпаги жениха...

Ведь со свечой в тревоге давней
 Ее не ждет у двери мать..
 Ведь бедный муж за плотной ставней
 Ее не станет ревновать...

Чем ночь прошедшая сияла,
 Чем настоящая зовет,
 Все только — продолженье бала,
 Из света в сумрак переход...

22 ноября 1909

Дух пряный марта был в лунном круге,
 Под талым снегом хрустел песок.
 Мой город истаял в мокрой вьюге,
 Рыдал, влюбленный, у чьих-то ног.

Ты прижималась все суеверней,
 И мне казалось — сквозь храп коня —
 Венгерский танец в небесной черни
 Звенит и плачет, дразня меня.

А шалый ветер, носясь над далью, —
 Хотел он выжечь душу мне,
 В лицо швыряя твоей вуалью
 И запевая о старине...

И вдруг — ты, дальняя, чужая,
 Сказала с молнией в глазах:
*То душа, на последний путь вступая,
 Безумно плачет о прошлых снах.*

6 марта 1910

Часовня на Крестовском острове

В РЕСТОРАНЕ

Никогда не забуду (он был, или не был,
 Этот вечер): пожаром зари
 Сожжено и раздвинуто бледное небо,
 И на желтой заре — фонари.

Я сидел у окна в переполненном зале.
 Где-то пели смычки о любви.
 Я послал тебе черную розу в бокале
 Золотого, как небо, аи.

Ты взглянула. Я встретил смущенно и дерзко
 Взор надменный и отдал поклон.
 Обратясь к кавалеру, намеренно резко
 Ты сказала: «И этот влюблен».

И сейчас же в ответ что-то грянули струны,
 Исступленно запели смычки...
 Но была ты со мной всем презрением юным,
 Чуть заметным дрожаньем руки...

Ты рванулась движеньем испуганной птицы,
Ты прошла, словно сон мой, легка...
И вздохнули духи, задремали ресницы,
Зашептались тревожно шелка.

Но из глуби зеркал ты мне взоры бросала
И, бросая, кричала: «Лови!»
А монисто бренчало, цыганка плясала
И визжала заре о любви.

19 апреля 1910

НА ЖЕЛЕЗНОЙ ДОРОГЕ

Марии Павловне Ивановой

Под насыпью, во рву некошенном,
Лежит и смотрит, как живая,
В цветном платке, на косы брошенном,
Красивая и молодая.

Бывало, шла походкой чинною
На шум и свист за ближним лесом.
Всю обойдя платформу длинную,
Ждала, волнуясь, под навесом.

Три ярких глаза набегающих —
Нежней румянец, круче локон:
Быть может, кто из проезжающих
Посмотрит пристальней из окон...

Вагоны шли привычной линией,
Подрагивали и скрипели;
Молчали желтые и синие;
В зеленых плакали и пели.

Вставали сонные за стеклами
И обводили ровным взглядом
Платформу, сад с кустами блеклыми,
Ее, жандарма с нею рядом...

Лишь раз гусар, рукой небрежною
Облокотясь на бархат алый,
Скользнул по ней улыбкой нежною,
Скользнул — и поезд в даль умчалю.

Так мчалась юность бесполезная,
В пустых мечтах изнемогая...
Тоска дорожная, железная
Свистела, сердце разрывая...

Да что — давно уж сердце вынуто!
Так много отдано поклонов,
Так много жадных взоров кинута
В пустынные глаза вагонов...

Не подходите к ней с вопросами,
Вам все равно, а ей — довольно:
Любовью, грязью иль колесами
Она раздавлена — все больно.

14 июня 1910

ШАГИ КОМАНДОРА

В. А. Зоргенфрею

Тяжкий, плотный занавес у входа,
За ночным окном — туман.
Что теперь твоя постылая свобода,
Страх познавший Дон-Жуан?

Холодно и пусто в пышной спальне,
Слуги спят, и ночь глуха.
Из страны блаженной, незнакомой, дальней
Слышно пенье петуха.

Что изменнику блаженства звуки?
Миги жизни сочтены.
Донна Анна спит, скрестив на сердце руки,
Донна Анна видит сны...

Чьи черты жестокие застыли,
В зеркалах отражены?
Анна, Анна, сладко ль спать в могиле?
Сладко ль видеть неземные сны?

Жизнь пуста, безумна и бездонна!
Выходи на битву, старый рок!
И в ответ — победно и влюбленно —
В снежной мгле поет рожок...

Пролетает, брызнув в ночь огнями,
Черный, тихий, как сова, мотор.
Тихими, тяжелыми шагами
В дом вступает Командор...

Настежь дверь. Из непомерной стужи,
Словно хриплый бой ночных часов —
Бой часов: «Ты звал меня на ужин.
Я пришел. А ты готов?..»

На вопрос жестокий нет ответа,
 Нет ответа — тишина.
 В пышной спальне страшно в час рассвета,
 Слуги спят, и ночь бледна.

В час рассвета холодно и странно,
 В час рассвета — ночь мутна.
 Дева Света! Где ты, донна Анна?
 Анна! Анна! — Тишина.

Только в грозном утреннем тумане
 Бьют часы в последний раз:
Донна Анна в смертный час твой встанет.
Анна встанет в смертный час.

Сентябрь 1910 — 16 февраля 1912

УНИЖЕНИЕ

В черных сучьях деревьев обнаженных
 Желтый зимний закат за окном.
 (К эшафоту на казнь осужденных
 Поведут на закате таком).

Красный штоф полинялых диванов,
 Пропыленные кисти портьер...
 В этой комнате, в звоне стаканов,
 Купчик, шулер, студент, офицер...

Этих голых рисунков журнала
Не людская касалась рука...
И рука *подлеца* нажимала
Эту грязную кнопку звонка...

Чу! По мягким коврам прозвенели
Шпоры, смех, заглушенный дверьми...
Разве дом этот — дом в самом деле?
Разве так суждено меж людьми?

Разве рад я сегодняшней встрече?
Что ты ликом бела, словно плат?
Что в твои обнаженные плечи
Бьет огромный холодный закат?

Только губы с запекшейся кровью
На иконе твоей золотой
(Разве *это* мы звали любовью?)
Преломились безумной чертой...

В желтом, зимнем, огромном закате
Утонула (так пышно!) кровать...
Еще тесно дышать от объятий,
Но ты свищешь опять и опять...

Он не весел — твой свист замогильный...
Чу! опять — бормотание шпор...
Словно змей, тяжкий, сытый и пыльный,
Шлейф твой с кресел ползет на ковер...

Ты смела! Так еще будь бесстрашной!
Я — не муж, не жених твой, не друг!
Так вонзай же, мой ангел вчерашний,
В сердце —, острый французский каблук!
6 декабря 1911

Приближается звук. И, покорна щемящему звуку,
Молодеет душа.
И во сне прижимаю к губам твою прежнюю руку,
Не дыша.

Снится — снова я мальчик, и снова любовник,
И овраг, и бурьян,
И в бурьяне — колючий шиповник,
И вечерний туман.

Сквозь цветы, и листья, и колючие ветки, я знаю,
Старый дом глянет в сердце мое,
Глянет небо опять, розовея от краю до краю,
И окошко твое.

Этот голос — он твой, и его непонятному звуку
Жизнь и горе отдам,
Хоть во сне твою прежнюю милую руку
Прижимая к губам.

2 мая 1912

Я — Гамлет. Холодеет кровь,
Когда плетет коварство сети,
И в сердце — первая любовь
Жива — к единственной на свете.

Тебя, Офелию мою,
Увел далёко жизни холод,
И гибну, принц, в родном краю,
Клинком отравленным заколот.

6 февраля 1914

ИЗ ЦИКЛА «КАРМЕН»

Л. А. Д.

★

*Как океан меняет цвет,
Когда в нагроможденной туче
Вдруг полыхнет мигнувший свет, —
Так сердце под грозой певучей
Меняет строй, боясь вздохнуть,
И кровь бросается в ланиты,
И слезы счастья душат грудь
Перед явлением Карменситы.*

4 марта 1914

★

Бушует снежная весна.
Я отвожу глаза от книги...
О, страшный час, когда она,
Читая по руке Цуниги,
В глаза Хозе метнула взгляд!
Насмешкой засветились очи,
Блеснул зубов жемчужный ряд,
И я забыл все дни, все ночи,
И сердце захлестнула кровь,
Смывая память об отчизне...
А голос пел: *Ценою жизни
Ты мне заплатишь за любовь!*

18 марта 1914

Сердитый взор бесцветных глаз.
Их гордый вызов, их презрение.
Всех линий — таянье и пенье.
Так я Вас встретил в первый раз.
В партере — ночь. Нельзя дышать.
Нагрудник черный близко, близко...
И бледное лицо... и прядь
Волос, спадающая низко...
О, не впервые странных встреч
Я испытал немую жуткость!
Но этих нервных рук и плеч
Почти пугающая чуткость...
В движениях гордой головы
Прямые признаки досады...
(Так на людей из-за ограды
Угрюмо взглядывают львы).
А там, под круглой лампой, там
Уже замолкла сегидилья,
И злость, и ревность, что не к Вам
Идет влюбленный Эскамильо,
Не Вы возьметесь за тесьму,
Чтобы убавить свет ненужный,
И не блеснет уж ряд жемчужный
Зубов — несчастному тому...
О, не глядеть, молчать — нет мочи,
Сказать — не надо и нельзя...
И Вы уже (звездой средь ночи),
Скользящей поступью скользя,
Идете — в поступи истома,
И песня Ваших нежных плеч
Уже до ужаса знакома,
И сердцу суждено беречь,

Как память об иной отчизне, —
Ваш образ, дорогой навек...
А там: *Уйдем, уйдем от жизни,*
Уйдем от грустной этой жизни!
Кричит погибший человек...

И март наносит мокрый снег.

25 марта 1914

*

О да, любовь вольна, как птица,
Да, все равно — я твой!
Да, все равно мне будет сниться
Твой стан, твой огневой!

Да, в хищной силе рук прекрасных,
В очах, где грусть измен,
Весь бред моих страстей напрасных,
Моих ночей, Кармен!

Я буду петь тебя, я небу
Твой голос передам!
Как иерей, свершу я требу
За твой огонь — звездам!

Ты встанешь бурною волною
В реке моих стихов,
И я с руки моей не смою,
Кармен, твоих духов...

И в тихий час ночной, как пламя,
 Сверкнувшее на миг,
 Блеснет мне белыми зубами
 Твой неотступный лик.

Да, я томлюсь надеждой сладкой.
 Что ты, в чужой стране,
 Что ты, когда-нибудь, украдкой
 Помыслишь обо мне...

За бурей жизни, за тревогой,
 За грустью всех измен, —
 Пусть эта мысль предстанет строгой,
 Простой и белой, как дорога,
 Как дальний путь, Кармен!

28 марта 1914

ПЕРЕД СУДОМ

Что же ты потупилась в смущеньи?
 Погляди, как прежде, на меня.
 Вот какой ты стала — в униженьи,
 В резком, неподкупном свете дня!

1,
 Я и сам ведь не такой — не прежний,
 Недоступный, гордый, чистый, злой,
 Я смотрю добрей и безнадежней
 На простой и скучный путь земной.

Я не только не имею права,
Я тебя не в силах упрекнуть
За мучительный твой, за лукавый,
Многим женщинам сужденный путь...

Но ведь я немного по-другому,
Чем иные, знаю жизнь твою,
Более, чем судьям, мне знакомо,
Как ты очутилась на краю.

Вместе ведь по краю, было время,
Нас водила пагубная страсть,
Мы хотели вместе сбросить бремя
И лететь, чтобы потом упасть.

Ты всегда мечтала, что, сгорая,
Догорим мы вместе — ты и я,
Что дано, в объятьях умирая,
Увидать блаженные края...

Что же делать, если обманула
Та мечта, как всякая мечта,
И что жизнь безжалостно стегнула
Грубою веревкою кнута?

Не до нас ей, жизни торопливой,
И мечта права, что нам лгала. —
Все-таки когда-нибудь счастливой
Разве ты со мною не была?

Эта прядь — такая золотая
Разве не от старого огня? —
Страстная, безбожная, пустая,
Незабвенная, прости меня!

11 октября 1915

**ВИЛЬГЕЛЬМ АЛЕКСАНДРОВИЧ
ЗОРГЕНФРЕЙ**

1882—1938

★ ★ ★

Приходит, как прежде, неожиданно —
Будить от тяжелого сна,
И новая радость желанна.
И новая боль не больна.

Но платья темнее надеты
И тени длинней от ресниц,
И в пристальном взоре просветы
Лиловых, закатных зарниц.

Коснется рукою жемчужной,
Фиалками глаз ворожит —
И маятник никнет, ненужный,
И время, жестокое, спит.

Молчания я не нарушу,
Тебе отдаю я во власть
Мою воспаленную душу,
Мою неизбытную страсть.

Дышать твоим ровным дыханьем,
И верить твоей тишине,
И знать, что последним прощаньем
Придешь ты проститься ко мне.

В тот час, когда ужас безликий
Расширит пустые зрачки,
Взовьешься из черной, из дикой,
Из дикой и черной тоски.

Возникнешь в дыму песнопений,
Зажжешься надгробной свечой,
И станешь у смертных ступеней —
Стеречь мой последний покой.

СЕРГЕЙ МИТРОФАНОВИЧ ГОРОДЕЦКИЙ

1884—1967

ПИСЬМА С ФРОНТА

А. А. Г<ородецкой>

1

Прости меня, когда я грешен,
Когда преступен пред тобой,
Утешь, когда я безутешен,
Согрей улыбкой молодой.

О счастье пой, когда служу я
Твоей волшебной красоте.
В раю кружись со мной, ликуя,
И бедствуй вместе в нищете.

Делись со мной огнем и кровью,
Мечтой, и горем, и трудом.
Одной мы скованы любовью
И под одним крестом идем.

Одна звезда над нами светит,
И наши сплетены пути.
Одной тебе на целом свете
Могу я вымолвить: «Прости!»

26 января 1916

О тебе, о тебе, о тебе
Я тоскую, мое ликование.
Самой страшной отдамся судьбе,
Только б ты позабыла страданье.

Плачет небо слезами тоски,
Звон дождя по садам пролетает.
С яблонь снегом текут лепестки.
Скорбь моя, как огонь, вырастает.

Вот она охватила сады
И зарю у озер погасила,
Оборвала лучи у звезды,
У вечерней звезды белокрылой.

Ало-черным огнем озарен,
Страшен свод. Но, смеясь и сияя,
В высоте, как спасительный сон,
Ты стоишь надо мной, дорогая.

Я к тебе из томленья, из тьмы
Простираю безумные руки.
О, когда же увидимся мы
И сольемся, как в пении звуки?

6 мая 1916

Ван

НИКОЛАЙ АЛЕКСЕЕВИЧ КЛЮЕВ

1884—1937

Любви начало было летом,
Конец — осенним сентябрем.
Ты подошла ко мне с приветом
В наряде девицы простом.

Вручила красное яичко
Как символ крови и любви:
Не торопись на север, птичка,
Весну на юге обожди!

Синеют дымно перелески,
Настороженны и немые,
За узорочьем занавески
Не видно тающей зимы. .

Но сердце чует: есть туманы,
Движенья смутное лесов,
Неотвратимые обманы
Лилово-сизых вечеров.

О, не лети в туманы пташкой!
Года уйдут в седую мглу —
Ты будешь нищею монашкой
Стоять на паперти в углу.

И, может быть, пройду я мимо,
Такой же нищий и худой...
О, дай мне крылья херувима
Лететь незримо за тобой!

Не обойти тебя приветом
И не раскаяться потом...
Любви начало было летом,
Конец — осенним сентябрем.

〈1908〉

ОТВЕРЖЕННОЙ

Если б ведать судьбину твою,
Не кручинить бы сердца разлукой
И любовь не считать бы свою
За тебя нерушимой порукой.

Не гадалось ставшее мне,
Что, по чувству сестра и подруга,
По своей отдалилась вине
Ты от братьев сурового круга.

Оттого, как под ветром ковыль,
И разлучная песня уныла,
Что тебе побирушки костыль
За измену судьба подарила.

И неведомо: я ли не прав
Или сердце к тому безучастно,
Что, отверженный облик приняв,
Ты, как прежде, нетленно прекрасна?

1910

* * *

Есть на свете край обширный,
Где растут сосна да ель,
Неисследный и пустынный, —
Русской скорби колыбель.

В этом крае тьмы и горя
Есть забытая тюрьма,
Как скала на глади моря,
Неподвижна и нема.

За оградой высокой
Из гранитных серых плит
Пташкой пленной, одинокой
В башне девушка сидит.

Злой кручиною объята,
Все томится, воли ждет,
От рассвета до заката,
День за днем, за годом год.

Но крепки дверей запоры,
Недоступно-страшен свод,
Сказки дикого простора
В каземат не донесет.

Только ветер перепевный
Шепчет ей издалека:
«Не томись, моя царевна,
Радость светлая близка,

За чертой зари туманной,
В ослепительной броне,
Мчится витязь долгожданный
На вспененном скакуне».

〈1911〉

На припеке цветик алый
Обезлиствел и поблек —
Свет-детина разудалый
От зазнобушки далек.

Он взвился бы буйной птицей —
Цепи-вороги крепки,
Из темницы до светлицы
Перевалы далеки.

Призапала к милой стежка,
Буреломом залегла.
За окованным окошком —
Колокольная игла.

Всё дозоры да запоры,
Каземат — глухой капкан...
Где вы, косы — темны боры,
Заряница — сарафан?

В белоструганой светелке
Кто призарился на вас,
На фату хрущата шелка,
На узорный канифас?

Заручился кто от любви
Скатным клятвенным кольцом:
Волос — зарь, малина — губы,
В цвет черемухи лицом?..

Захолонула утроба,
Кровь, как цепи, тяжела...
Помяни, душа-зазноба,
Друга — сизого орла!

Без ножа ему неволя
Кольца срезала кудрей,
Чтоб раздольней стало поле,
Песня-вихорь удалей.

Чтоб напева ветровова
Не забыл крещеный край...
Не шуми ты, мать-дуброва,
Думу думать не мешай!

⟨1913⟩

Мне сказали, что ты умерла
Заодно с золотым листопадом
И теперь, лучезарно светла,
Правишь горним, неведомым градом.

Я нездешним забыться готов,
Ты всегда баснословной казалась
И багрянцем осенних листов
Не однажды со мной любовалась.

Говорят, что не стало тебя,
Но любви иссякаемы ль струи:
Разве зори — не ласка твоя,
И лучи — не твои поцелуи?

〈1913〉

НИКОЛАЙ СТЕПАНОВИЧ ГУМИЛЕВ

1886—1921

★ ★ ★

Нет, ничего не изменилось
В природе бедной и простой,
Все только дивно озарилось
Невыразимой красотой.

Такой и явится, наверно,
Людская немощная плоть,
Когда ее из тьмы безмерной
В час судный воззовет господь.

Знай, друг мой гордый, друг мой нежный,
С тобою, лишь с тобой одной,
Рыжеволосой, белоснежной
Я стал на миг самым собой.

Ты улыбнулась, дорогая,
И ты не поняла сама,
Как ты сияешь, и какая
Вокруг тебя сгустилась тьма.

Когда, изнемогши от муки,
Я больше ее не люблю,
Какие-то бледные руки
Ложатся на душу мою.

И чьи-то печальные очи
Зовут меня тихо назад,
Во мраке остывшей ночи
Нездешней мольбою горят.

И снова, рыдая от муки,
Проклявши свое бытие,
Целую я бледные руки
И тихие очи ее.

1904

Ветла чернела на вершине,
Грачи топорщились слегка,
В долине неба синей-синей
Паслись, как овцы, облака.
И ты с покорностью во взоре
Сказала: «Влюблена я в вас» —
Кругом трава была, как море,
Послеполуденный был час.

Я целовал посланья лета,
Тень трав на розовых щеках,
Благоуханный праздник света
На бронзовых твоих кудрях.
И ты казалась мне желанной,
Как небывалая страна,
Какой-то край обетованный
Восторгов, песен и вина.

* * *

Нет тебя тревожней и капризней,
Но тебе я предался давно,
Оттого, что много, много жизней
Ты умеешь волей слить в одно.

И сегодня небо было серо,
День прошел в томительном бреду,
За окном, на мокром дерне сквера,
Дети не играли в чехарду.

Ты смотрела старые гравюры,
Подпирая голову рукой,
И смешно-нелепые фигуры
Проходили скучной чередой.

Посмотри, мой милый, видишь — птица,
Вот и всадник, конь его так быстр,
Но как странно хмурится и злится
Этот сановитый бургомистр.

А потом читала мне про принца:
Был он нежен, набожен и чист,
И рукав мой кончиком мизинца
Трогала, повертывая лист.

Но когда дневные смолкли звуки
И взошла над городом луна,
Ты внезапно заломила руки,
Стала так мучительно бледна.

Пред тобой смущенно и несмело
Я молчал, мечтая об одном:
Чтобы скрипка ласковая спела
И тебе о рае золотом.

Я И ВЫ

Да, я знаю, я вам не пара,
Я пришел из иной страны,
И мне нравится не гитара,
А дикарский напев зурны.

Не по залам и по салонам
Темным платьям и пиджакам —
Я читаю стихи драконам,
Водопадам и облакам.

Я люблю — как араб в пустыне
Припадает к воде и пьет,
А не рыцарем на картине,
Что на звезды смотрит и ждет.

И умру я не на постели
При нотариусе и враче,
А в какой-нибудь дикой щели,
Утонувшей в густом плюще.

Чтоб войти не во всем открытый,
Протестантский, прибранный рай,
А туда, где разбойник, мытарь
И блудница крикнут: вставай!

ТЕЛЕФОН

Неожиданный и смелый
Женский голос в телефоне, —
Сколько сладостных гармоний
В этом голосе без тела!

Счастье, шаг твой благосклонный
Не всегда проходит мимо:
Звонче лютни серафима
Ты и в трубке телефонной!

ЮГ

За то, что я теперь спокойный
И умерла моя свобода,
О самой светлой, о самой стройной
Со мной беседует природа.

В дали, от зноя помертвелой,
Себе и солнцу буйно рада,
О самой стройной, о самой белой
Звенит немолчная цикада.

Увижу ль пены побережной
Серебряное колыханье, —
О самой белой, о самой нежной
Поет мое воспоминанье.

Вот ставит ночь свои ветрила
И тихо по небу струится, —
О самой нежной, о самой милой
Мне пестрокрылый сон приснится.

О ТЕБЕ

О тебе, о тебе, о тебе,
Ничего, ничего обо мне!
В человеческой, темной судьбе
Ты — крылатый призыв к высоте.

Благородное сердце твое —
 Словно герб отошедших времен.
 Освящается им бытие
 Всех земных, всех бескрылых племен.

Если звезды, ясны и горды,
 Отвернутся от нашей земли,
 У нее есть две лучших звезды:
 Это — смелые очи твои.

И когда золотой серафим
 Протрубит, что исполнился срок,
 Мы поднимем тогда перед ним,
 Как защиту, твой белый платок.

Звук замрет в задрожавшей трубе,
 Серафим пропадет в вышине...
 ...О тебе, о тебе, о тебе,
 Ничего, ничего обо мне!

СОН

Застонал я от сна дурного
 И проснулся тяжело скорбя:
 Снилось мне — ты любишь другого
 И что он обидел тебя.

Я бежал от моей постели,
 Как убийца от плахи своей,
 И смотрел, как тускло блестели
 Фонари глазами зверей.

Ах, наверно, таким бездомным
 Не блуждал ни один человек
 В эту ночь по улицам темным,
 Как по руслам высохших рек.

Вот, стою перед дверью твоею,
 Не дано мне иного пути,
 Хоть и знаю, что не посмею
 Никогда в эту дверь войти.

Он обидел тебя, я знаю,
 Хоть и было это лишь сном,
 Но я все-таки умираю
 Пред твоим закрытым окном.

ОНА

Я знаю женщину: молчанье,
 Усталость горькая от слов
 Живет в таинственном мерцанье
 Ее расширенных зрачков.

Ее душа открыта жадно
Лишь медной музыке стиха,
Пред жизнью долней и отрадней
Высокомерна и глуха.

Неслышный и неторопливый,
Так странно плавлен шаг ее,
Назвать нельзя ее красивой,
Но в ней все счастье мое.

Когда я жажду своеволий
И смел и горд — я к ней иду
Учиться мудрой сладкой боли
В ее истоме и бреду.

Она светла в часы томлений
И держит молнии в руке,
И четки сны ее, как тени
На райском огненном песке.

* * *

1
Я сам над собой насмеялся,
И сам я себя обманул,
Когда мог подумать, что в мире
Есть что-нибудь кроме тебя.

Лишь белая, в белой одежде,
Как в пеплуме древних богинь,
Ты держишь хрустальную сферу
В прозрачных и тонких перстах.

А все океаны, все горы,
Архангелы, люди, цветы —
Они в хрустале отразились
Прозрачных девических глаз.

Как странно подумать, что в мире
Есть что-нибудь кроме тебя,
Что сам я не только ночная
Бессонная песнь о тебе.

Но свет у тебя за плечами,
Такой ослепительный свет,
Там длинные пламени реют,
Как два золоченых крыла.

Август 1921

ВЛАДИМИР АЛЕКСЕЕВИЧ ПЯСТ

1886—1940

* * *

Она моя душа. Лучистые мечтанья,
Которые во мне, слепом, искажены, —
В ней просветленные меняют очертанья,
Как в небе облака бесплотны в час луны.

Я с нею в общем сне. Те призраки и грезы,
Которые во мне проносятся, спеша, —
В ней вызвали восторг и трепетные слезы,
Я — тень ее любви. Она — моя душа.

БЕНЕДИКТ КОНСТАНТИНОВИЧ ЛИВШИЦ

1887—1939

В КАФЕ

Кафе. За полночь. Мы у столика —
Еще чужие, но уже
Познавшие, что есть символика
Шагов по огненной меже.

Цветы неведомые, ранние
В тревожном бархате волос,
Порочных взоров замирание,
Полночных образов хаос,

Боа, упавшее нечаянно,
И за окном извивы тьмы —
Все это сладкой тайной спаяно,
И эту тайну знаем мы.

Ты хочешь счастья? Так расстанемся
Сейчас, под этот гул и звон,
И мы с тобою не обманемся,
Не разлюбив возможный сон.

НА БУЛЬВАРЕ

Никого кроме нас... Как пустынная аллея платановая!
В эти серые дни на бульвар не приходит никто.
Вот — одни, и молчим, безнадежно друг друга обманывая:
Мы чужие совсем — в этих темных осенних пальто.

Все аллеи как будто устелены шкурою тигровою...
Это — желтое кружево листьев на черной земле.
Это — траур и скорбь. Я последнюю ставку проигрываю
Подневольным молчаньем — осенней серебряной мгле.

Что ж, пора уходить?.. улыбаясь, простимся с безумиями...
Только как же сказать? — ведь осеннее слово — как сталь...
Мы молчим. Мы сидим неподвижными скорбными мумиями...
Разве жаль?..

САМУИЛ ЯКОВЛЕВИЧ МАРШАК

1887—1964

★ ★ ★

Ветер жизни тебя не тревожит,
Как зимою озерную гладь.
Даже чуткое сердце не может
Самый легкий твой всплеск услышать,

А была ты и звонкой и быстрой.
Как шаги твои были легки!
И казалось, что сыплются искры
Из твоей говорящей руки.

Ты жила и дышала любовью,
Ты, как щедрое солнце, зашла.
Оставляя свое послесловье —
Столько света и столько тепла!

Т. Г.

Люди пишут, а время стирает,
Все стирает, что может стереть,
Но скажи — если слух умирает,
Разве должен и звук умереть?

Он становится глуше и тише,
Он смешаться готов с тишиной,
И не слухом, а сердцем я слышу
Этот смех, этот голос грудной.

ПЕТР ВАСИЛЬЕВИЧ ОРЕШИН

1887—1938

ЖЕНЩИНА

О. М. Орешинной

В каждой песне про тебя поется,
В каждой сказке про тебя молва,
Мир твоими ямками смеется,
Сном твоим струится синева.

Погляжу на вечер незакатный,
На луга, на дальние цветы, —
Мне, как всем вам, ясно и понятно:
Дикой мальвой розовеешь ты.

Если ночью мне тепло и душно,
От жары туманится луна,
Это значит — плоть твоя послушна,
Ты в кого-то нынче влюблена!

Если ночь вдруг росами заплачет,
Холодом повеет на кусты,
Это значит, непременно значит:
Вновь кого-то разлюбила ты!

Ты любовью напоила землю,
Словно медом, словно молоком...
Оттого я каждый день приемлю,
Догорая смирным огоньком!

Если ветер бьет дождем и пеной,
Лес шумит, а степь черным-черна,
Это значит, чьей-то злой изменой
Ты до дна души возмущена.

Но не вечно буря в сердце бьется.
Разве ты любовью не пьяна?
Мир твоими ямками смеется,
Сном твоим струится синева!

1926

ИГОРЬ СЕВЕРЯНИН

(Игорь Васильевич Лотарев)

1887—1941

ВЕРНУТЬ ЛЮБОВЬ

...То ненависть пытается любить
Или любовь хотела б ненавидеть?..
Минувшее я жажду возратить,
Но, возвратив, боюсь его обидеть,
Боюсь его возвратом оскорбить.

Святыни нет для сердца святотатца,
Как доброты у смерти... Заклеймен
Я совестью, и мне ли зла бояться,
Поправшему любви своей закон!

Но грешники — безгрешны покаяньем,
Вернуть любовь — прощение вернуть.
Но как боюсь я сердце обмануть
Своим туманно-призрачным желаньем:

Не месть ли то? Не зависть ли? Сгубить
Себя легко, и свет небес не видеть...
Что ж. это: зло старается любить
Или любовь мечтает ненавидеть?..

23 сентября 1908

ЭТО БЫЛО У МОРЯ

Позма-миньонет

Это было у моря, где ажурная пена,
Где встречается редко городской экипаж...
Королева играла — в башне замка — Шопена,
И, внимая Шопену, полюбил ее паж.

Было все очень просто, было все очень мило:
Королева просила перерезать гранат,
И дала половину, и пажа истомила,
И пажа полюбила, вся в мотивах сонат.

А потом отдавалась, отдавалась грозово,
До восхода рабыней проспала госпожа...
Это было у моря, где волна бирюзова,
Где ажурная пена и соната пажа.

Февраль 1910

НА ОСТРОВАХ

В ландо моторном, в ландо шикарном
Я проезжаю по Островам,
Пьянея встречным лицом вульгарным
Среди дам просто и — «этих» дам.

Ах, в каждой «фее» искал я фею
Когда-то раньше. Теперь не то.
Но отчего же я огневею,
Когда мелькает вблизи манто?

Как безответно! Как безвопросно!
 Как гривуазно! Но всюду — боль!
 В аллеях сорно, в куртинах росно,
 И в каждом франте жив Рокамболь.

И что тут прелесть? И что тут мерзость?
 Бесстыж и скорбен ночной пуант.
 Кому бы бросить наглее дерзость?
 Кому бы нежно поправить бант?

Май 1911

ВСЕ ОНИ ГОВОРЯТ ОБ ОДНОМ

С. В. Рахманинову

Соловьи монастырского сада,
 Как и все на земле соловьи,
 Говорят, что одна есть отрада
 И что эта отрада — в любви...

И цветы монастырского луга
 С лаской, свойственной только цветам,
 Говорят, что одна есть заслуга:
 Прикоснуться к любимым устам...

Монастырского леса озера,
 Переполненные голубым,
 Говорят: нет лазурнее взора,
 Как у тех, кто влюблен и любим...

1927

ИЗ ОБЛАСТИ ЧУДЕСНОГО

Телеграмма: Белград. Университет. Северянину.
«Гению Севера един поздрав са юга». Остров
Корчула на Адриатике (Ядран).

В громадном зале университета,
Наполненном балканскою толпой,
Пришедшей слушать русского поэта,
Я вел концерт, душе воскликнув: «Пой!»

Петь рождена, душа моя запела,
И целый зал заполнила душа.
И стало всем крылато, стало бело,
И музыка была у всех в ушах.

И думал я: «О, если я утешу
И восхищу кого-нибудь, я прав!»
В антракте сторож подал мне депешу —
От неизвестной женщины «поздрав».

И сидя в лекторской, в истоме терпкой,
И говоря то с этим, то с другим,
Я полон был восторженною сербкой
С таким коротким именем тугим.

...Два года миновало. Север. Ельник.
Иное все: природа, люди, свет.
И вот опять, в Рождественский сочельник,
Я получаю от нее привет.

Уж я не тот. Все глубже в сердце рана.
Уж чаще все впадаю я в хандру.
О, женщина с далекого Ядрана —
Неповстречавшийся мне в жизни друг!

Тойла,

Ночь под Рождество, 1932 г.

НАТАЛИЯ ВАСИЛЬЕВНА КРАНДИЕВСКАЯ- ТОЛСТАЯ

1888—1963

Небо называют — голубым,
Солнце называют — золотым,

Время называют — невозвратным,
Море называют — необъятным,

Называют женщину — любимой,
Называют смерть — неотвратимой,

Называют истины — святыми,
Называют страсти — роковыми.

Как же мне любовь мою назвать,
Чтобы ничего не повторять?

* * *

Нет! Это было преступленьем
 Так целым миром пренебречь
 Для одного тебя, чтоб тенью
 У ног твоих покорно лечь.

Она осуждена жестоко,
 Уединенная любовь,
 Перегоревшая до срока,
 Она не возродится вновь.

Глаза, распахнутые болью,
 Глядят на мир, как в первый раз,
 Дивясь простору и раздолью
 И свету, греющему нас.

А мир цветет, как первозданный,
 В скрещенье радуги и бурь,
 И льет потоками на раны
 И свет, и воздух, и лазурь.

* * *

Уж мне не время, не к лицу
 Сводить в стихах с любовью счеты.
 Подходят дни мои к концу,
 И зорь осенних позолоту

Сокрыла ночи пелена.
Сижу одна у водоема,
Где призрак жизни невесомый
Качает памяти волна.

Сядь рядом. Голову к плечу
Дай прислонить сестре усталой.
О днях прошедших я молчу,
А будущих — осталось мало.

Мы тишины еще такой
Не знали, тишины прощенья.
Как два крыла, рука с рукой
В последнем соприкосновенье.

НИКОЛАЙ НИКОЛАЕВИЧ АСЕЕВ

1889—1963

★ ★ ★

Если ночь все тревоги вызвездит,
как платок полосатый саратовский,
проломаю сквозь вечер мартовский
Млечный Путь, наведенный известью.

Я пучком телеграфных проволок
от Арктура к Большой Медведице
исхлестать эти степи пробовал
и в длине их спин разувериться.

Но и там истлевают высь везде,
как платок полосатый саратовский,
но и там этот вечер мартовский
над тобой побледнел и вызвездил.

Если б даже не эту тысячу
обмотала ты верст у пояса, —
все равно от меня не скроешься,
я до ног твоих сердце высучу!

И когда бы любовь-притворщица
ни взметала тоски грозу мою,
кожа дней, почерневши, сморщится,
так прожжет она жизнь разумную.

Если мне умереть — ведь и ты со мной!
Если я — со зрачками мокрыми, —
ты горишь красотою писаной
на строке, прикушенной до крови.

1916

★ ★ ★

Когда земное склонит лень,
выходит с тенью тени лань,
с ветвей скользит, белея, лунь,
волну сердито взроет линь,

И чей-то стан колеблет стон,
то, может, пан, а может, пень...
Из тины тень, из сини сон,
пока на Дон не ляжет день.

А коса твоя — осени сень, —
ты звездам приходишься родственницей.

1916

Не за силу, не за качество
золотых твоих волос
сердце враз однажды начисто
от других оторвалось.

Я тебя запомнил докрепка,
ту, что много лет назад
без упрека и без окрика
загляделась мне в глаза.

Я люблю тебя, ту самую,
все нежней и все тесней,
что, назвавшись мне Оксаною,
шла ветрами по весне.

Ту, что шла со мной и мучилась,
шла и радовалась дням
в те года, как выюга выючила
груз снегов на плечи нам.

В том краю, где сизой заметью
песня с губ летит, скользя,
где нельзя любить без памяти
и запеть о том нельзя.

Где весна, схватившись за ворот,
от тоски такой устав,
хочет в землю лечь у явора,
у ракитова куста.

Нет, не сила и не качество
молодых твоих волос,
ты — всему была заказчица,
что в строке отозвалось.

1926

Слушай, Анни,
 твое дыханье,
трепет рук,
 и изгибы губ,
и волос твоих
 колыханье
я, как дивный сон,
 берегу.

Эти лица
 и те
 и те, —
им
хоть сто,
 хоть тысячу лет скости, —
не сравнить с твоим
 в простоте,
в прямоте
 и в суровой детскости.

Можно
 астрой в глазах пестреться,
можно
 ветром в росе свистеть,
но в каких
 человеческих средствах
быть собой
 всегда и везде?!

Ты проходишь
 горя и беды,
как проходит игла
 сквозь ткань...
Как выдержишь
 ты это?

Но ясен мне один ответ
без всяческой подсказки,
что лучше в целом мире нет
той, что пришла из сказки;

Чьи неподкупные глаза
в лицо беды смотрели,
то голубея, как гроза,
то холодной метели.

Мне скажут: вот! Опять про то ж!
Знакомая затея,
что лучше той и не найдешь,
кто зорьки золотее!

О вы, привыкшие к словам —
казенным заявлениям,
все это сказано не вам,
а младшим поколениям.

2

Я не могу без тебя жить!
Мне и в дожди без тебя — сушь,
мне и в жару без тебя — стыть.
Мне без тебя и Москва — глушь.

Мне без тебя каждый час — с год;
если бы время мельчить, дробя;
мне даже синий небесный свод
кажется каменным без тебя.

Я ничего не хочу знать —
слабость друзей, силу врагов;
я ничего не хочу ждать,
кроме твоих драгоценных шагов.

3

Что же — привык я к тебе, что ль?
Но ведь, привыкнув, не замечают.
Все превращает любовь в боль,
если глаза равнодушно встречают.

А на тебя я — и рассержусь,
не соглашаешься — разругаюсь,
только сейчас же на сердце грусть,
точно на собственное не полагаюсь;

Точно мне нужно второе, твое,
если мое заколотится шибко;
точно одно у них вместе жилье,
вместе и горечь, и вздох, и улыбка.

Нет, я к тебе не привык; не привык,
вижу и знаю, а — не привыкаю.
Может, действительно ты — мой двойник,
может, его я в стихи облакаю!

1960

АННА АНДРЕЕВНА АХМАТОВА

1889—1966

* * *

Сжала руки под темной вуалью...
«Отчего ты сегодня бледна?»
— Оттого, что я терпкой печалью
Напоила его допьяна.

Как забуду? Он вышел, шатаясь,
Искривился мучительно рот...
Я сбежала, перил не касаясь,
Я бежала за ним до ворот.

Задыхаясь, я крикнула: «Шутка
Все, что было. Уйдешь, я умру».
Улыбнулся спокойно и жутко
И сказал мне: «Не стой на ветру».

8 января 1911

Киев

* * *

Сердце к сердцу не приковано,
Если хочешь — уходи.
Много счастья уготовано
Тем, кто волен на пути.

Я не плачу, я не жалуюсь,
Мне счастливой не бывать,
Не целуй меня, усталую, —
Смерть придет поцеловать.

Дни томлений острых прожиты
Вместе с белою зимой.
Отчего же, отчего же ты
Лучше, чем избранник мой?

Весна 1911

ПЕСНЯ ПОСЛЕДНЕЙ ВСТРЕЧИ

Так беспомощно грудь холодела,
Но шаги мои были легки.
Я на правую руку надела
Перчатку с левой руки.

Показалось, что много ступеней,
А я знала — их только три!
Между кленов шепот осенний
Попросил: «Со мною умри!

Я обманут моей унылой,
Переменчивой, злой судьбой».
Я ответила: «Милый, милый!
И я тоже. Умру с тобой...»

Это песня последней встречи.
Я взглянула на темный дом.
Только в спальне горели свечи
Равнодушно-желтым огнем.

29 сентября 1911
Царское Село

* * *

Слаб голос мой, но воля не слабеет,
Мне даже легче стало без любви.
Высоко небо, горный ветер веет,
И непорочны помыслы мои.

Ушла к другим бессонница-сиделка,
Я не томлюсь над серою золой,
И башенных часов кривая стрелка
Смертельной мне не кажется стрелой.

Как прошлое над сердцем власть теряет!
Освобождение близко. Все прощу,
Следя, как луч взбегает и сбегает
По влажному весеннему плющу.

Весна 1912

* * *

Ты письмо мое, милый, не комкай.
До конца его, друг, прочти.
Надоело мне быть незнакомкой,
Быть чужой на твоём пути.

Не гляди так, не хмурься гневно,
Я любимая, я твоя.
Не пастушка, не королева
И уже не монашенка я —

В этом сером будничном платье,
На стоптанных каблуках...
Но, как прежде, жгуче объятье,
Тот же страх в огромных глазах.

Ты письмо мое, милый, не комкай,
Не плачь о заветной лжи.
Ты его в твоей бедной котомке
На самое дно положи.

1912

Царское Село

* * *

Покорно мне воображенье
В изображеньи серых глаз.
В моем тверском уединенье
Я горько вспоминаю вас.

Прекрасных рук счастливый пленник,
На левом берегу Невы,
Мой знаменитый современник,
Стучилось, как хотели вы.

Вы, приказавший мне: довольно,
Поди, убей свою любовь!
И вот я таю, я безвольна,
Но все сильнее скучает кровь.

И если я умру, то кто же
Мои стихи напишет вам!
Кто стать звенящими поможет
Еще не сказанным словам?

Июль 1913

Слепнево

* * *

Ты знаешь, я томлюсь в неволе,
О смерти господя моля.
Но все мне памятна до боли
Тверская скудная земля.

Журавль у ветхого колодца,
Над ним, как кипень, облака,
В полях скрипучие воротца,
И запах хлеба, и тоска.

И те неяркие просторы,
Где даже голос ветра слаб,
И осуждающие взоры
Спокойных, загорелых баб.

Осень 1913

* * *

Столько просьб у любимой всегда!
У разлюбленной просьб не бывает.
Как я рада, что нынче вода
Под бесцветным ледком замирает.

И я стану — Христос, помоги! —
На покров этот, светлый и ломкий,
А ты письма мои береги,
Чтобы нас рассудили потомки,

Чтоб отчетливей и ясней
 Ты был виден им, мудрый и смелый.
 В биографии славной твоей
 Разве можно оставить пробелы?

Слишком сладко земное питье,
 Слишком плотны любовные сети.
 Пусть когда-нибудь имя мое
 Прочитают в учебниках дети,

И, печальную повесть узнав,
 Пусть они улыбнутся лукаво...
 Мне любви и покоя не дав,
 Подари меня горькою славой.

1913

* * *

Проводила друга до передней,
 Постояла в золотой пыли,
 С колоколенки соседней
 Звуки важные текли.
 Брошена! Придуманное слово —
 Разве я цветок или письмо?
 А глаза глядят уже сурово
 В потемневшее трюмо.

1913,

Царское Село

* * *

Твой белый дом и тихий сад оставлю.
 Да будет жизнь пустынна и светла.
 Тебя, тебя в моих стихах прославлю,
 Как женщина прославить не могла.
 И ты подругу помнишь дорогую
 В тобою созданном для глаз ее раю,
 А я товаром редкостным торгую —
 Твою любовь и нежность продаю.

1913

Царское Село

* * *

Настоящую нежность не спутаешь
 Ни с чем, и она тиха.
 Ты напрасно бережно кутаешь
 Мне плечи и грудь в меха.

И напрасно слова покорные
 Говоришь о первой любви.
 ; Как я знаю эти упорные,
 Несытые взгляды твои!

*Декабрь 1913**Царское Село*

* * *

Н. В. Н.

Есть в близости людей заветная черта,
Ее не перейти влюбленности и страсти, —
Пусть в жуткой тишине сливаются уста
И сердце рвется от любви на части.

И дружба здесь бессильна, и года
Высокого и огненного счастья,
Когда душа свободна и чужда
Медлительной истоме сладострастья.

Стремящиеся к ней безумны, а ее
Достигшие — поражены тоскою...
Теперь ты понял, отчего мое
Не бьется сердце под твоей рукою.

Май 1915
Петербург

* ~ *

Все отнято: и сила, и любовь.
В немилый город брошенное тело
Не радо солнцу. Чувствую, что кровь
Во мне уже совсем похолодела.

Веселой Музы нрав не узнаю:
Она глядит и слова не проронит,
А голову в веночке темном клонит,
Изнеможенная, на грудь мою.

И только совесть с каждым днем страшней
Беснуется: великой хочет дани.
Закрыв лицо, я отвечала ей...
Но больше нет ни слез, ни оправданий.

Осень 1916
Севастополь

* * *

Пленник чужой! Мне чужого не надо,
Я и своих-то устала считать.
Так отчего же такая отрада
Эти вишневые видеть уста?

Пусть он меня и хулит, и бесславит,
Слышу в словах его сдавленный стон.
Нет, он меня никогда не заставит
Думать, что страстно в другую влюблен.

И никогда не поверю, что можно
После небесной и тайной любви
Снова смеяться и плакать тревожно
И проклинять поцелуи мои.

1917

* * *

А, ты думал — я тоже такая,
 Что можно забыть меня
 И что брошусь, моля и рыдая,
 Под копыта гнедого коня.

Или стану просить у знахарок
 В наговорной воде корешок
 И пришлю тебе страшный подарок —
 Мой заветный душистый платок.

Будь же проклят. Ни стоном, ни взглядом
 Окаянной души не коснусь,
 Но клянусь тебе ангельским садом,
 Чудотворной иконой клянусь
 И ночей наших пламенным чадом —
 Я к тебе никогда не вернусь.

Июль 1921

Петербург

* * *

Долгим взглядом твоим истомленная,
 И сама научилась томить.
 Из ребра твоего сотворенная,
 Как могу я тебя не любить?

Быть твоею сестрою отрадную
 Мне завещано древней судьбой,
 А я стала лукавой и жадною
 И сладчайшей твоею рабой.

Но когда замираю, смиренная,
 На груди твоей снега белей,
 Как ликует твое умудренное
 Сердце — солнце отчизны моей!

25 сентября 1921

* * *

И ты мне все простишь:
 И даже то, что я не молодая,
 И даже то, что с именем моим,
 Как с благостным огнем тлетворный дым,
 Слилась навеки клевета глухая.

1925

ИЗ ЦИКЛА «ШИПОВНИК ЦВЕТЕТ»

*

Ты выдумал меня. Такой на свете нет,
 Такой на свете быть не может.
 Ни врач не исцелит, не утолит поэт, —
 Тень призрака тебя и день и ночь тревожит.
 Мы встретились с тобой в невероятный год,
 Когда уже иссякли мира силы,

Все было в трауре, все никло от невзгод,
И были свежи лишь могилы.
Без фонарей как смоль был черен нековский вал,
Глухая ночь вокруг стеной стояла...
Так вот когда тебя мой голос вызывал!
Что делала — сама еще не понимала.
И ты пришел ко мне, как бы звездой ведом,
По осени трагической ступая,
В тот навсегда опустошенный дом,
Откуда унеслась стихов сожженных стая.

18 августа 1956

Старки

* * *

Позвони мне хотя бы сегодня,
Ведь ты все-таки где-нибудь есть,
А я стала безродных безродней
И не слышу крылатую весть.

9 июня 1958

ЧЕРЕЗ 23 ГОДА

Я гашу те заветные свечи,
Мой окончен волшебный вечер, —
Палачи, самозванцы, предтечи
И, увы, прокурорские речи,
Все уходит — мне снишься ты.
Доплясавший свое пред ковчегом,
За дождем, за ветром, за снегом
Тень твоя над бессмертным бременем,
Голос твой из недр темноты.

И по имени! Как неустанно
Вслух зовешь меня снова... «Анна!»
Говоришь мне, как прежде, — «Ты».

13 мая 1963

Комарово

Холодно, сыро, мелкий дождь

СЕРГЕЙ АНТОНОВИЧ КЛЫЧКОВ

1889—1940

* * *

Ступает тишь, как сторож у ворот,
Не шелохнет ни листика, ни ветки,
Лишь дочка чернокошая соседки,
Как птица полуночная, поет.

О чем, Айше, так грустно ты поешь?
Мне чуждо дикое твоё наречье.
Ты с моря, я с далекого поречья.
Тебя — волна, меня вскормила рожь.

Но не забыть, пока поет в душе,
Во мне самом баюн сладкоголосый,
Чужой весны камнистого откоса
И песенки тоскующей Айше.

* * *

Стал голос хриплый, волос грубый
И грузны руки, как кряжи,
А у тебя все те же губы
И за ресницей — как во ржи.

От этой непосильной лямки
Уж еле переводишь дух,
А тут в глазах играют ямки,
И в ямках золотится пух.

И так завидно, что улыбка
Не сходит с твоего лица.
Когда ты клонишься над зыбкой,
Поешь в полутени светца.

И будешь петь ты так же нежно,
Какая б ни прошла гроза:
За пологом пророс подснежник,
Цветут душистые глаза!..

ВЕРА МИХАЙЛОВНА ИНБЕР

1890—1972

* * *

Всему под звездами готов
Его черед.
И время таянья снегов
Придет.
И туча мая на гранит
Прольет печаль.
И лунный луч осеребрит
Миндаль.
И запах обретет вода
И плеск иной,
И я уеду, как всегда,
Весной.
И мы расстанемся, мой свет,
Моя любовь,
И встретимся с тобой иль нет
Вновь?

1919

* * *

Поцелуй же напоследок
Руки и уста.
Ты уедешь, я уеду —
В разные места.

И меж нами (тем синее,
Чем далече ты)
Расползутся, точно змеи,
Горные хребты.

И за русскою границей
Обрывая бег,
Размечаются косицы
Белокурых рек.

И от северного быта
Устремляясь вниз,
Будешь есть не наше жито,
А чужой маис.

А когда, и сонный чуток,
Ты уснешь впотьмах,
Будет разница в полсуток
На моих часах.

Налетят москиты злые,
Зашумит гроза,
Поцелуешь ты косые
Черные глаза.

Но хотя бы обнял тыщи
Девушек, любя,
Ты второй такой не сыщешь
Пары для себя.

И, плывя в края иные
По морской воде,
Ты второй такой России
Не найдешь нигде.

1923

БОРИС ЛЕОНИДОВИЧ ПАСТЕРНАК

1890—1960

МАРБУРГ

Я вздрагивал. Я загорался и гас.
Я трясся. Я сделал сейчас предложение, —
Но поздно, я сдрейфил, и вот мне — отказ.
Как жаль ее слез! Я святого блаженней!

Я вышел на площадь. Я мог быть сочтен
Вторично родившимся. Каждая малость
Жила и, не ставя меня ни во что,
В прощальном значеньи своем подымалась.

Плитняк раскалялся, и улицы лоб
Был смугл, и на небо глядел исподлобья
Булыжник, и ветер, как лодочник, греб
По липам. И все это были подобья.

Но как бы то ни было, я избегал
Их взглядов. Я не замечал их приветствий.
Я знать ничего не хотел из богатств.
Я вон вырывался, чтоб не разреветься.

Инстинкт прирожденный, старик-подхалим,
Был невыносим мне. Он крался бок о бок
И думал: «Ребятня зазноба. За ним,
К несчастью, придется присматривать в оба».

«Шагни, и еще раз», — твердил мне инстинкт,
И вел меня мудро, как старый схоластик,
Чрез девственный, непроходимый тростник
Нагретых деревьев, сирени и страсти.

«Научишься шагом, а после хоть в бег», —
Твердил он, и новое солнце с зенита
Смотрело, как сызнова учат ходьбе
Туземца планеты на новой планиде.

Одних это все ослепляло. Другим —
Той тьмою казалось, что глаз хоть выколи.
Копались цыплята в кустах георгин,
Сверчки и стрекозы, как часики, тикали.

Плыла черепица, и полдень смотрел,
Не смаргивая, на кровли. А в Марбурге
Кто, громко свища, мастерил самострел,
Кто молча готовился к Троицкой ярмарке.

Желтел, облака пожирая, песок.
Предгрозые играло бровями кустарника.
И небо спекалось, упав на кусок
Кровоостанавливающей арники.

В тот день всю тебя, от гребенок до ног,
Как трагик в провинции драму Шекспирову,
Носил я с собою и знал назубок,
Шатался по городу и репетировал.

Когда я упал пред тобой, охватив
Туман этот, лед этот, эту поверхность
(Как ты хороша!) — этот вихрь духоты...
О чем ты? Опомнись! Пропало. Отвергнуто.

Тут жил Мартин Лютер. Там — братья Гримм.
Когтистые крыши. Деревья. Надгробья.
И все это помнит и тянется к ним.
Все — живо. И все это тоже — подобья.

Нет, я не пойду туда завтра. Отказ —
Полнее прощанья. Все ясно. Мы квиты.
Вокзальная сутолока не про нас.
Что будет со мною, старинные плиты?

Повсюду портпледы разложит туман,
И в обе оконницы вставят по месяцу.
Тоска пассажиркой скользнет по томам
И с книжкой на оттоманке поместится.

Чего же я трушу? Ведь я, как грамматику,
Бессонницу знаю. У нас с ней союз.
Зачем же я, словно прихода лунатика,
Явления мыслей привычных боюсь?

Ведь ночи играть садятся в шахматы
Со мной на лунном паркетном полу,
Акацией пахнет, и окна распахнуты,
И страсть, как свидетель, сидит в углу.

И тополь — король. Я играю с бессонницей.
И ферзь — соловей. Я тянусь к соловью.
И ночь побеждает, фигуры сторонятся,
Я белое утро в лицо узнаю.

1916, 1928

* * *

Здесь прошелся загадки таинственный ноготь.
— Поздно, выплусь, чем свет перечту и пойму.
А пока не разбудят, любимую трогать
Так, как мне, не дано никому.

Как я трогал тебя! Даже губ моих медью
Трогал так, как трагедией трогают зал.
Поцелуй был, как лето. Он медлил и медлил,
Лишь потом раздражалась гроза.

Пил, как птицы. Тянул до потери сознания.
Звезды долго горлом текут в пищевод,
Соловьи же заводят глаза с содроганьем,
Осушая по капле ночной небосвод.

1918

* * *

Любить иных — тяжелый крест,
А ты прекрасна без извилин,
И прелести твоей секрет
Разгадке жизни равносильна.

Весною слышен шорох снов
И шелест новостей и истин.
Ты из семьи таких основ.
Твой смысл, как воздух, бескорыстен.

Легко проснуться и прозреть,
Словесный сор из сердца вытрясть
И жить, не засоряясь впредь,
Все это — не большая хитрость.

〈1931〉

* * *

Красавица моя, вся статья,
Вся суть твоя мне по сердцу,
Вся рвется музыкою статья,
И вся на рифмы просится.

А в рифмах умирает рок,
И правдой входит в наш мирок
Миров разноголосица.

И рифма не вторенье строк,
А гардеробный номерок,
Талон на место у колонн
В загробный гул корней и лон.

И в рифмах дышит та любовь,
Что тут с трудом выносится,
Перед которой хмурят бровь
И морщат переносицу.

И рифма не вторенье строк,
Но вход и пропуск за порог,
Чтоб сдать, как плащ за бляшкою
Болезни тягость тяжкую,
Боязнь огласки и греха
За громкой бляшкою стиха.

Красавица моя, вся суть,
Вся стать твоя, красавица,
Спирает грудь и тянет в путь.
И тянет петь и — нравится.

Тебе молился Поликлет.
Твои законы изданы.
Твои законы в далях лет.
Ты мне знакома издавна.

1931

* * *

Никого не будет в доме,
Кроме сумерек. Один
Зимний день в сквозном проеме
Незадернутых гардин.

Только белых мокрых комьев
Быстрый промельк маховой.
Только крыши, снег и, кроме
Крыш и снега, — никого.

И опять зачертит иней,
И опять завертит мной
Прошлогоднее унынье
И дела зимы иной.

И опять кольнут доньше
Неотпущенной виной,
И окно по крестовине
Сдавит голод дровяной.

Но неожиданно по портъере
Пробежит вторженья дрожь.
Тишину шагами меря,
Ты, как будущность, войдешь.

Ты появишься у двери
В чем-то белом, без причуд,
В чем-то впрямь из тех материй,
Из которых хлопья шьют.

1931

ОСЕНЬ

Я дал разъехаться домашним,
Все близкие давно в разброде,
И одиночеством всегдашним
Полно все в сердце и природе.

И вот я здесь с тобой в сторожке.
В лесу безлюдно и пустынно.
Как в песне, стежки и дорожки
Позаросли наполовину.

Теперь на нас одних с печалью
Глядят бревенчатые стены.
Мы брать преград не обещали,
Мы будем гибнуть откровенно.

Мы сядем в час и встанем в третьем,
Я с книгою, ты с вышиваньем,
И на рассвете не заметим,
Как целоваться перестанем.

Еще пышней и бесшабашней
Шумите, осыпайтесь, листья,
И чашу горечи вчерашней
Сегодняшней тоской превысьте.

Привязанность, влечение, прелести!
Рассеемся в сентябрьском шуме!
Заройся вся в осенний шелест!
Замри или ополоумей!

Ты так же сбрасываешь платье,
Как роща сбрасывает листья,
Когда ты падаешь в объятье
В халате с шелковой кистью.

Ты — благо гибельного шага,
Когда житье тошней недуга,
А корень красоты — отвага,
И это тянет нас друг к другу.

1940

ЗИМНЯЯ НОЧЬ

Мело, мело по всей земле
Во все пределы,
Свеча горела на столе,
Свеча горела.

Как летом роем мошкара
Летит на пламя,
Слетались хлопья со двора
К оконной раме.

Метель лепила на стекле
Кружки и стрелы.
Свеча горела на столе,
Свеча горела.

На озаренный потолок
Ложились тени,
Скрещенья рук, скрещенья ног,
Судьбы скрещенья.

И падали два башмачка
Со стуком на пол.
И воск слезами с ночника
На платье капал.

И все терялось в снежной мгле,
Седой и белой.
Свеча горела на столе,
Свеча горела.

На свечку дуло из угла,
И жар соблазна
Вздымал, как ангел, два крыла
Крестообразно.

Мело весь месяц в феврале,
И то и дело
Свеча горела на столе,
Свеча горела.

1946—1953

ВЕТЕР

Я кончился, а ты жива.
И ветер, жалуясь и плача,
Раскачивает лес и дачу.
Не каждую сосну отдельно,
А полностью все деревья
Со всею далью беспредельной,
Как парусников кузова
На глади бухты корабельной.
И это не из удалства
Или из ярости бесцельной,
А чтоб в тоске найти слова
Тебе для песни колыбельной.

1953

ХМЕЛЬ

Под раkitой, обвитой плющом,
От ненастья мы ищем защиты.
Наши плечи покрыты плащом,
Вкруг тебя мои руки обвиты.

Я ошибся. Кусты этих чащ
Не плющом перевиты, а хмелем.
Ну так лучше давай этот плащ
В ширину под собою расстелим.

1953

РАЗЛУКА

С порога смотрит человек,
Не узнавая дома.
Ее отъезд был как побег.
Везде следы разгрома.

Повсюду в комнатах хаос.
Он меры разоренья
Не замечает из-за слез
И приступа мигрени.

1
В ушах с утра какой-то шум.
Он в памяти иль грезит?
И почему ему на ум
Все мысль о море лезет?

Когда сквозь иней на окне
Не видно света божья,
Безвыходность тоски вдвойне
С пустыней моря схожа.

Она была так дорога
Ему чертой любою,
Как моря близки берега
Всей линией прибоя.

Как затопляет камыши
Волнение после шторма,
Ушли на дно его души
Ее черты и формы.

В года мытарств, во времена
Немыслимого быта
Она волной судьбы со дна
Была к нему прибита.

Среди препятствий без числа,
Опасности минуя,
Волна несла ее, несла
И пригнала вплотную.

И вот теперь ее отъезд,
Насильственный, быть может!
Разлука их обоих съест,
Тоска с костями сглохнет.

И человек глядит кругом:
Она в момент ухода
• Все выворотила вверх дном
, Из ящиков комода.

Он бродит и до темноты
 Укладывает в ящик
 Раскиданные лоскуты
 И выкройки образчик.

И, наколовшись об шитье
 С невынутой иглой,
 Внезапно видит всю ее
 И плачет втихомолку.

1953

* * *

Во всем мне хочется дойти
 До самой сути.
 В работе, в поисках пути,
 В сердечной смуте.

До сущности протекших дней,
 До их причины,
 До оснований, до корней,
 До сердцевины.

;
 Все время схватывая нить
 Судеб, событий,
 Жить, думать, чувствовать, любить,
 Свершать открытья.

О, если бы я только мог
Хотя отчасти,
Я написал бы восемь строк
О свойствах страсти.

О беззаконьях, о грехах,
Бегах, погонях,
Нечаянностях впопыхах,
Локтях, ладонях.

Я вывел бы ее закон,
Ее начало.
И повторял ее имен
Инициалы.

Я б разбивал стихи, как сад.
Всей дрожью жилок
Цвели бы липы в них подряд,
Гуськом, в затылок.

В стихи б я внес дыханье роз,
Дыханье мяты,
Луга, осоку, сенокос,
Грозы раскаты.

Так некогда Шопен вложил
Живое чудо
Фольварков, парков, рощ, могил
В свои этюды.

Достигнутого торжества
Игра и мука —
Натянутая тетива
Тугого лука.

• 1956

БЕЗ НАЗВАНИЯ

Недотрога, тихоня в быту,
Ты сейчас вся огонь, вся горенье.
Дай запру я твою красоту
В темном тереме стихотворенья.

Посмотри, как преображена
Огневой кожурой абажура
Конура, край стены, край окна,
Наши тени и наши фигуры.

Ты с ногами сидишь на тахте,
Под себя их поджав по-турецки.
Все равно, на свету, в темноте,
Ты всегда рассуждаешь по-детски.

Замечтавшись, ты нижешь на шнур
Горсть на платье скатившихся бусин.
Слишком грустен твой вид, чересчур
Разговор твой прямой безыскусен.

Пóшло слово любовь, ты прáва.
Я придумаю кличку иную.
Для тебя я весь мир, все слова,
Если хочешь, переименую.

Разве хмурый твой вид передаст
Чувств твоих рудоносную залежь,
Сердца тайно светящийся пласт?
Ну, так что же глаза ты печалишь?

ЕДИНСТВЕННЫЕ ДНИ

На протяженье многих зим
Я помню дни солнцеворота,
И каждый был неповторим
И повторялся вновь без счета.

И целая их череда
Составилась мало-помалу —
Тех дней единственных, когда
Нам кажется, что время стало.

Я помню их наперечет:
Зима подходит к середине,
Дороги мокнут, с крыш течет
И солнце греется на льдине.

И любящие, как во сне,
Друг к другу тянутся поспешней.
И на деревьях в вышине
Потеют от тепла скворешни.

И полусонным стрелкам лень
Ворочаться на циферблате,
И дольше века длится день
И не кончается объятье.

1959

МИХАИЛ АЛЕКСАНДРОВИЧ ЗЕНКЕВИЧ

1891—1973

* * *

Подсолнух поздний догорал в полях,
И, вкрапленный в сапфировых глубинах,
На легком зное нежился размах
Поблескивавших крыльев ястребиных.

Кладя пределы смертному хотенью,
Казалось, то сама судьба плыла
За нами по жнивью незримой тенью
От высоко скользящего крыла.

Как этот полдень, пышности и лени
Исполнена, ты шла, смиряя зной.
Лишь платье билось пеной кружевной
О гордые и статные колени.

Да там, в глазах, под светлой оболочкой,
На обреченного готовясь пасть,
Средь синевы темнела знойной точкой,
Поблескивая, словно ястреб, страсть.

1916

* * *

Твой сон предрассветный сладок,
И дразнит дерзкого меня
Намеками прозрачных складок
Чуть дышащая простыня.

Но, недотрога, ты свернулась
Под стать мимозе иль ежу,
На цыпочках, чтоб не проснулась,
Уйду, тебя не разбужу.

Какая гладь и ширь какая!
И с якоря вниз головой
Сейчас слечу я, рассекая
Хрусталь дремотный, огневой!

И, вспомнив нежную истому,
Еще зовущую ко сну,
Навстречу солнцу золотому
С саженок брызгами блесну.

1918

РЮРИК ИВНЕВ
(Михаил Александрович Ковалев)

1891—1981

* * *

Любовь моя — ты солнцем сожжена.
Молчу и жду последнего удара.
Сухие губы. Темная луна.
И фонари проклятого бульвара.

Нет ничего безумней и страшней
Вот этого спокойного молчанья.
Раздавленное тело дней
Лежит в пыли без содроганья.

1914

Петербург

;

СЕКУНДЫ ЛЮБВИ

Я шел по дорогам, изрытым годами,
Дышал, задыхался и падал в крови.
И с тою же силою, как при Адаме,
Летели секунды, секунды любви.

Мы к древу познания пришли не случайно.
Мы знаем так много, нам все не в нови,
Но с той же слепой, неразгаданной тайной
Несутся секунды, секунды любви.

Как будто все просто и так объяснимо,
Как голуби теплые — только лови.
Трепещут в руках, но проносятся мимо
Секунды, секунды, секунды любви.

Зачем же гадать о бесчисленных звездах.
Оставь их в саду поднебесья, не рви.
Смотри, как земной наш живительный воздух
Пронзают секунды, секунды любви.

1946

ГРОЗДЬЯ ЛЮБВИ

Еще до рожденья звездой путеводной
Нам служат горячие гроздья любви
На торжищах людных, в пустыне безводной,
На дне подсознания, в душе и в крови.

И мы, повинуюсь магической силе,
Несемся песчинками, словно самум,
Становимся сами мифической пылью,
Не мысля опомниться, взяться за ум.

Несемся мы бурей и буре подобны.
Никто мы и всё. Нет для нас аксиом.
Мы солнце Вселенной и хаос загробный,
Но гроздьям любви мы послушны во всем.

И в этом чудовищно-быстром движенье,
Медлительно-долгом, спокойном на вид,
Быть может, мы только твое отраженье,
Звезда путеводная первой любви.

1967

**ЕЛИЗАВЕТА ЮРЬЕВНА
КУЗЬМИНА-КАРАВАЕВА**

1891—1945

* * *

В последний день не плачь и не кричи:
Он все равно придет неотвратимо.
Я отдала души моей ключи
Случайно проходившим мимо.

Я рассказала, как найти мой клад,
Открыла все незримые приметы;
И каждый мне сказал, что он мой брат,
И всем дала я верности обеты.

Теперь томится дух без сил и ног;
Теперь я только странник, тихий нищий;
В окно ко мне стучится злобный враг,
Чтоб я открыла дверь в мое жилище.

Да будет сердцу легок вечный путь,
Да будет пламенный закат недолог;
Найду и я в пути когда-нибудь
Нездешних солнц слепительный осколок.

В монашестве Мать Мария — участник движения Сопротивления во Франции, казнена фашистами в концлагере Равенсбрюк (Германия).

* * *

Я силу много раз еще утрачу;
Я вновь умру, и я воскресну вновь;
Переживу потерю, неудачу,
Рождение, смерть, любовь.

И каждый раз, в свершенья круг вступая,
Я буду помнить о тебе, земля;
Всех спутников случайных, степь без края,
Движение стебля.

Не только помнить; путь мой снова в гору;
Теперь мне вестник ближе протрубил;
И виден явственно земному взору
Размах широких крыл.

И знаю, — будет долгая разлука;
Неузнанной вернусь еще я к вам.
Так; верю: не услышите вы стука
И не поверите словам.

Но будет час; когда? — еще не знаю;
И я приду, чтоб дать живым ответ,
Чтоб вновь вам указать дорогу к раю,
Сказать, что боли нет.

Не чудо, нет; мой путь не чудотворен,
И только дух пред тайной светлой наг,
Всегда судьбе неведомой покорен,
Любовью вечной благ.

И вы придете все: калека, нищий,
И воин, и мудрец, дитя, старик,
Чтобы вкусить добытой мною пищи,
Увидеть светлый Лик.

1916

* * *

Пусть отдам мою душу я каждому,
Тот, кто голоден, пусть будет есть,
Наг — одет, и напьется пусть жаждущий,
Пусть услышит неслышавший весть.

От небесного грома до шепота,
Учит все — до копейки отдай.
Грузом тяжким священного опыта
Переполнен мой дух через край.

И забыла я, есть ли средь множества
То, что всем именуется «я».
Только крылья, любовь и убожество
И биение всебытия.

1933

ОСИП ЭМИЛЬЕВИЧ МАНДЕЛЬШТАМ

1891—1938

* * *

Бессонница. Гомер. Тугие паруса.
Я список кораблей прочел до середины:
Сей длинный выводок, сей поезд журавлиный,
Что над Элладю когда-то поднялся.

Как журавлиный клин в чужие рубежи, —
На головах царей божественная пена, —
Куда плывете вы? Когда бы не Елена,
Что Троя вам одна, ахейские мужи?

И море, и Гомер — все движется любовью.
Кого же слушать мне? И вот Гомер молчит,
И море черное, витийствуя, шумит
И с тяжким грохотом подходит к изголовью.

1915

1

СОЛОМИНКА

I

Когда, соломинка, не спишь в огромной спальне
И ждешь, бессонная, чтоб, важен и высок,
Спокойной тяжестью — что может быть печальной,
На веки чуткие спустился потолок,

Соломка звонкая, соломинка сухая,
Всю смерть ты выпила и сделалась нежней,
Сломалась милая соломка неживая,
Не Саломея, нет, соломинка скорей.

В часы бессонницы предметы тяжелее,
Как будто меньше их — такая тишина —
Мерцают в зеркале подушки, чуть белея,
И в круглом омуте кровать отражена.

Нет, не соломинка в торжественном атласе,
В огромной комнате над черною Невой,
Двенадцать месяцев поют о смертном часе,
Струится в воздухе лед бледно-голубой.

Декабрь торжественный струит свое дыханье,
Как будто в комнате тяжелая Нева.
Нет, не Соломинка, Лигейя, умиранье —
Я научился вам, блаженные слова.

II

Я научился вам, блаженные слова —
Ленор, Соломинка, Лигейя, Серафита,
В огромной комнате тяжелая Нева,
И голубая кровь струится из гранита.

Декабрь торжественный сияет над Невой.
Двенадцать месяцев поют о смертном часе.

Нет, не Соломинка в торжественном атласе
Вкушает медленный, томительный покой.

В моей крови живет декабрьская Лигейя,
Чья в саркофаге спит блаженная любовь,
А та соломинка, быть может Саломея,
Убита жалостью и не вернется вновь.

1916

* * *

За то, что я руки твои не сумел удержать,
За то, что я предал соленые нежные губы,
Я должен рассвета в дремучем акрополе ждать.
Как я ненавижу пахучие, древние срубы!

Ахейские мужи во тьме снаряжают коня,
Зубчатыми пилами в стены вгрызаются крепко,
Никак не уляжется крови сухая возня,
И нет для тебя ни названья, ни звука, ни слепка.

Как мог я подумать, что ты возвратишься, как смел?
Зачем преждевременно я от тебя оторвался?
Еще не рассеялся мрак и петух не пропел,
Еще в древесину горячий топор не врезался.

Прозрачной слезой на стенах проступила смола,
И чувствует город свои деревянные ребра,
Но хлынула к лестницам кровь и на приступ пошла,
И трижды приснился мужам соблазнительный образ.

Где милая Троя? Где царский, где девичий дом?
Он будет разрушен, высокий Приамов скворешник.
И падают стрелы сухим деревянным дождем,
И стрелы другие растут на земле, как орешник.

Последней звезды безболезненно гаснет укол,
И серую ласточкой утро в окно постучится,
И медленный день, как в соломе проснувшийся вол,
На стогах, шершавых от долгого сна, шевелится.

1920

* * *

Мне жалко, что теперь зима
И комаров не слышно в доме.
Но ты напомнила сама
О легкомысленной соломе.

Стрекозы вьются в синеве,
И ласточкой кружится мода,
Корзиночка на голове
Или напыщенная ода?

Советовать я не берусь,
И бесполезны отговорки,
Но взбитых сливок вечен вкус
И запах апельсинной корки.

Ты все толкуешь наобум,
От этого ничуть не хуже,
Что, делать, самый нежный ум
Весь помещается снаружи.

И ты пытаешься желток
Взбивать рассерженною ложкой,
Он побелел, он изнемог,
И все-таки еще немножко.

И право, не твоя вина,
Зачем оценки и изнанки?
Ты как нарочно создана
Для комедийной перебранки.

В тебе все дразнит, все поет,
Как итальянская рулада,
И маленький вишневый рот
Сухого просит винограда.

Так не старайся быть умней,
В тебе все прихоть, все минута,
И тень от шапочки твоей —
Венецианская баута.

1920, 1923

* * *

Я наравне с другими
Хочу тебе служить,
От ревности сухими
Губами ворожить.
Не утоляет слово
Мне пересохших уст,
И без тебя мне снова
Дремучий воздух пуст.

Я больше не ревную,
Но я тебя хочу,
И сам себя несу я,
Как жертву палачу.
Тебя не назову я
Ни радость, ни любовь.
На дикую, чужую
Мне подменили кровь.

Еще одно мгновенье,
И я скажу тебе:
Не радость, а мученье
Я нахожу в тебе.
И, словно преступленье,
Меня к тебе влечет
Искусанный в смятении
Вишневый нежный рот...

Вернись ко мне скорее,
Мне страшно без тебя,
Я никогда сильнее
Не чувствовал тебя.
И все, чего хочу я,
Я вижу наяву.
Я больше не ревную,
Но я тебя зову.

1920

* * *

Возьми на радость из моих ладоней
Немного солнца и немного меда,
Как нам велели пчелы Персефоны.

Не отвязать неприкрепленной лодки,
Не услышать в меха обутой тени,
Не превозмочь в дремучей жизни страха.

Нам остаются только поцелуи,
Мохнатые, как маленькие пчелы,
Что умирают, вылетев из улья.

Они шуршат в прозрачных дебрях ночи,
Их родина — дремучий лес Тайгета,
Их пища — время, медуница, мята.

Возьми ж на радость дикий мой подарок,
Невзрачное сухое ожерелье
Из мертвых пчел, мед превративших в солнце.

1920

* * *

Жизнь упала как зарница,
Как в стакан воды ресница,
Изолгавшись на корню —
Никого я не виню...

Хочешь яблока ночного,
Сбитню свежего, крутого,
Хочешь, валенки сниму,
Как пушинку, подниму?

Ангел в светлой паутине
В золотой стоит овчине,
Свет фонарного луча
До высокого плеча.

Разве кошка, встрепенувшись,
Черным зайцем обернувшись,
Вдруг простегивает путь,
Исчезает где-нибудь...

Как дрожала губ малина,
Как поила чаем сына,
Говорила наугад,
Ни к чему и невпопад...

Как нечаянно запнулась,
Изолгалась, улыбнулась
Так, что вспыхнули черты
Неуклюжей красоты.

Есть за куколем дворцовым
И за кипением садовым
Заресничная страна —
Там ты будешь мне жена.

Выбрав валенки сухие
И тулупы золотые,
Взявшись за руки вдвоем,
Той же улицей пойдем.

Без оглядки, без помехи
 На сияющие веки —
 От зари и до зари
 Налитые фонари.

1925

* * *

Ma voix aigre et fausse...

*P. Verlain*¹

Я скажу тебе с последней
 Прямотой:
 Все лишь бредни, шерри-бренди,
 Ангел мой!

Там где элину сияла
 Красота,
 Мне из черных дыр зияла
 Срамота.

Греки сбондили Елену
 По волнам,
 Ну, а мне соленой пеной
 По губам!

¹ Мой голос пронзительный и фальшивый (фр.). —
 П. Верлен.

По губам меня помажет
Пустота,
Строгий кукиш мне покажет —
Нищета.

Ой-ли, так ли, — дуй ли, вей ли, —
Все равно —
Ангел Мэри, пей коктейли,
Дуй вино!

Я скажу тебе с последней
Прямотой —
Все лишь бредни, шерри-бренди,
Ангел мой!

2 марта 1931

* * *

Мастерица виноватых взоров,
Маленьких держательница плеч, —
Усмирен мужской опасный норов,
Не звучит утопленница-речь.

Ходят рыбы, рдея плавниками,
Раздувая жабры. На, возьми
Их — бесшумно окающих ртами, —
Полухлебом плоти накорми!

Мы не рыбы красно-золотые,
 Наш обычай сестринский таков:
 В теплом теле ребрышки худые
 И напрасный влажный блеск зрачков.

Маком бровки мечен путь опасный...
 Что же мне, как янычару, люб
 Этот крошечный, летуче-красный,
 Этот жалкий полумесяц губ.

Не серчай, турчанка дорогая,
 Я с тобой в глухой мешок зашьюсь,
 Твои речи темные глотая,
 За тебя кривой воды напьюсь.

Ты, Мария, — гибнущим подмога.
 Надо смерть предупредить, уснуть.
 Я стою у твердого порога —
 Уходи, уйди, еще побуды!..

Февраль 1934

* * *

Возможна ли женщине мертвой хвала?
 Она в отчужденье и в силе...
 Ее чужелюбая власть привела
 К насильственной жаркой могиле.

И твердые ласточки круглых бровей
Из гроба ко мне прилетели
Сказать, что они отлежались в своей
Холодной стокгольмской постели.

И прадеда скрипкой гордился твой род,
От шейки ее хорошея,
И ты раскрывала свой аленький рот,
Смеясь, итальянясь, русея...

Я тяжкую память твою берегу —
Дичок, медвежонок, Миньона —
Но мельниц колеса зимуют в снегу,
И стынет рожок почтальона.

3—4 апреля — 3 июня 1935

ИЛЬЯ ГРИГОРЬЕВИЧ ЭРЕНБУРГ

1891—1967

* * *

Я так любил тебя — до грубых шуток
И до таких пронзительных немот,
Что даже дождь, стекло и ветки путал,
Не мог найти каких-то нужных нот.

Так только варвар, бросивший на форум
Косматый запах крови и седла,
Богинь обледенивший волчьим взором
Занеженные зябкие тела,

Так только варвар, конь чей, дико пенясь,
Ветрами заальпийскими гоним,
Копытом высекал из сердца пленниц
Источники чистительные нимф,

И после, [;]приминая мех медвежий,
Гортанным храпом плача и шутя,
Так только варвар пестовал и нежил
Диковинное южное дитя.

Так я тебя, без музыки, без лавра,
Грошовую игрушку смастерил,
Нет, не на радость, как усталый варвар,
Ныряя в ночь, большую, без зари.

1924

* * *

Так ждать, чтоб даже память вымерла,
Чтоб стал непроходимым день,
Чтоб умирать при милом имени
И догонять чужую тень,
Чтоб не довериться и зеркалу,
Чтоб от подушки утаить,
Чтоб свет своей любви и верности
Зарыть, запрятать, затемнить,
Чтоб пальцы невзначай не хрустнули,
Чтоб вздох и тот зажать в руке.
Так ждать, чтоб, мертвый, он почувствовал
Горячий ветер на щеке.

1942

* * *

Про первую любовь писали много, —
Кому не лестно походить на бога,
Создать свой мир, открыть в привычной глине
Черты еще не найденной богини?
Но цену глине знает только мастер —
В вечерний час, в осеннее ненастье,
Когда все прожито и все известно,
Когда сверчку его знакомо место,
Когда цветов повторное цветенье
Рождает суеверное волнение,
Когда уж дело не в стихе, не в слове,
Когда все позади, а счастье внове.

1958

ПОСЛЕДНЯЯ ЛЮБОВЬ

Календарей для сердца нет,
Все отдано судьбе на милость.
Так с Тютчевым на склоне лет
То необычное случилось,
О чем писал он наугад,
Когда был влюбчив, легкомыслен,
Когда, исправный дипломат,
Был к хаоса жрецам причислен.

Он знал и молодым, что страсть
Не треск, не звезды фейерверка,
А молчаливая напасть,
Что жаждет сердце исковеркать.
Но лишь поздней, устав искать,
На хаос наглядевшись вдосталь,
Узнал, что значит умирать
Не поэтически, а просто.
Его последняя любовь
Была единственной, быть может.
Уже скудела в жилах кровь
И день положенный был прожит.
Впервые он узнал разор,
И нежность оказалась внове...
И самый важный разговор
Вдруг оборвался на полслове.

〈1965〉

МАРИНА ИВАНОВНА ЦВЕТАЕВА

1892—1941

* * *

Мне нравится, что вы больны не мной,
Мне нравится, что я больна не вами,
Что никогда тяжелый шар земной
Не уплывет под нашими ногами.
Мне нравится, что можно быть смешной —
Распущенной — и не играть словами,
И не краснеть удушливой волной,
Слегка соприкоснувшись рукавами.

Мне нравится еще, что вы при мне
Спокойно обнимаете другую,
Не прочите мне в адовом огне
Гореть за то, что я не вас целую.
Что имя нежное мое, мой нежный, не
Упоминаете ни днем, ни ночью — всуе...
Что никогда в церковной тишине
Не пропоют над нами: аллилуйя!

Спасибо вам и сердцем и рукой
 За то, что вы меня — не зная сами! —
 Так любите: за мой ночной покой,
 За редкость встреч закатными часами,
 За наши не-гулянья под луной,
 За солнце, не у нас над головами, —
 За то, что вы больны — увы! — не мной,
 За то, что я больна — увы! — не вами!

3 мая 1915

* * *

Никто ничего не отнял —
 Мне сладостно, что мы врозь!
 Целую вас через сотни
 Разъединяющих верст.

Я знаю: наш дар — неравен.
 Мой голос впервые — тих.
 Что вам, молодой Державин,
 Мой невоспитанный стих!

На страшный полет крещу вас:
 — Лети, молодой орел!
 Ты солнце стерпел, не щурясь, —
 Юный ли взгляд мой тяжел?

Нежней и бесповоротней
 Никто не глядел вам вслед...
 Целую вас — через сотни
 Разъединяющих лет.

12 февраля 1916

* * *

Я тебя отвоюю у всех земель, у всех небес,
 Оттого что лес — моя колыбель, и могила — лес,
 Оттого что я на земле стою — лишь одной ногой,
 Оттого что я о тебе спою — как никто другой.

Я тебя отвоюю у всех времен, у всех ночей,
 У всех золотых знамен, у всех мечей,
 Я закину ключи и псов прогоню с крыльца —
 Оттого что в земной ночи я вернее пса.

Я тебя отвоюю у всех других — у той, одной,
 Ты не будешь ничей жених, я — ничьей женой,
 И в последнем споре возьму тебя — замолчи! —
 У того, с которым Иаков стоял в ночи.

Но пока тебе не скрещу на груди персты, —
 О, проклятие! — у тебя остаешься — ты:
 Два крыла твои, нацеленные в эфир, —
 Оттого что мир — твоя колыбель, и могила — мир!

15 августа 1916

ИЗ ЦИКЛА «ДОН-ЖУАН»

*

И была у Дон-Жуана — шпага,
 И была у Дон-Жуана — Донна Анна.
 Вот и все, что люди мне сказали
 О прекрасном, о несчастном Дон-Жуане.

Но сегодня я была умна:
Ровно в полночь вышла на дорогу.
Кто-то шел со мною в ногу,
Называя имена.

И белел в тумане — посох странный...
— Не было у Дон-Жуана — Донны Анны!

14 мая 1917

ДВЕ ПЕСНИ

1

И что тому костер остывший,
Кому разлука — ремесло!
Одной волною накатило,
Другой волною унесло.

Ужели в раболепном гневе
За милым поползу ползком —
Я, выношенная во чреве
Не материнском, а морском!

Кусай себе, дружочек родный,
Как яблоко — весь шар земной!
Беседуя с пучиной водной,
Ты все ж беседуешь со мной.

Подобно земнородной деве,
 Не скрестит две руки крестом —
 Дщерь, выношенная во чреве
 Не материнском, а морском!

Нет, *наши* девушки не плачут,
 Не пишут и не ждут вестей!
 Нет, снова я пушусь рыбачить
 Без невода и без сетей!

Какая власть в моем напеве, —
 Одна не ведаю о том, —
 Я, выношенная во чреве
 Не материнском, а морском.

Когда-нибудь, морские струи
 Выглядывая с корабля,
 Ты скажешь: «Я любил — морскую!
 Морская канула — в моря!»

В коралловом подводном древе
 Не ты ль — с серебряным хвостом,
 Дщерь, выношенная во чреве,
 Не материнском, а морском!

13 июня 1920

2

Вчера еще в глаза глядел,
 А нынче — все косится в сторону!
 Вчера еще до птиц сидел, —
 Все жаворонки нынче — вороны!

Я глупая, а ты умен.
Живой, а я остолбенелая,
О вопль женщин всех времен:
«Мой милый, что тебе я сделала?»

И слезы ей — вода, и кровь —
Вода, — в крови, в слезах умылася!
Не мать, а мачеха — Любовь:
Не ждите ни суда, ни милости.

Увозят милых корабли,
Уводит их дорога белая...
И стон стоит вдоль всей земли:
«Мой милый, что тебе я сделала?!»

Вчера еще — в ногах лежал!
Равнял с Китайскою державою!
Враз обе рученьки разжал, —
Жизнь выпала — копейкой ржавою!

Детоубийцей на суду
Стою — немилая, несмелая.
Я и в аду тебе скажу:
«Мой милый, что тебе я сделала?!»

Спрошу я стул, спрошу кровать:
«За что, за что терплю и бедствую?»
«Отцеловал — колесовать:
Другую целовать», — ответствуют.

Жить приучил в самом огне,
Сам бросил — в степь заледенелую!
Вот, что ты, милый, сделал — мне.
Мой милый, что тебе — я сделала?

Все ведаю — не прекословы!
 Вновь зрячая — уж не любовница!
 Где отступается Любовь,
 Там подступает Смерть-садовница.

Самó — чтó дерево трясти! —
 В срок яблоко спадает спелое...
 — За все, за все меня прости,
 Мой милый, чтó тебе я сделала!

14 июня 1920

* * *

Любовь! Любовь! И в судорогах, и в гробе
 Насторожусь — прельшусь — смущусь — рванусь.
 О милая! Ни в гробовом сугробе,
 Ни в облачном с тобою не прошусь.

И не на то мне пара крыл прекрасных
 Дана, чтоб на сердце держать пуды.
 Спеленатых, безглазых и безгласных
 Я не умножу жалкой слободы.

Нет, выпростаю руки, — стан упругий
 Единым взмахом из твоих целён,
 Смерть, выбью! — Вёрст на тысячу в округе
 Растоплены снега — и лес спален.

И если всё ж — плеча, крыла, колена
 Сжав — на погост дала себя увезть, —
 То лишь затем, чтобы, смеясь над тленом,
 Стихом восстать — иль розаном расцвести!

Около 28 ноября 1920

ПОПЫТКА РЕВНОСТИ

Как живется вам с другою,
Проще ведь? — Удар весла! —
Линией береговою
Скоро ль память отошла

Обо мне, плавучем острове
(По небу — не по водам!).
Души, души! — быть вам сестрами,
Не любовницами — вам!

Как живется вам с *простою*
Женщиною? Без божеств?
Государыню с престола
Свергши (с одного сошед),

Как живется вам — хлопчется —
Ежится? Встается — как?
С пошлюхой бессмертной пошлости
Как справляетесь, бедняк?

«Судорог да перебоев —
Хватит! Дом себе найму».
Как живется вам с *любою* —
Избранному моему!

Свойственнее и съедобнее —
Снедь? Приестся — не пеняй...
Как живется вам с подобием —
Вам, поправшему Синай!

Как живется вам с чужою,
Здешнею? Ребром — любя?
Стыд Зевесовой вожжою
Не охлёстывает лба?

Как живется вам — здоровится —
Можется? Поется — как?
С язвою бессмертной совести
Как справляетесь, бедняк?

Как живется вам с товаром
Рыночным? Оброк — крутой?
После мраморов Каррары
Как живется вам с трухой

Гипсовой? (Из глыбы высечен
Бог — и на́чисто разбит!)
Как живется вам с стотысячной —
Вам, познавшему Лилит!

Рыночную новизною
Сыты ли? К волшбам остыв,
Как живется вам с земною
Женщиною, бѣз шестых

Чувств?

Ну, за голову; счастливы?
Нет? В провале без глубин —
Как живется, милый? Тяжче ли?
Так же ли, как мне с другим?

19 ноября 1924

ВЛАДИМИР ВЛАДИМИРОВИЧ МАЯКОВСКИЙ

1893—1930

ЛИЛИЧКА!

Вместо письма

Дым табачный воздух выел.
Комната —
глава в крученокском аде.
Вспомни —
за этим окном
впервые
руки твои, иступленный, гладил.
Сегодня сидишь вот,
сердце в железе.
День еще —
выгонишь,
может быть, изругав.
В мутной передней долго не влезет
сломанная дрожью рука в рукав.
Выбегу,
тело в улицу брошу я.
Дикий,
обезумлюсь,
отчаяньем иссечась.

Не надо этого,
дорогая,
хорошая,
дай простимся сейчас.
Все равно
любовь моя —
тяжкая гиля ведь —
висит на тебе,
куда ни бежала б.
Дай в последнем крике вырветь
горечь обиженных жалоб.
Если быка трудом умóрят —
он уйдет,
разляжется в холодных водах.
Кроме любви твоей,
мне
нету моря,
а у любви твоей и плачем не вымолишь отдых.
Захочет покоя уставший слон —
царственный ляжет в опожаренном песке.
Кроме любви твоей,
мне
нету солнца,
а я и не знаю, где ты и с кем.
Если б так поэта измучила,
он
любимую на деньги б и славу выменял,
а мне
ни один не радостен звон,
кроме звона твоего любимого имени.
И в пролет не брошусь,
и не выпью яда,
и курок не смогу над виском нажать.
Надо мною,
кроме твоего взгляда,

не властно лезвие ни одного ножа.
Завтра забудешь,
что тебя короновал,
что душу цветущую любовью выжег,
и суетных дней взметенный карнавал
растреплет страницы моих книжек...
Слов моих сухие листья ли
заставят остановиться,
жадно дыша?

Дай хоть
последней нежностью выстелить
твой уходящий шаг.

26 мая 1916, Петроград

ГЕЙНЕОБРАЗНОЕ

Молнию метнула глазами:
«Я видела —
с тобой другая.
Ты самый низкий,
ты подлый самый...» —
И пошла,
и пошла,
и пошла, ругая.
Я ученый малый, милая,
громыханья оставьте ваши,
Если молния меня не убила —
то гром мне,
ей-богу, не страшен.

⟨1920⟩

В поцелуе рук ли,
губ ли,
в дрожи тела
близких мне
красный
цвет
моих республик
тоже
должен
пламенеть.
Я не люблю
парижскую любовь:
любую самочку
шелками разукрасьте,
потягиваясь, задремлю,
сказав —
тубо
собакам
озверевшей страсти.
Ты одна мне
ростом вровень,
стань же рядом
с бровью брови,
дай
про этот
важный вечер
рассказать
по-человечьи.
Пять часов,
и с этих пор
стих
людей
дремучий бор.

вымер
 город заселенный,
слышу лишь
 свисточный спор
поездов до Барселоны.
В черном небе
 молний поступь,
гром
 ругней
 в небесной драме, —
не гроза,
 а это
 просто
ревность
 двигает горами.
Глупых слов
 не верь сырю,
не пугайся
 этой тряски, —
я взнуздаю,
 я смирю
чувства
 отпрысков дворянских.
Страсти корь
 сойдет коростой,
но радость
 неиссыхаемая,
буду долго,
 буду просто
разговаривать стихами я.
Ревность,
 жены,
 " слезы...
 ну их! —

вспухнут веки,
впору Вию.

Я не сам,
а я
ревную
за Советскую Россию.

Видел
на плечах заплаты,
их
чахотка

лижет вздохом.
Что же,
мы не виноваты —
ста миллионам
было плохо.

Мы
теперь
к таким нежны —
спортом
выпрямишь не многи
вы и нам
в Москве нужны,
не хватает

длинноногих,
Не тебе,
в снега

и в тиф
шедшей
этими ногами,
здесь

на ласки
выдать их
в ужины
с нефтяниками.

〈1928〉

<I>

Любит? не любит? Я руки ломаю
и пальцы
разбрасываю разломавши
так рвут загадав и пускают
по маю

любовная лодка разбилась о быт
С тобой мы в расчете и не к чему перечень
взаимных болей бед и обид
Ты посмотри какая в мире тишь
Ночь обложила небо звездной данью
в такие вот часы встаешь и говоришь
векам истории и мирозданию

〈V〉

Я знаю силу слов я знаю слов набат
Они не те которым рукоплещут ложи
От слов таких срываются гроба
шагать четверкою своих дубовых ножек
Бывает выбросят не напечатав не издав
Но слово мчится подтянув подпруги
звенит века и подползают поезда
лизать поэзии мозолистые руки
Я знаю силу слов Глядится пустяком
Опавшим лепестком под каблуками танца
Но человек душой губами костяком

〈1928—1930〉

ВАДИМ ГАБРИЭЛЕВИЧ ШЕРШЕНЕВИЧ

1893—1942

ЛИРИЧЕСКИЙ ДИНАМИЗМ

Звонко кричу галеркою голоса ваше имя
 Повторяю его
 Партером баса моего
 Вот к ладоням вашим губами моими
 Присосусь пока сердце не навзничь мертво.

Вас взвидя и радый, как с необитаемого острова,
 Заметающий пароходного дыма струю
 Вам хотел я так много, но глыбою хлеба черствого
 Принес лишь любовь людскую
 Большую
 Мою.

Вы примите ее, и стекляшками слез во взгляде
 Вызвоните дни бурные, как пережженный антрацит.
 Вам любовь — как наивный ребенок
 любимому дяде
 Свою сломанную игрушку дарит.

И внимательный дядя знает, что это
Самое дорогое ребенок дал.
Чем же он виноват, что большего
Нету.
Что для большего
Он еще мал?

Это вашим ладоням несу мои детские вещи
Человечью поломанную любовь и поэтину тишь.
И сердце плачет и надеждою блещет,
Как после ливня железо крыш.

Март 1918

ВЕРА КЛАВДИЕВНА ЗВЯГИНЦЕВА

1894—1972

* * *

Я не люблю иронии твоей...

Н. Некрасов

Ни твоей, ни своей, ничьей —
Никакой не хочу иронии.
Прятать боль под броней речей?!
Не нуждаюсь в их обороне я.

Если боль — так пускай болит,
Если радость — пусть греет, радуя,
Не к лицу нам, боясь обид,
Жар души заменять прохладою.

Снег идет — он и бел, как снег,
Небо синее — значит, синее.
Если смех — так не полусмех,
И никак уж не над святынею.

Я хочу прямой красоты,
Не лукавого обольщения,
Я хочу, чтоб заплакал ты
От восторга, от восхищения.

Как ни смейся, как ни язви —
Это дело для всех стороннее.
Людам нужен лишь свет любви,
А не злой холодок иронии.

ЭДУАРД ГЕОРГИЕВИЧ БАГРИЦКИЙ

1895—1934

КРЕОЛКА

Когда наскучат ей лукавые новеллы
И надоест лежать в плетеных гамаках,
Она приходит в порт смотреть, как каравеллы
Плывут из смутных стран на зыбких парусах.

Шуршит широкий плащ из золотистой ткани;
Едва хрустит песок под красным каблучком,
И маленький индус в лазоревом тюрбане
Несет тяжелый шлейф, расшитый серебром.

Она одна идет к заброшенному молу,
Где плещут паруса алжирских бригадин,
Когда в закатный час танцуют фарандолу,
И флейта дребезжит, и стонет тамбурин.

От палуб кораблей так смутно тянет дегтем,
Так тихо шелестят расшитые шелка.
Но ей смешней всего слегка коснуться локтем
Закинувшего сеть мулата-рыбака...

А дома ждут ее хрустальные беседки,
Амур из мрамора, глядящийся в фонтан,
И красный попугай, висящий в медной клетке,
И стая маленьких бесхвостых обезьян.

И звонко дребезжат зеленые цикады
В прозрачных венчиках фарфоровых цветов,
И никнут дальних гор жемчужные громады
В беретах голубых пушистых облаков.

Когда ж проснется ночь над мраморным балконом
И крикнет козодой, крылами трепеща,
Она одна идет к заброшенным колоннам,
Окутанным дождем зеленого плюща...

В аллее голубой, где в серебре тумана
Прозрачен чайных роз тягучий аромат,
Склонившись, ждет ее у синего фонтана
С виолой под плащом смеющийся мулат.

Он будет целовать пугливую креолку,
Когда поют цветы и плачет тишина...
А в облаках, скользя по голубому шелку,
Краями острыми едва шуршит луна...

1915

О ЛЮБИТЕЛЕ СОЛОВЬЕВ

Я в него влюблена,
 А он любит каких-то *соловьев...*
 Он не знает, что не моя вина,
 То, что я в него влюблена
Без щелканья, без свиста и даже без слов.
 Ему трудно понять,
 Как его может полюбить человек:
 До сих пор его любили только *соловьи.*
 Милый! Дай мне тебя обнять,
 Увидеть стрелы опущенных век,
 Рассказать о муках любви.
 Я знаю, он меня спросит: «А где твой хвост?
 Где твой клюв? Где у тебя прицеплены крылья?»—
 «Мой милый! Я не *соловей*, не *славка*,
 не *дрозд...*

Полюби меня — ДЕВУШКУ,
 ПТИЦЕПОДОБНЫЙ
 и
 хилый... Мой милый!»

1915

АРБУЗ

Свежак надывается. Прет на рожон
 Азовского моря корыто.
 Арбуз на арбузе — и трюм нагружен,
 Арбузами пристань покрыта.

Не пить первача в дорассветную стыдь,
На скучном зевать карауле,
Три дня и три ночи придется проплыть —
И мы паруса развернули...

В густой бородач ударяет бурун,
Чтоб брызгами вдрызг разлететься;
Я выберу звонкий, как бубен, кавун —
И ножиком вырежу сердце...

Пустынное солнце садится в рассол,
И выпихнут месяц волнами...
Свежак задувает!
Наотмашь!
Пошел!
Дубок, шевели парусами!

Густыми барашками море полно,
И трутся арбузы, и в трюме темно...
В два пальца, по-боцмански, ветер свистит,
И тучи сколочены плотно.
И ерзает руль, и обшивка трещит,
И забраны в рифы полотна.

Сквозь волны — навывлет!
Сквозь дождь — наугад!
В свистящем гонимые мыле,
Мы рыщем на ощупь...
Навзрыд и не в лад
Храпят полотняные крылья.

Мы втянуты в дикую карусель.
И море топчет, как рынок,
На мель нас кидает,
Нас гонит на, мель
Последняя наша путина!

Козлами кудлатыми море полно,
И трутся арбузы, и в трюме темно...

Я песни последней еще не сложил,
А смертную чую прохладу...
Я в карты играл, я бродягою жил,
И море приносит награду,—
Мне жизни веселой теперь не сберечь —
И руль оторвало, и в кузове течь!

Пустынное солнце над морем встает,
Чтоб воздуху таять и греться;
Не видно дубка, и по волнам плывет
Кавун с нарисованным сердцем...
В густой бородач ударяет бурун,
Скумбрийная стая играет,
Низовый на зыби качает кавун —
И к берегу он подплывает...
Конец путешествию здесь он найдет,
Окончены ветер и качка,—
Кавун с нарисованным сердцем берет
Любимая мною казачка...

И некому здесь надоумить ее,
Что в руки взяла она сердце мое!..

1924, 1928

СЕРГЕЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ ЕСЕНИН

1895—1925

* * *

Не бродить, не мять в кустах багряных
Лебеды и не искать следа.
Со снопом волос твоих овсяных
Отоснилась ты мне навсегда.

С алым соком ягоды на коже,
Нежная, красивая, была
На закат ты розовый похожа
И, как снег, лучиста и светла.

Зерна глаз твоих осыпались, завяли,
Имя тонкое растаяло, как звук,
Но остался в складках смятой шали
Запах меда от невинных рук.

В тихий час, когда заря на крыше,
Как котенок, моет лапкой рот,
Говор кроткий о тебе я слышу
Водяных поющих с ветром сот.

Пусть порой мне шепчет синий вечер,
 Что была ты песня и мечта,
 Всѣ ж, кто выдумал твой гибкий стан и плечи —
 К светлой тайне приложил уста.

Не бродить, не мять в кустах багряных
 Лебеды и не искать следа.
 Со снопом волос твоих овсяных
 Отоснилась ты мне навсегда.

⟨1916⟩

* * *

Пускай ты выпита другим,
 Но мне осталось, мне осталось
 Твоих волос стеклянный дым
 И глаз осенняя усталость.

О, возраст осеци! Он мне
 Дороже юности и лета.
 Ты стала нравиться вдвойне
 Воображению поэта.

Я сердцем никогда не лгу,
 И потому на голос чванства
 Бестрепетно сказать могу,
 Что я прощаюсь с хулиганством.

Пора расстаться с озорной
И непокорною отвагой.
Уж сердце наполнилось иной,
Кровь отрезвляющею брагой.

И мне в окошко постучал
Сентябрь багряной веткой ивы,
Чтоб я готов был и встречал
Его приход неприхотливый.

Теперь со многим я мирюсь
Без принужденья, без утраты.
Иною кажется мне Русь,
Иными — кладбища и хаты.

Прозрачно я смотрю вокруг
И вижу, там ли, здесь ли, где-то ль,
Что ты одна, сестра и друг,
Могла быть спутницей поэта.

Что я одной тебе бы мог,
Воспитываясь в постоянстве,
Пропеть о сумерках дорог
И уходящем хулиганстве.

1923

* * *

Дорогая, сядем рядом.
Поглядим в глаза друг другу.
Я хочу под кротким взглядом
Слушать чувственную вьюгу.

Это золото осеннее,
Эта прядь волос белесых —
Все явилось, как спасенье
Беспокойного повесы.

Я давно мой край оставил,
Где цветут луга и чащи.
В городской и горькой славе
Я хотел прожить пропащим.

Я хотел, чтоб сердце глуше
Вспоминало сад и лето,
Где под музыку лягушек
Я растил себя поэтом.

Там теперь такая ж осень...
Клен и липы в окна комнат,
Ветки лапами забросив,
Ищут тех, которых помнят.

Их давно уж нет на свете.
Месяц на простом погосте
На крестах лучами метит,
Что и мы придем к ним в гости,

Что и мы, отжив тревоги,
Перейдем под эти кущи.
Все волнистые дороги
Только радость льют живущим.

Дорогая, сядь же рядом,
Поглядим в глаза друг другу.
Я хочу под кротким взглядом
Слушать чувственную вьюгу.

9 октября 1923

* * *

Мне грустно на тебя смотреть.
Какая боль, какая жалость!
Знать, только ивовая медь
Нам в сентябре с тобой осталась.

Чужие губы разнесли
Твое тепло и трепет тела.
Как будто дождик моросит
С души, немного омертвелой.

Ну что ж! Я не боюсь его.
Иная радость мне открылась.
Ведь не осталось ничего,
Как только желтый тлен и сырость.

Ведь и себя я не сберег
Для тихой жизни, для улыбок.
Так мало пройдено дорог,
Там много сделано ошибок.

Смешная жизнь, смешной разлад.
Так было и так будет после.
Как кладбище, усеян сад
В берез изглоданные кости.

Вот так же отцветем и мы
И отшумим, как гости сада...
Коль нет цветов среди зимы,
Так и грустить о них не надо.

1923 •

* * *

Вечер черные брови насопил,
Чьи-то кони стоят у двора.
Не вчера ли я молодость пропил?
Разлюбил ли тебя не вчера?

Не храпи, запоздалая тройка!
Наша жизнь пронеслась без следа.
Может, завтра больничная койка
Успокоит меня навсегда.

Может, завтра совсем по-другому
Я уйду, исцеленный навек,
Слушать песни дождей и черемух,
Чем здоровый живет человек.

Позабуду я мрачные силы,
Что терзали меня, губя.
Облик ласковый! Облик милый!
Лишь одну не забуду тебя.

Пусть я буду любить другую,
Но и с нею, с любимой, другой,
Расскажу про тебя, дорогую,
Что когда-то я звал дорогой.

Расскажу, как текла бывая
Наша жизнь, что былой не была...
Голтва ль ты моя удалая,
До чего ж ты меня довела?

1923

ИЗ ЦИКЛА «ПЕРСИДСКИЕ МОТИВЫ»

*

Я спросил сегодня у менялы,
Что дает за полтумана по рублю,
Как сказать мне для прекрасной Лалы
По-персидски нежное «люблю»?

Я спросил сегодня у менялы,
Легче ветра, тише Ванских струй,
Как назвать мне для прекрасной Лалы
Слово ласковое «поцелуй»?

И еще спросил я у менялы,
В сердце робость глубже притая,
Как сказать мне для прекрасной Лалы,
Как сказать ей, что она «моя»?

И ответил мне меняла кратко:
О любви в словах не говорят,
О любви вздыхают лишь украдкой,
Да глаза, как яхонты, горят.

Поцелуй названья не имеет,
Поцелуй не надпись на гробах,
Красной розой поцелуи веют,
Лепестками тая на губах.

От любви не требуют поруки,
С нею знают радость и беду.
«Ты — моя» сказать лишь могут руки,
Что срывали черную чадру.

1924

Шаганэ ты моя, Шаганэ!
Потому, что я с севера, что ли,
Я готов рассказать тебе поле,
Про волнистую рожь при луне.
Шаганэ ты моя, Шаганэ.

Потому, что я с севера, что ли,
Что луна там огромней в сто раз,
Как бы ни был красив Шираз,
Он не лучше рязанских раздолий.
Потому, что я с севера, что ли,

Я готов рассказать тебе поле,
Эти волосы взял я у ржи,
Если хочешь, на палец вяжи —
Я нисколько не чувствую боли.
Я готов рассказать тебе поле.

Про волнистую рожь при луне
По кудрям ты мои догадайся.
Дорогая, шути, улыбайся,
Не буди только память во мне
Про волнистую рожь при луне.

Шаганэ ты моя, Шаганэ!
Там, на севере, девушка тоже,
На тебя она страшно похожа,
Может, думает обо мне...
Шаганэ ты моя, Шаганэ.

*

Ты сказала, что Саади
Целовал лишь только в грудь.
Подожди ты, бога ради,
Обучусь когда-нибудь!

Ты пропела: «За Евфратом
Розы лучше смертных дев».
Если был бы я богатым,
То другой сложил напев.

Я б порезал розы эти,
Ведь одна отрада мне —
Чтобы не было на свете
Лучше милой Шаганэ.

И не мучь меня заветом,
У меня заветов нет.
Коль родился я поэтом,
То целуюсь, как поэт.

19 декабря 1924

*

Никогда я не был на Босфоре,
Ты меня не спрашивай о нем.
Я в твоих глазах увидел море,
Полыхающее голубым огнем.

Не ходил в Багдад я с караваном,
Не возил я шелк туда и хну.
Наклонись своим красивым станом,
На коленях дай мне отдохнуть.

Или снова, сколько ни проси я,
Для тебя навеки дела нет,
Что в далеком имени — Россия —
Я известный, признанный поэт.

У меня в душе звенит тальянка.
При луне собачий слышу лай.
Разве ты не хочешь, персиянка, —
Увидать далекий синий край?

Я сюда приехал не от скуки —
Ты меня, незримая, звала.
И меня твои лебяжьи руки
Обвивали, словно два крыла.

Я давно ищу в судьбе покоя,
И хоть прошлой жизни не кляню,
Расскажи мне что-нибудь такое
Про твою веселую страну.

Заглуши в душе тоску тальянки,
Напой дыханьем свежих чар,
Чтобы я о дальней северянке
Не вздыхал, не думал, не скучал.

И хотя я не был на Босфоре —
Я тебе придумаю о нем.
Все равно — глаза твои, как море,
Голубым колышутся огнем.

21 декабря 1924

* * *

Я помню, любимая, помню
Сиянье твоих волос.
Не радостно и не легко мне
Покинуть тебя привелось.

Я помню осенние ночи,
Березовый шорох теней,
Пусть дни тогда были короче,
Луна нам светила длинней.

Я помню, ты мне говорила:
«Пройдут голубые года,
И ты позабудешь, мой милый,
С другою меня навсегда».

Сегодня цветущая липа
Напомнила чувствам опять,
Как нежно тогда я сыпал
Цветы на кудрявую прядь.

И сердце, остыть не готовясь
И грустно другую любя,
Как будто любимую повесть
С другой вспоминает тебя.

〈1925〉

* * *

Ты меня не любишь, не жалеешь,
Разве я немного не красив?
Не смотря в лицо, от страсти млеешь,
Мне на плечи руки опустил.

Молодая, с чувственным оскалом,
Я с тобой не нежен и не груб.
Расскажи мне, скольких ты ласкала?
Сколько рук ты помнишь? Сколько губ?

Знаю я — они прошли, как тени,
Не коснувшись твоего огня,
Многим ты садилась на колени,
А теперь сидишь вот у меня.

Пусть твои полужакрыты очи
И ты думаешь о ком-нибудь другом,
Я ведь сам люблю тебя не очень,
Утопая в дальнем дорогом.

Этот пыл не называй судьбою,
Легкодумна вспылчивая связь,—
Как случайно встретился с тобою,
Улыбнись, спокойно разойдись.

Да и ты пойдешь своей дорогой
Распылять безрадостные дни,
Только нецелованных не трогай,
Только негоревших не мани.

И когда с другим по переулку
Ты пройдешь, болтая про любовь,
Может быть, я выйду на прогулку,
И с тобою встретимся мы вновь.

Отвернув к другому ближе плечи
И немного наклонившись вниз,
Ты мне скажешь тихо: «Добрый вечер!»
Я отвечу: «Добрый вечер, miss».

И ничто души не потревожит,
И ничто ее не бросит в дрожь,—
Кто любил, уж тот любить не может,
Кто сгорел, того не подожжешь.

4 декабря 1925

ВСЕВОЛОД АЛЕКСАНДРОВИЧ РОЖДЕСТВЕНСКИЙ

1895—1977

* * *

Она ни петь, ни плакать не умела,
Она как птица легкая жила,
И, словно птица, маленькое тело,
Вздохнув, моим объятьям отдала.

Но в горький час блаженного бессилья,
Когда тела и души сплетены,
Я чувствовал, как прорастают крылья
И звездный холод льется вдоль спины.

Уже дыша предчувствием разлуки,
В певучем, колыхнувшемся саду,
Я в милые беспомощные руки
Всю жизнь мою, как яблоко, кладу.

1922

ЛЮБОВЬ

Не отдавай в забаву суесловью
Шесть этих букв, хотя к ним мир привык.
Они — огонь. «Любовь» рифмует с «Кровью»
Приметливый и мудрый наш язык.

«Любовь» и «Кровь». Покуда сердце бьется
И гонит в теле крови теплоту,
Ты словно пьешь из вечного колодца,
Преобразив в действительность мечту.

От тусклых дней в их неустанной смене,
Когда порою сердцу все мертво,
В нежданный мир чудесных превращений
Тебя любви уводит торжество.

Вот женщина, в которой столько света,
Друг в непогоду, спутница в борьбе,—
И сразу сердце подсказало: эта,
Да, только эта — луч в твоей судьбе!

Пусть она мечты твоей созданье,
Одно воображение твое —
С ней вечности горячее дыханье
Уже легло в земное бытие.

Как зов, дошедший из глубин столетий,
Как вспышка света за порогом тьмы,
И наш огонь возьмут в наследство дети,
Чтобы войти в бессмертье, как и мы.

Январь 1946

* * *

Любовь, любовь — загадочное слово,
Кто мог бы до конца тебя понять?
Всегда во всем старо ты или ново,
Томленье духа ты иль благодать?

Невозвратимая себя утрата
Или обогащение без конца?
Горячий день, какому нет заката,
Иль ночь, опустошившая сердца?

А может быть, ты лишь напоминанье
О том, что всех нас неизбежно ждет:
С природою, с беспамятством слиянье
И вечный мировой круговорот?

Август 1976

ПАВЕЛ ГРИГОРЬЕВИЧ АНТОКОЛЬСКИЙ

1896—1978

Я ЛЮБЛЮ ТЕБЯ...

Я люблю тебя в дальнем вагоне,
В желтом комнатном нимбе огня.
Словно танец и словно погоня,
Ты летишь по ночам сквозь меня.

Я люблю тебя — черной от света,
Прямо бьющего в скулы и в лоб.
Не в Москве — так когда-то и где-то
Все равно это сбыться могло б.

Я люблю тебя в жаркой постели,
В тот преданьем захватанный миг,
Когда руки сплелись и истлели
В обожанье объятий немых.

Я тебя не забуду за то, что
Есть на свете театры, дожди,
Память, музыка, дальняя почта...
И за "все. Что еще. Впереди.

1929

ВОТ НАШЕ ПРОШЛОЕ...

Я рифмовал твое имя с грозою,
Золотом зноя осыпал тебя.
Ждал на вокзалах полуночных Зою,
То есть по-гречески — жизнь. И, трубя
В хриплые трубы, под сказочной тучей
Мчался наш поезд с добычей летучей.

Дождь еще хлещет. И, напряжена,
Ночь еще блещет отливом лиловым.
Если скажу я, что ты мне жена,
Я ничего не скажу этим словом.
Милой немыслимо мне устеречь
На людях, в шуме прощаний и встреч.

Нет. О другом! Не напрасно бушуя,
Двигается рядом природа. Смотри
В раму зари, на картину большую.
Рельсы, леса, облака, пустыри.
За Ленинградом, за Магнитогорском
Тонкая тень в оперенье заморском!

Сколько меж нас километров легло,
Сколько — о, сколько — столетий промчалось!
Дождь еще хлещет в жилое стекло,
Ночь еще блещет красой одичалой.
Не окончательно созданный мир
Рвется на волю из книг и квартир.

Вот он! В знаменах, и в песнях и в грубых
Контурах будущих дней. Преврати
Нашу вселенную в свадебный кубок!
Чокнемся в честь прожитого пути!

БАЛЛАДА О ЧУДНОМ МГНОВЕНИИ

...Она скончалась в бедности. По странной случайности гроб ее повстречался с памятником Пушкину, который ввозили в Москву.

Из старой энциклопедии

Ей давно не спалось в доме деревянном.
Подходила старуха, как тень, к фортепьянам,
Напевала романс о мгновенье чудном
Голоском еле слышным, дыханьем трудным.
А по чести сказать, о мгновенье чудном
Не осталось грусти в быту ее скудном,
Потому что барыня в глухой деревеньке
Проживала, как нищенка, на медные деньги.

Да и, господи боже, когда это было!
Да и вправду ли было, старуха забыла,
Как по лунной дорожке, в сверкании снега,
Приезжала к нему — вся томленье и нега,
Как в объятьях жарких, в молчанье ночи,
Он ее заклинал, целовал ей очи,
Как уснул на груди ее и дышал неровно,
Позабыла голубушка Анна Петровна.

А потом пришел ее час последний.
И всесветная слава и светские сплетни
Отступили, потупясь, пред мирной кончиной.
Возгласил с волнением сам благочинный:
— Во блаженном успении вечный покой ей! —
Что в сравненье с этим счастье мирское!
Ничего не слыша, спала, бездыханна,
Раскрасавица Керн, болярыня Анна.

Отслужили службу, панихиду отпели.
По Тверскому тракту полозья скрипели.
И брели за гробом, колыхались в поле
Из родни и знакомцев десятков — не боле,
Не сановный люд, не знатные гости
Поспешали зарыть ее на погосте.
Да лошадка по грудь в сугробе завязла.
Да крещенский мороз крепчал, как назло.

Но пришлось процессии той сторониться.
Осадил, придержал правее возница,
Потому, что в Москву, по воле народа,
Возвращался путник особого рода.
И горячие кони били оземь копытом,
Звонко ржали о чем-то еще не забытом.
И январское солнце багряным диском
Рассиялось о чем-то навеки близком.

Вот он — отлит на диво из гулкой бронзы,
Шляпу снял, загляделся на день морозный.
Вот в крылатом плаще, в гражданской одежде
Он стоит, кудрявый и смелый, как прежде.
Только страшно вырос,— прикиньте, смерьте,
Сколько весит на глаз такое бессмертье!
Только страшно юн и страшно спокоен,—
Поглядите, правнуки, — точно такой он!

Так в последний раз они повстречались,
Ничего не помня, ни о чем не печалась.
Так метель крылом своим безрассудным
Осенила их во мгновение чудном.
Так метель обвенчала нежно и грозно
Смертный прах старухи с бессмертной бронзой.
Двух любовников страстных, отплавших розно,
Что простились рано, а встретились поздно.

НИКОЛАЙ СЕМЕНОВИЧ ТИХОНОВ

1896—1979

★ ★ ★

Полюбила меня не любовью,—
Как березу огонь — горячо,
Веселее зари над становьем
Молодое блестело плечо.

Но ни песней, ни бранью, ни ладом
Не ужились мы долго вдвоем,—
Убежала с угрюмым номадом,
Остробоким свистя каиком.

Ночью, в юрте, за ужином грубым
Мне якут за охотничий нож
Рассказал, как ты пьешь с медногубым
И какие подарки берешь.

«Что же, видно, мои были хуже?», —
«Видно, хуже», — ответил якут,
И рукою, лиловой от стужи,
Протянул мне кусок табаку.

Я ударил винтовкою оземь,
Взял табак и сказал: «Не виню,
Видно, брат, и сожженной березе
Надо быть благодарной огню».

1920

* * *

Я люблю тебя той — без прически,
Без румян — перед ночи концом,
В черном блеске волос твоих жестких,
С побледневшим и строгим лицом.

Но, отняв свои руки и губы,
Ты уходишь, ты вечно в пути,
А ведь сердце не может на убыль,
Как полночная встреча, идти.

Словно сон, что случайно вспугнули,
Ты уходишь, как сон, — в глубину
Чуждаельных мелькающих улиц,
За страну меняешь страну.

Я дышал тобой в сумраке рыжем,
Что мучений любых горячей,
В раскаленных бульварах Парижа,
В синеве ленинградских ночей.

В крутизне закавказских нагорий,
В равнодушие московской зимы
Я дышал этой сладостью горя,
До которого дожили мы.

Где ж еще я тебя повстречаю,
Вновь увижу, как ты хороша?
Из какого ты мрака, отчаясь,
Улыбнешься, почти не дыша?

В суету и суровость дневную,
Посреди роковых новостей,
Я не сетую, я не ревную, —
Ты — мой хлеб в этот голод страстей.

1937

* * *

Как след весла, от берега ушедший,
Как телеграфной рокоты струны,
Как птичий крик, гортанный, сумасшедший,
Прощающийся с нами до весны.

Как радио, которых не услышат,
Как дальний путь почтовых голубей,
Как этот стих, что, задыхаясь, дышит,
Как я — ' в бессонных думах о тебе.

Но это все — одной печали росчерк,
С которой я поистине дружу,
Попросишь ты: скажи еще попроще,
И я еще попроще расскажу.

Я говорю о мужестве разлуки,
Чтобы слезам свободы не давать,
Не будешь ты, заламывая руки,
Белее мела, падать на кровать.

Но ты, моя чудесная тревога,
Взглянув на небо, скажешь иногда:
Он видит ту же лунную дорогу
И те же звезды, словно из льда!

1938

* * *

Ты не думай о том, как тоскую я в городе зимнем,
И высокие брови не хмурь на чернеющий снег.
Ты со мною всегда: и в снегах, и под пламенным ливнем.
Улыбнись, моя гордость, ты поедешь навстречу весне.
Ты увидишь ручьи как впервые, мальчишески рыжие рощи,
И взъерошенных птиц, и травы полусонный узор,
Все, что снится тебе, будет сниться теплее и проще.
Ты любимое платье наденешь для синих озер,
Ты пойдешь вдоль канала, где барки над тихой водою,
Отдохнешь среди улиц, где тихо каштаны цветут,
Ты очнешься одна — в тишине, далеко, чуть усталой,
простой,

молодую,

Удивленно впивая такой тишины чистоту.

1938

Ты девочкой с глазами золотыми
Приснилась мне на берегу морском,
В твоих руках под ветром щепки стыли,
Что, насбিরав, ты относила в дом.

Вдруг все забыв и сердцу лишь внимая,
Кружение пен бесчисленных следя,
Сидела ты, колени обнимая
И горизонт глазами обводя.

Сквозь вихри пен и темные просторы
Ты постигала радость впереди,
Как той щепы родной и мокрый ворох,
Что ты несла, прижав к своей груди.

...Ты женщиной прекрасной и усталой
Стоишь сейчас на дальнем берегу,
С печальными и тонкими устами,
Чей сладкий свет забыть я не могу.

И, побледнев, угрюмо, как немая,
В кружение дней бесчисленных глядя,
Сама себя подчас не понимая
В холодных искрах темного дождя,

Томясь бедой, устав от лиц и споров,
Что б ты дала за тот далекий дом,
За той щепы родной и мокрый ворох,
За девочку на берегу морском.

1939

ВАЛЕНТИН ПЕТРОВИЧ КАТАЕВ

1897—1986

МОЛОДОСТЬ

Чуть скользит по черной глади лодка.
От упругой гребли глубже дышит грудь.
Ночь плывет, и надо мною четко
Разметался длинный Млечный Путь.

Небо кажется отсюда бездной серой,
Млечный Путь белеет, как роса.
Господи, с какою чистой верой
Я смотрю в ночные небеса!

Путь не долог. Серебристо светит
Под водой у берега песок.
Крикну я — и мне с горы ответит
Молодой звенящий голосок.

Я люблю тебя. Люблю свежо и чисто.
Я люблю в тебе, не сознавая сам,
Эту ночь, что движется лучисто,
Этот свет, что льется с неба к нам.

1915

ПИСЬМО

Зимой по утренней заре
Я шел с твоим письмом в кармане.
По грудь в морозном серебре
Еловый лес стоял в тумане.

Всходило солнце. За бугром
Порозовело небо, стало
Глубоким, чистым, а кругом
Все очарованно молчало.

Я вынимал письмо. С тоской
Смотрел на милый, ломкий почерк
И видел лоб холодный твой
И детских губ упрямый очерк.

Твой голос весело звенел
Из каждой строчки светлым звоном,
А край небес, как жар, горел
За лесом, вьюгой заметенным.

Я шел в каком-то полусне,
В густых сугробах вязли ноги,
И было странно видеть мне
Обозы, кухни на дороге.

Патрули, пушки, лошадей,
Пни, телефонный шнур на елях,
Землянки, возле них людей
В папахах серых и шинелях.

Мне было странно, что война,
Что каждый миг возможность смерти,
Когда на свете — ты одна
И милый почерк на конверте.

В лесу, среди простых крестов,
Пехота мерно шла рядами,
На острых кончиках штыков
Мигало солнце огоньками.

Над лесом плыл кадильный дым.
В лесу стоял смолистый запах,
И снег был хрупко-голубым
У старых елей в синих лапах.

1916

Действующая армия

ВАСИЛИЙ ВАСИЛЬЕВИЧ КАЗИН

1898—1981

★ ★ ★

Тебе не ночь ли косы заплетала?
Вслед за тобою не бредет ли ночь?
Такая тьма — и солнцем не помочь
Глазам: так тяжело им стало...

Ушла... но все стоишь в глазах ты,
И в глубине души, где сумрака потоп,
Стучит любовь, как в темных недрах шахты
Работой упоенный рудокоп.

1922

ЛЮБОВЬ

Меня, ей-богу, не спросилась,
К тебе с любовью вдруг сама
Моя, рванулась некрасивость,
Дав страсти сбросить власть ума.

Попробовал я, балагурия,
Удрать от морока, как вор.
Но будто огненная буря
В твой образ мой вковала взор.

Взирал я с жадностью: уж очень
Хорош он был, фигуры взлет.
В лице до тонкости отточен
Был каждой черточки расчет.

Что ж! Ведь любовь не урезонишь,
Как ей умно ни прекословь,
В пылу восторгов, мук, бессонниц
Любви ответной ждет любовь.

Какой надеждой жить бессонной?
Чем поборю я трудность ту,
Чтоб к некрасивости влюбленной
Привлечь твою мне красоту?

Лишь верю в чудо я: такую
Вдруг в муках сотворю строку,
Что красоту твою взволную,
Всем взрывом чувства увлеку.

Надежда и на жалость малость.
Но, как с врагом в бою бойцу,
В любви рассчитывать на жалость
Мне проку нет и не к лицу.

Любовь не терпит снисхожденья,
Любовью правило дано,
Чтоб в страсти два сердцебиенья
Гремели громом, как одно.

1952

ИЛЬЯ ЛЬВОВИЧ СЕЛЬВИНСКИЙ

1899—1968

СОНЕТ

Я никогда в любви не знал трагедий.
За что меня любили? Не пойму.
Походка у меня, как у медведя,
Характер — впору ветру самому.

Быть может, голос? Но бывали меди
Сродни виолончельному письму;
Иных же по блестящему уму
Приравнивали мы к самой комете!

А между тем была ведь Беатриче
Для Данте недоступной. Боже мой!
Как я хотел бы испытать величье
Любви неразделенной и смешной,

Униженной, уже нечеловечьей,
Бормочущей божественные речи.

1950

ИЗ ЦИКЛА «АЛИСА»

Этюд 5

Я часто думаю: красивая ли ты?
Не знаю, но краса с тобою не сравнится!
В тебе есть то, что выше красоты,
Что лишь угадывается и снится.

Этюд 10

Пять миллионов душ в Москве,
И где-то меж ними одна.
Площадь. Парк. Улица. Сквер.
Она?
Нет, не она.
Сколько почтамтов! Сколько аптек!
И всюду люди, народ...
Пять миллионов в Москве человек.
Кто ее тут найдет?

Случай! Ты был мне всегда как брат.
Еще хоть раз помоги!
Сретенка. Трубная. Пушкин. Арбат.
Шаги, шаги, шаги.

Иду, шепчу колдовские слова,
Магические, как встарь.
Отдай мне ее! Ты слышишь, Москва?
Выбрось, как море янтарь!

Этюд 13

Имя твое шепчу неустанно,
Шепчу неустанно имя твое.
Магнитной волной через воды и страны
Летит иностранное имя твое.

Быть может, Алиса, за чашкою кофе
Сидишь ты в кругу веселых людей,
А я всей болью дымящейся крови
Тяну твою душу, как чародей.

И вдруг изумленно бледнеют лица:
Все тот же камин. Электрический свет.
Синяя чашка еще дымится,
А человека за нею нет...

Ты снова со мной. За строфою-решеткой,
Как будто бы я с колдунами знаком,
Не облик, не образ, а явственно, четко —
Дыханье, пахнущее молоком.

Теперь ты навеки со мной, недотрога!
Постигнет ли твой Болеслав или Стах,
Что ты не придешь? Ты осталась в стихах.
Для жизни мало, для смерти много.

Этюд 14

Так и буду жить. Один меж прочих.
А со мной отныне на года
Вечное круженье этих строчек
И глухонемое «никогда».

1951

ЗАКЛИНАНИЕ

Позови меня, позови меня,
Позови меня, позови меня!

Если вспрыгнет на плечи беда,
Не какая-нибудь, а вот именно
Вековая беда-борода,
Позови меня, позови меня,
Не стыдись ни себя, ни меня —
Просто горе на радость выменяй,
Растопи свой страх у огня!

Позови меня, позови меня,
Позови меня, позови меня,
А не смеешь шепнуть письму,
Назови меня хоть по имени —
Я дыханьем тебя обойму!

Позови меня, позови меня,
Поз-зови меня...

1958

* * *

Годами голодаю по тебе.
С мольбой о недоступном засыпаю,
Проснусь — и в затухающей мольбе
Прислушиваюсь к петухам и к лаю.

А в этих звуках столько безразличья,
Такая трезвость мира за окном,
Что кажется — немыслимо разлиться
Моей тоске со всем ее огнем.

А ты мелькаешь в этом трезвом мире,
Ты счастлива среди простых забот,
Встаешь к семи, обедаешь в четыре —
Олений зов тебя не позовет.

Но иногда, самой иконы строже,
Ты взглянешь исподлобья в стороне —
И на секунду жутко мне до дрожи:
Не ты ль сама тоскуешь обо мне?

1959

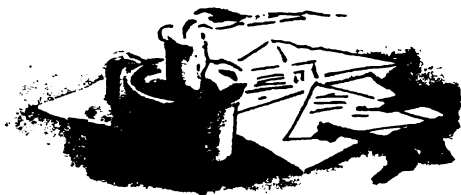

ВЛЮБЛЕННЫЕ НЕ УМИРАЮТ

Да будет славен тот, кто выдумал любовь
И приподнял ее над страстью:
Он мужество продолжил старостью,
Он лилию выводит среди льдов.

Я понимаю: скажете — мираж?
Но в мире стало больше нежности,
Мы вскоре станем меньше умирать:
Ведь умираем мы от безнадежности.

1961

АЛЕКСЕЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ СУРКОВ

1899—1983

* * *

Софье Кревс

Бьется в тесной печурке огонь,
На поленьях смола, как слеза,
И поет мне в землянке гармонь
Про улыбку твою и глаза.

Про тебя мне шептали кусты
В белоснежных полях под Москвой.
Я хочу, чтобы слышала ты,
Как тоскует мой голос живой.

Ты сейчас далеко-далеко,
Между нами снега и снега,
До тебя мне дойти нелегко.
А до смерти — четыре шага.

Пой гармоника, вьюге назло,
Заплутавшее счастье зови.
Мне в холодной землянке тепло
От моей негасимой любви.

1941

* * *

А было это сорок лет назад.
Была весна и волжский ледоход.
По всей реке, куда ни кинешь взгляд,
Шипя, шурша, крошась, шел колкий лед.

Над набережной, где стояли мы,
Скрывая звезды, плыли облака.
В лицо последним холодом зимы
Дышала пробужденная река.

Крошился лед, как хрупкое стекло,
Теряя в тренье холода запас,
И первой робкой близости тепло
На сквозняке весеннем грело нас.

Так, сердце к сердцу и рука к руке,
Стояли мы под ветром над рекой.
Неслось над Волгой время налегке,
Не смея прикоснуться к нам рукой.

Наверно, в полночь медные басы
Колоколов обрушились во тьму.
Но мы их не слышали. Ведь часы
Счастливым и влюбленным ни к чему.

1965

* * *

Ни свеч, ни флердоранжа, ни фаты,
Ни певчих, ни «Исаия, ликуй».
И все же чувства святы и чисты
Без флердоранжа, как там ни толкуй.

Пусть то, что отшумело там, в былом,
Как ни зови, не возвратится вновь,
Но жизни наши связаны узлом,
Которому название — любовь.

Мы за руки взялись, чтобы идти
Через ухабы жизненных обуз.
И общей целью на большом пути
Скреплен нерасторжимый наш союз.

Пусть время в череде жестоких лет
Огнем и болью испытало нас,
Под серым пеплом будней не угас
Далекой юности бессмертный свет.

Так завершим же нашей жизни круг
Плечо к плечу, не размыкая рук
И чувствуя под снегом седины
Тепло неувядающей весны.

1965

НИКОЛАЙ НИКОЛАЕВИЧ УШАКОВ

1899—1973

★ ★ ★

Телефон — аппарат разговорный, —
как попал он в степные края?
Все воркует, звонит мне упорно
косоглазая прелесть моя.

Ты когда ж ворковать научилась —
мне, голубка степная, ответь?
Ты, ордыночка, как же включилась
в двух сердец телефонную сеть?

Телефон у тебя ли в кибитке,
или где он? В улусы твои
все бежит по невидимой нитке
феодалная птичка любви.

1923

.

ЛИРИКА

Ты мне сказал, небрежен и суров,
что у тебя —

отрадное явление!
есть о любви четыреста стихов,
а у меня два-три стихотворенья.

Ярослав Смеляков

А я писал все время о любви
к глухим разъездам,
к старым счетоводам,
к полужаросшим,
но проточным водам,
и все тропинки вдаль меня вели.
И малый куст на диком косогоре
вдруг чувствовал себя
как великан,
и все канавки пробирались к морю,
все лужицы стремились в океан.
Моя любовь

была веков разведка...

Пусть не всегда звенели соловьи,
пусть розы расцветали слишком
редко,

но о любви писал я,
о любви!

1961

Женщина бежит,
бежит по пирсу,
машет правой,
левою рукой.
Тот, кто с нею только что простился,
отвечает с палубы крутой.

До свиданья!
Будет ли свиданье?
Только пена, пена за рулем.
Увеличивается
 расстояние
Между женщиной
 и кораблем.

Может быть, от бега сердце бьется,
может быть, предчувствие беды...
Слишком мало пирса остается,
слишком много впереди воды.

1973

СТЕПАН ПЕТРОВИЧ ШИПАЧЕВ

1899—1979

БЕРЕЗКА

Ее к земле стигает ливень,
почти нагую, а она
рванется, глянет молчаливо —
и дождь уймется у окна.

И в непроглядный зимний вечер,
в победу веря наперед,
ее буран берет за плечи,
за руки белые берет.

Но, тонкую, ее ломая,
из силы выбьются... Она,
видать, характером прямая,
кому-то третьему верна.

1937

* * *

Что листья падают, что ночь светла,
запомню и вовек не пожалею
о том, что нас далёко завела
кленовая сентябрьская аллея.

Сидим одни, обнявшись, под луной,
но все длинней косые тени кленов.
Луна спешит — на целый шар земной
она одна, одна на всех влюбленных.

1939

* * *

Как хочешь это назови.
Друг другу стали мы дороже,
заботливей, нежней в любви,
но почему я так тревожен?

Стал придавать значенье снам,
порой задумаюсь, мрачней...
Уж видно — чем любовь сильнее,
тем за нее страшнее нам.

1944

* * *

Ты со мной — и каждый миг мне дорог.
Может, впереди у нас года,
но придет разлука, за которой
не бывает встречи никогда.
Только звезды в чей-то час свиданья
будут так же лить свой тихий свет.
Где тогда в холодном мирозданье,
милый друг, я отыщу твой след?

1944

* * *

Мы часто ищем сложности вещей,
где истина лежит совсем простая.
Мне не хватает нежности твоей,
тебе моей заботы не хватает.

Что к этому прибавить я могу?
Одно, что я любви твоей не стою:
ведь я тебя совсем не берегу —
легко ли нежной быть тебе со мною?

1945

* * *

Поверь, ты все в моей судьбе:
и счастье и беда.
Я в жизни мог солгать тебе,
а в песне никогда.

О, если б, как в свое окно,
взглянуть в судьбу хоть раз!
Нам знать с тобою не дано,
чей ближе смертный час.

Я одного желаю вновь,
сильней день ото дня,
желаю, чтоб твоя любовь
пережила меня.

1946

* * *

Забыть ли
блеск твоих глаз,
рук твоих жарких кольцо,
если сквозь слезы не раз
я видел твое лицо.

Что б ни было впереди,
приди любая беда,
ты болью в моей груди
останешься навсегда.

1949

МИХАИЛ ВАСИЛЬЕВИЧ ИСАКОВСКИЙ

1900—1973

Любушка

Понапрасну травушка измята
В том саду, где зреет виноград.
Понапрасну Любушке ребята
Про любовь, про чувства говорят.

Семерых она приворожила,
А сама не знает — почему.
Семерым головушку вскружила,
А навстречу вышла одному.

То была не встреча, а прощанье
У того ль студеного ключа.
Там давала Люба обещанье,
Что любовь навеки горяча.

До рассвета Люба говорила,
Расставаясь, слезы не лила,
Ничего на память не дарила,
А лишь только сердце отдала.

Мил уехал далеко-далече,
Улетел веселый соловей.
Но, быть может, в этот самый вечер
Вспомнит он о Любушке своей.

В том краю, откуда всходят зори,
Где обманчив по ночам покой,
Он стоит с товарищем в дозоре
Над Амуром — быстрою рекой.

Он стоит и каждый кустик слышит,
Каждый камень видит впереди...
Ничего особого не пишет,
Только пишет: «Люба, подожди».

Люба ждет назначенного срока,
Выйдет в поле, песню запоем:
Скоро ль милый с Дальнего Востока
Ей обратно сердце привезет.

Всходит месяц, вечер пахнет мятой,
В черных косах не видать ни зги...
Ой, напрасно ходят к ней ребята,
Ой, напрасно топчут сапоги!

1935

И КТО ЕГО ЗНАЕТ...

На закате ходит парень
Возле дома моего,
Поморгает мне глазами
И не скажет ничего.

И кто его знает,
Чего он моргает.

Как приду я на гулянье,
Он танцует и поет,
А простимся у калитки —
Отвернется и вздохнет.

И кто его знает,
Чего он вздыхает.

Я спросила: — Что не весел?
Иль не радует житье?
— Потерял я, — отвечает, —
Сердце бедное свое. —

И кто его знает,
Зачем он теряет.

А вчера прислал по почте
Два загадочных письма:
В каждой строчке — только точки,
Догадайся, мол, сама.

И кто его знает,
На что намекает.

Я разгадывать не стала, —
Не надейся и не жди, —
Только сердце почему-то
Сладко таяло в груди.

И кто его знает,
Чего оно тает.

КАТЮША

Расцветали яблони и груши,
Поплыли туманы над рекой.
Выходила на берег Катюша,
На высокий берег на крутой.

Выходила, песню заводила
Про степного сизого орла,
Про того, которого любила,
Про того, чьи письма берегла.

Ой ты, песня, песенка девичья,
Ты лети за ясным солнцем вслед
И бойцу на дальнем пограничье
От Катюши передай привет.

Пусть он вспомнит девушку простую,
Пусть услышит, как она поет,
Пусть он землю бережет родную,
А любовь Катюша сбережет.

Расцветали яблони и груши,
Поплыли туманы над рекой.
Выходила на берег Катюша,
На высокий берег на крутой.

1938

ОГОНЕК

На позиции девушка
Провожала бойца,
Темной ночью простилася
На ступеньках крыльца.

И пока за туманами
Видеть мог паренек,
На окошке на девичьем
Все горел огонек.

Парня встретила славная
Фронтальная семья,
Всюду были товарищи,
Всюду были друзья.

Но знакомую улицу
Позабыть он не мог:
— Где ж ты, девушка милая,
Где ж ты, мой огонек?

И подруга далекая
Парню весточку шлет,
Что любовь ее девичья
Никогда не умрет;

Все, что было загадано,
В свой исполнится срок, —
Не погаснет без времени
Золотой огонек.

И просторно и радостно
На душе у бойца
От такого хорошего
От ее письма.

И врага ненавистного
Крепче бьет паренек
За советскую родину,
За родной огонек.

1942

УСЛЫШЬ МЕНЯ, ХОРОШАЯ...

Услышь меня, хорошая,
Услышь меня, красивая, —
Заря моя вечерняя,
Любовь неугасимая!

Иду я вдоль по улице,
А месяц в небе светится,
А месяц в небе светится,
Чтоб нам с тобою встретиться.

Еще косою острою
В лугах трава не скошена,
Еще не вся черемуха
К тебе в окошко брошена;

Еще не скоро молодость
Да с нами распрощается.

Люби ж, покуда любится,
Встречай, пока встречается.

Встречай, моя хорошая,
Встречай, моя красивая —
Заря моя вечерняя,
Любовь неугасимая!

1945

АЛЕКСАНДР СЕРГЕЕВИЧ КОЧЕТКО

1900—1953

БАЛЛАДА О ПРОКУРЕННОМ ВАГОНЕ

— Как больно, милая, как странно,
Сроднясь в земле, сплетясь ветвями, —
Как больно, милая, как странно
Раздваиваться под пилой.
Не зарастет на сердце рана —
Прольемся чистыми слезами,
Не зарастет на сердце рана —
Прольемся пламенной смолой.

— Пока жива, с тобой я буду —
Душа и кровь нераздвоимы —
Пока жива, с тобой я буду —
Любовь и смерть всегда вдвоем.
Ты понесешь с собой повсюду —
• Не забывай меня, любимый, —
Ты понесешь с собой повсюду
Родную землю, милый дом.

— Но если мне укрыться нечем
От жалости неисцелимой,
Но если мне укрыться нечем
От холода и темноты?

— За расставаньем будет встреча,
Не забывай меня, любимый,
За расставаньем будет встреча,
Вернемся оба — я и ты.

— Но если я безвестно кану —
Короткий свет луча дневного, —
Но если я безвестно кану
За звездный пояс, в млечный дым?
— Я за тебя молиться стану,
Чтоб не забыл пути земного,
Я за тебя молиться стану,
Чтоб ты вернулся невредим.

Трясаясь в прокуренном вагоне,
Он стал бездомным и смиренным,
Трясаясь в прокуренном вагоне,
Он полуплакал, полуспал,
Когда состав на скользком склоне
Вдруг изогнулся страшным креном,
Когда состав на скользком склоне
От рельс колеса оторвал.

Нечеловеческая сила,
В одной давилъне всех калеча,
Нечеловеческая сила
Земное сбросила с земли.
И никого не защитила
Вдали обещанная встреча,
И никого не защитила
Рука, зовущая вдали.

С любимыми не расставайтесь!
С любимыми не расставайтесь!
С любимыми не расставайтесь!
Всей кровью прорастайте в них —
И каждый раз навек прощайтесь!
И каждый раз навек прощайтесь!
И каждый раз навек прощайтесь!
Когда уходите на миг!

1932

АЛЕКСАНДР АНДРЕЕВИЧ ПРОКОФЬЕВ

1900—1971

РАЗВЕРНИСЬ, ГАРМОНИКА...

Развернись, гармоника, по столику,
 Я тебя, как песню, подниму.
 Выходила тоненькая-тоненькая,
 Тоней называлась потому.
 На деревне ничего не слышно,
 А на слободе моей родной
 Легкий ветер на дорогу вышел
 И не поздоровался со мной.
 И, твоею лаской зачарован,
 Он, что целый день не затихал,
 Крыльями простуженных черемух
 Издали любимой замахал.
 Ночь кричала запахами сена,
 В полушалок кутала лицо,
 И звезда, как ласточка, присела
 На мое широкое крыльцо.
 А березки белые в истоме
 В пляс пошли — на диво нам.
 Ай да Тоня, ай да Тоня,
 Антонина Климовна!

1928

* * *

Не боюсь, что даль затмилась,
Что река пошла мелеть,
А боюсь на свадьбе милой
С пива-меду захмелеть.
Я старинный мед растрachu,
Заслоню лицо рукой,
Захмелею и заплачу.
Гости спросят:

«Кто такой?»

Ты ли каждому и многим
Скажешь так, крутя кайму:
«Этот крайний, одинокий,
Не известен никому!»
Ну, тогда я встану с места,
И прищурю левый глаз,
И скажу, что я с невестой
Целовался много раз.
«Что ж, — скажу невесте, — жалуй
Самой горькою судьбой...
Раз четыреста, пожалуй,
Целовался я с тобой».

1934

* * *

То ль тебе, что отрады милее,
То ли людям поведать хочу,
Что когда ты приходишь — светлею,
И когда ты уходишь — грущу.

.

Ты меня, молодая, по краю
Раскаленного дня повела.

Я от гордости лютой желаю,
Чтобы ты рядом с морем жила.

Чтоб в раскосые волны с разбега,
Слыша окрик отчаянный мой,
Шла бы лодка далекого бега
И на ней белый парус прямой.

Чтобы паруса вольная сила,
Подчиняясь тяжелым рукам,
Против ветра меня выносила
К долгожданным твоим берегам.

1934

* * *

Любишь или нет меня, отрада,
Все равно я так тебя зову,
Все равно топтать нам до упаду
Вешнюю зеленую траву.

Яблонею белой любоваться
(Ой, чтоб вечно, вечно ей цвести!),
Под одним окном расцеловаться,
Под другим — чтоб глаз не отвести!

А потом опять порой прощальной
Проходить дорогой, как по дну,
И не знать, в каких просторах дальних
Две дороги сходятся в одну.

Чтоб не как во сне, немые и глухи,
 А вовсю, страдая и крича,
 Надо мной твои летали руки,
 Словно два сверкающих луча!

1938

СОЛЬВЕЙГ

1

Снега голубеют в бескрайних раздольях,
 И ветры над ними промчались, трубя...
 Приснись мне, на лыжах бегущая Сольвейг,
 Не дай умереть, не увидев тебя!

В бору вековом ты приснись иль в долине,
 Где сосны кончают свое забытье
 И с плеч, словно путники, сбросили иней,
 Приветствуя так появленье твое!

И чтобы увидел я снова и снова,
 Что мне не увидеть по дальним краям. —
 И косы тяжелые в лентах лиловых,
 И взгляд, от которого петь соловьям!

Чтоб снег перепархивал, даль заклубилась,
 Вершинами бór проколол синеву,
 Чтоб замерло сердце, не билось, не билось,
 Как будто бы ты наяву, наяву!

Снега голубеют в бескрайних раздольях,
Мой ветер, мой вольный, ты им поклонись.
Приснись мне, на лыжах бегущая Сольвейг,
Какая ты светлая, Сольвейг!

Приснись!

2

Бор синий, вечерний. Суметы крутые.
И словно на ветви легли небеса.
О Сольвейг!

Ой, косы твои золотые,
Ой, губ твоих полных и алых краса!

Как ходишь легко ты по снежному краю!
Там ветер по окна сугробы намел,
И там, где прошла ты, ручьи заиграли
И вдруг на опушке подснежник расцвел.

А там, где ты встала, трава прорастает,
Река рвется к морю, и льдинки хрустят,
И птиц перелетных крикливые стаи,
Быть может, сегодня сюда прилетят.

Заплещут крылами, засвищут, как в детстве,
За дымкой туманной, грустя и любя...
О Сольвейг, постой же! Ну дай наглядеться,
Ну дай наглядеться, любовь, на тебя!

Ведь может и так быть:

поля колосились,
И реки к морям устремляли разбег,
Чтоб глаз, отененных ресницами, синих,
Вовек не померкло сиянье,
вовек!

1939

ВЛАДИМИР АЛЕКСАНДРОВИЧ ЛУГОВСКОЙ

1901—1957

ЛИМОННАЯ НОЧЬ

Луна стоит на капитанской вахте,
На триста верст рассыпался прибой.
И словно белая трепещущая яхта
Уходит женщина, любимая тобой.

Мне нужен сон глубокого наплыва
Мне нужен ритм высокой чистоты.
Сегодня звезды сини, словно сливы,
Такие звезды выдумала ты.

Лимон разрезанный
на лунный свет походит.
Таких ночей
светлей и тише нет,
Тревожные созвездья
пароходов
Прносятся
в лимонной тишине.

Телеграфируйте в пространство,
дорогая,
Что бриз и рейс
вас сделали добрей.
И я рванусь
за вами, содрогаясь,
Как черный истребитель
в серебре.

1928

Поманила пальцем.
Убежала.
Сны окончились.
Кругом — темно.
Горечь расставанья, боль и жалость
Хлынули в раскрытое окно.
Хлынул шум дождей непобедимый,
Сентября коричневый настой,
Понесло холодным кислым дымом,
Городской дрожащей темнотой.
С кем. ходила ты,
кого жалела,
В сон чужой ты почему вошла,
Ласковое тоненькое тело
Ты кому спокойно отдала?

Что о жизни нашей рассказала,
Голову прижав к чужой груди?
Голосами девяти вокзалов
Почему сказала мне —
«Уйди!»

1938(?)

Тебя давно уж нет на свете,
Но я беседую с тобой.
Я вспомнил бухту,
южный ветер,
Зеленопламенный прибой.
Ангары.

Ночь.

Тень гидроплана.
Огромное лицо луны.
Тревожный холодок дурмана
От губ
твоих,
от крутизны.
Холщовые одежды лета.
Над штабом —
красная звезда.
Вплоть до зари,
вплоть до рассвета
Не расставались
мы
тогда.

Огромное лицо луны.

Тревожный холодок дурмана

От губ

ТВОИХ,

от крутизны.

Холщовые одежды лета.

Над штабом —

красная звезда.

Вплоть до зари,

ВПЛОТЬ ДО РАССВЕТА

Не расставались

MBN

ТОГДА.

МИХАИЛ СЕМЕНОВИЧ ГОЛОДНЫЙ

1903—1949

* * *

Люби досмерти.
Мне в любви
Конца не увидеть.
Ты оттолкни,
И позови,
И обними опять.

С тобою просидим
вдвоем
С зари и до зари.
Люби до смерти,
а потом,
Коль можно... повтори!

1926

ЛЮБОВЬ — ВОЙНА

Любовь, по-моему, война,
Где битва треплет битву.
Не стоит плакать,
Коль она
Невольно нагрубит вам!

Любовь, по-моему, плацдарм.
Пять чувств — мои солдаты.
И я, угрюмый командарм,
Кричу:
— Смелей, ребята!

Скажите, кто в бою не груб,
Но разве в этом дело!
Сраженный властью женских губ,
Веду войну умело.

Глаза огромные растут,
Пугают тусклым блеском.
Вперед! Еще один редут —
И нам бороться не с кем!

Катится кровь, за валом — вал,
Грохочет сердце маршем,
Склонилась набок голова.
Ура! головка — наша!

А ночь летит, как миг, как час,
То рысью,
То карьером.
Пять чувств крылатых, горячась,
Ломают все барьеры.

А день, а я — весь впереди.
Гляжу вокруг, смущенный,
И чувствую, что, победив,
Остался побежденным!

1926

НИКОЛАЙ АЛЕКСЕЕВИЧ ЗАБОЛОЦКИЙ

1903—1958

ПОСЛЕДНЯЯ ЛЮБОВЬ

1. Чертополох

Принесли букет чертополоха
И на стол поставили, и вот
Предо мной пожар и суматоха
И огней багровых хоровод.
Эти звезды с острыми концами,
Эти брызги северной зари
И гремят и стонут бубенцами,
Фонарями вспыхнув изнутри.
Это тоже образ мироздания,
Организм, сплетенный из лучей,
Битвы неоконченной пыланье,
Полыханье поднятых мечей.
Это башня ярости и славы,
Где к копью приставлено копье,
Где пучки цветов, кровавоглавы,
Прямо в сердце врезаны мое.

Снилась мне высокая темница
И решетка, черная, как ночь,
За решеткой — сказочная птица,
Та, которой некому помочь.
Но и я живу, как видно, плохо,
Ибо я помочь не в силах ей.
И встает стена чертополоха
Между мной и радостью моей.
И простерся шип клинообразный
В грудь мою, и уж в последний раз
Светит мне печальный и прекрасный
Взор ее неугасимых глаз.

1956

2. Морская прогулка

На сверкающем глассере белом
Мы заехали в каменный грот,
И скала опрокинутым телом
Заслонила от нас небосвод.
Здесь, в подземном мерцающем зале,
Над лагуной прозрачной воды,
Мы и сами прозрачными стали,
Как фигурки из тонкой слюды.
И в большой кристаллической чаше,
С удивлением глядя на нас,
Отраженья неясные наши
Засияли миллионами глаз.
Словно вырвавшись вдруг из пучины,
Стаи девушек с рыбьим хвостом

И подобные крабам мужчины
 Оцепили наш глассер кругом.
 Под великой одеждою моря,
 Подражая движениям людей,
 Целый мир ликованья и горя
 Жил диковинной жизнью своей.
 Что-то там и рвалось, и кипело,
 И сплеталось, и снова рвалось,
 И скалы опрокинутой тело
 Пробивало над нами насквозь.
 Но водитель нажал на педали,
 И опять мы, как будто во сне,
 Полетели из мира печали
 На высокой и легкой волне.
 Солнце в самом зените пылало,
 Пена скал заливала корму,
 И Таврида из моря вставала,
 Приближаясь к лицу твоему.

1956

3. Признание

Зацелована, околдована,
 С ветром в поле когда-то обвенчана,
 Вся ты словно в оковы закована,
 Драгоценная моя женщина!

Не веселая, не печальная,
 Словно с темного неба сошедшая,
 Ты и песнь моя обручальная,
 И звезда моя сумасшедшая.

Я склонюсь над твоими коленями,
Обниму их с неистовой силою,
И слезами и стихотвореньями
Обожгу тебя, горькую, милую.

Отвори мне лицо полуночное,
Дай войти в эти очи тяжелые,
В эти черные брови восточные,
В эти руки твои полуголые.

Что прибавится — не убавится,
Что не сбудется — позабудется...
Отчего же ты плачешь, красавица?
Или это мне только чудится?

1957

4. Последняя любовь

Задрожала машина и стала,
Двое вышли в вечерний простор,
И на руль опустился устало
Истомленный работой шофер.
Вдалеке через стекла кабины
Трепетали созвездья огней.
Пожилой пассажир у куртины
Задержался с подругой своей.
И водитель сквозь сонные веки
Вдруг заметил два странных лица,
Обращенных друг к другу навеки
И забывших себя до конца.

Два туманные легкие света
Исходили из них, и вокруг
Красота уходящего лета
Обнимала их сотнями рук.
Были тут огнеликие канны,
Как стаканы с кровавым вином,
И седых аквилегий султаны,
И ромашки в венце золотом.
В неизбежном предчувствии горя,
В ожиданье осенних минут,
Кратковременной радости море
Окружало любовников тут.
И они, наклоняясь друг к другу,
Бесприютные дети ночей,
Молча шли по цветочному кругу
В электрическом блеске лучей.
А машина во мраке стояла,
И мотор трепетал тяжело,
И шофер улыбался устало,
Опуская в кабине стекло.
Он-то знал, что кончается лето,
Что подходят ненастные дни,
Что давно уж их песенка спета, —
То, что, к счастью, не знали они.

1957

5. Голос в телефоне

Раньше был он звонкий, точно птица,
Как родник, струился и звенел,
Точно весь в сиянии излиться
По стальному проводу хотел.

А потом, как дальнее рыданье,
Как прощанье с радостью души,
Стал звучать он, полный покаянья,
И пропал в неведомой глуши.

Сгинул он в каком-то диком поле,
Беспощадной вьюгой занесен...
И кричит душа моя от боли,
И молчит мой черный телефон.

1957

6***

Клялась ты — до гроба
Быть милой моей.
Опомнившись, оба
Мы стали умней.

Опомнившись, оба
Мы поняли вдруг,
Что счастья до гроба
Не будет, мой друг.

Колеблется лебедь
На пламени вод.
Однако к земле ведь
И он уплывет.

И вновь одиноко
Заблещет вода,
И глянет ей в око
Ночная звезда.

1957

Посредине панели
 Я заметил у ног
 В лепестках акварели
 Полумертвый цветок.
 Он лежал без движенья
 В белом сумраке дня,
 Как твое отраженье
 На душе у меня.

1957

8. Можжевеловый куст

Я увидел во сне можжевеловый куст.
 Я услышал вдали металлический хруст.
 Аметистовых ягод услышал я звон.
 И во сне, в тишине, мне понравился он.

Я почуял сквозь сон легкий запах смолы.
 Отогнув невысокие эти стволы,
 Я заметил во мраке древесных ветвей
 Чуть живое подобье улыбки твоей.

Можжевеловый куст, можжевеловый куст,
 Остывающий лепет изменчивых уст,
 Легкий лепет, едва отдающий смолой,
 Проколовший меня смертоносной иглой!

В золотых небесах за окошком моим
 Облака проплывают одно за другим.
 Облетевший мой садик безжизнен и пуст...
 Да простит тебя бог, можжевеловый куст!

1957

9. Встреча

И лицо с внимательными глазами, с
трудом, с усилием, как открывается
заржавевшая дверь, — улыбнулось...

Л. Толстой. Война и мир

Как открывается заржавевшая дверь,
С трудом, с усилием, — забыв о том, что было,
Она, моя неожиданная, теперь
Свое лицо навстречу мне открыла.
И хлынул свет — не свет, но целый сноп
Живых лучей, — не сноп, но целый ворох
Весны и радости, и, вечный мизантроп,
Смешался я... И в наших разговорах,
В улыбках, в восклицаньях, — впрочем, нет,
Не в них совсем, но где-то там, за ними,
Теперь горел неугасимый свет,
Овладевая мыслями моими.
Открыв окно, мы посмотрели в сад,
И мотыльки бесчисленные сдуру,
Как многоцветный легкий водопад,
К блестящему помчались абажуру.
Один из них уселся на плечо,
Он был прозрачен, трепетен и розов.
Моих вопросов не было еще,
Да и не нужно было их — вопросов.

1957

10. Старость

Простые, тихие, седые,
Он с палкой, с зонтиком она, —
Они на листья золотые
Глядят, гуляя дотемна.

Их речь уже немногословна,
Без слов понятен каждый взгляд,
Но души их светло и ровно
Об очень многом говорят.

В неясной мгле существования
Был неприметен их удел,
И животворный свет страданья
Над ними медленно горел.

Изнемогая, как калеки,
Под гнетом слабостей своих,
В одно единое навеки
Слились живые души их.

И знания малая частица
Открылась им на склоне лет,
Что счастье наше — лишь зарница,
Лишь отдаленный слабый свет.

Оно так редко нам мелькает,
Такого требует труда!
Оно так быстро потухает
И исчезает навсегда!

Как ни лелей его в ладонях
И как к груди ни прижимай, —
Дитя зари, на светлых конях
Оно умчится в дальний край!

Простые, тихие, седые,
Он с палкой, с зонтиком она, —
Они на листья золотые
Глядят, гуляя дотемна.

Теперь уж им, наверно, легче,
Теперь все страшное ушло,
И только души их, как свечи,
Струят последнее тепло.

1956

ВИССАРИОН МИХАЙЛОВИЧ САЯНОВ

1903—1958

* * *

Я тебя в своей песне прослаблю,
Всю отдам тебя русским снегам.
Мчатся ль кони твои к Ярославлю
По заволжским крутым берегам?

Иль, быть может, в истоме тревожной
Ты не спишь в эту звездную ночь,
Вспомнив муку в той песне осторожной,
Что велела любовь превозмочь?

Что же делать?.. Мне тоже не спится...
Ведь былую любовь развело,
И она не подымет, как птица,
Перебитое пулей крыло...

Где искать тебя? В зареве диком?
В реве ветра? В бегущих годах?
В Белозерске? В Ростове Великом?
Иль в старинных других городах?

Или, может, до вести, до срока,
 Словно благовест чистой любви,
 Вдруг плеснут, вдруг плеснут издалёка
 Лебединые крылья твои?

Между 1932 и 1936

* * *

Неотвратимая, необоримая,
 С оканьем медленных северных рек,
 Что бы ты мне ни сулила, любимая,
 Не отрекись от тебя я вовек.

⟨1955⟩

ТЕБЕ

Нет, я тебя такой оставлю в памяти,
 Какою ты была давным-давно,
 И вижу вновь: встает из белой заметы
 Неярко освещенное окно.

В провинциальном городе метелица,
 Перебегает улицы она,
 И пышный, хвост за нею долго стелется,
 Округа снегом вся заметена.

Пока метель за лунным светом гонится,
К окошку я украдкой подойду.
Как в доме тихо... В невысокой горнице
Лишь стопка книг сегодня на виду.

И ты сидишь, задумчивая, тихая,
С подругою беседуешь... О чем?
Часы стенные ходят, мерно тикая,
И, словно в сказке, дремлет старый дом.

Твоей рукой до строчки переписаны
Все первые стихи мои в тетрадь.
Ты в юности была мне другом истинным,
Зову тебя: «Приди, приди опять!»

Ведь надобно тебе поведать многое
О том, что было на земных путях...
И ты придешь, задумчивая, строгая,
С лесным цветком в седеющих кудрях!

⟨1955⟩

МИХАИЛ АРКАДЬЕВИЧ СВЕТЛОВ

1903—1964

РАЗЛУКА

Вытерла заплаканное личико,
Ситцевое платье взяла,
Вышла — и, как птичка-невеличка,
В басенку, как в башенку, пошла.

И теперь мне постоянно снится,
Будто ты из басенки ушла,
Будто я женат был на синице,
Что когда-то море подожгла.

1929

ПЕСЕНКА

Чтоб ты не страдала от пыли дорожной,
Чтоб ветер твой след не закрыл, —
Любимую, на руки взяв осторожно,
На облако я усадил.

Когда я промчуся, ветра обгоняя,
Когда я пришпорю коня,
Ты с облака сверху нагнись, дорогая,
И посмотри на меня!

Я другом ей не был, я мужем ей не был,
Я только ходил по следам, —
Сегодня я отдал ей целое небо,
А завтра всю землю отдам!

1932

ВСТРЕЧА

Откуда ты взялась такая?
«Где ты росла, где ты цвела?»
Твоим желаньям потакая,
Природа все тебе дала —

Два океана глаз глубоких,
Два пламени девичьих щек
И трогательный, одинокий,
На лоб упавший волосок...

Ты стать моей мечтой могла бы,
Но — боже мой! — взгляни назад:
За мной, как в очереди бабы,
Десятилетия стоят.

Что выдают? Мануфактуру?
Воспоминанья выдают?
Весьма потрепанную шкуру,
Что называется «уют»?

Мир так назойлив чудесами!
А я мечтаю до сих пор
Поплыть с тобой под парусами,
Забыв о том, что есть мотор.

Я не зову к средневековью,
К отсталости я не зову, —
Мне б только встретиться с любовью
Вот так — на ощупь, наяву!

Мы с ней встречались и до срока
И после срока... Отчего
Сама любовь — и одинока?
Любовь — а рядом никого?..

Ну ладно, хватит. Эти темы
Не для порядка и системы.
Как спорят где-то в глубине
Язычник с физиком во мне!

Я должен ощущать другое,
Я должен говорить не то...
Надень свое недорогое
Демисезонное пальто.

И мы пойдем с тобою в сказку,
В то общежитие поэм,
Где мы с тобой отыщем ласку,
Которой не хватает всем.

1957

ЛЮБОВЬ

Быть может, в разговорах откровенных,
Шагая с молодежью по нови,
Увижу я средь лиц обыкновенных
Встревоженную мордочку любви...

Поверь мне, ты ничуть не постарела,
Что для тебя земная дань годам!
Бегут двадцатилетние пострелы
По светлой стежке — по твоим следам.

До старости, до смерти сохранится
Твой образ, появившийся вдали, —
В простом платке, а над тобой зарницы
Грузинским садом пышно расцвели.

Сама заря стоит у изголовья,
Ночь для тебя сменяет караул...
Я с твоего плеча с такой любовью
Бестактного комарика стряхнул!

И этих чувств волшебных излученье
 Сейчас меня на подвиг позовет,
 Отчаянное кровообращенье
 Сейчас мне стенки сердца разорвет!..

Рассвет, как долгожданное известье,
 Явился к нам. Мир полон ворожбы.
 Возьмем лукошки, милая, и вместе
 Пойдем по чудеса, как по грибы.

И приютит нас древняя дубрава,
 И старые дубы прошелестят:
 «Такой любви мы не видали, право,
 Чтоб не солгать, лет этак пятьдесят!»

1958

* * *

Все ювелирные магазины —
 они твои.

Все дни рождения, все именины —
 они твои.

• Все устремления молодежи —
 они твои.

И смех, и радость, и песни тоже —
 они твои.

И всех счастливых влюбленных губы —
 они твои.

И всех военных оркестров трубы —
 они твои.

Весь этот город, все эти здания —

они твои.

Вся горечь жизни и все страдания —

они мои.

Уже светает.

Уже порхает стрижей семья.

Не затихает,

Не отдыхает любовь моя.

1960

РАЗГОВОР

Ты — любовь моя!

Ты — перевертень ума,

Ты — как лето на саночках,

Как в веснушках зима.

Нет! Не в сказочной обуви,

Нет, не в туфельках Золушки,

Не в огнях городов,

Не в мерцанье села,

Не в сиянье реклам, —

По дорогам проселочным

В тихих тапочках стоптанных

Ты торжественно шла.

Я мечтал о тебе,
Отправляясь в дорогу,
Я искал тебя —
Девушку-недотрогу.

Пусть мне будет
От вдохновения жарко —
К медсанбату в пути,
В обгоревшем лесу,
Я любовь —
Эту раненую санитарку —
может быть, донесу,
Может, не донесу.

Как мне быть?
До сих пор я не принял решения...
Неужели с годами
Погиб мой запал?

Не по площади бить,
А по точной мишени!
Кто поможет проверить —
Попал, не попал?

Были юными,
Стали согбенными плечи
Все же тяжести новой
Смирненно я жду.
Ты на месте не стой,
Ты пойди мне навстречу,
Все мне кажется —
Сам я вовек не дойду.

Мы уступок
У нашей любви не просили,

Нам соблазны
Не изменили маршрут...
Молодежь не поймет
Наших грустных усилий.
Постаревшие люди,
Быть может, поймут.

1963

ИОСИФ ПАВЛОВИЧ УТКИН

1903—1944

ПИСЬМО

...Я тебя не ждала сегодня
И старалась забыть, любя.
Но пришел бородатый водник
И сказал, что знает тебя.

Он такой же, как ты, лохматый,
И такие же брюки-клеш!
Рассказал, что ты был под Кронштадтом.
Жив...
Но больше домой не придешь...

Он умолк,
И мы слушали оба,
Как над крышей шумит метель,
Мне тогда показалась гробом
Колькина колыбель...

Погиб в ноябре 1944 года при авиационной катастрофе,
возвращаясь с фронта.

Я его поняла с полслова.

Гоша,

Милый!..

Молю...

Приезжай...

Я тебя и такого...

И безногого...

Я люблю!

1923

ТИПИЧНЫЙ СЛУЧАЙ

Двое тихо говорили,

Расставались и корили:

«Ты такая...»

«Ты такой!..»

«Ты плохая...»

«Ты плохой!..»

«Уезжаю в Ленинград... Как я рада!»

«Как я рад!!!»

Дело было на вокзале,

Дело было этим летом,

Всё решили. Всё сказали.

Были куплены билеты.

Паровоз в дыму по пояс

Бил копытом на пути:

Голубой курьерский поезд

Вот-вот думал отойти.

«Уезжаю в Ленинград... Как я рада!»

«Как я рад!!!»

Но когда...

Чудак в фуражке,
Поднял маленький флажок,
Паровоз пустил барашки,
Семафор огонь зажег...

Но когда...

Двенадцать двадцать
Бьет звонок. Один. Другой.
Надо было расставаться...

«До-ро-гая!»

«До-ро-гой...»

«Я такая!»

«Я такой!»

«Я плохая!»

«Я плохой!»

«Я не еду в Ленинград... Как я рада!»

«Как я рад!!!»

Ноябрь 1935

ЕСЛИ Я НЕ ВЕРНУСЬ, ДОРОГАЯ...

Если я не вернусь, дорогая,
Нежным письмам твоим не внемля,
Не подумай, что это — другая.
Это значит... сырая земля.

Это значит, дубы-нелюдимы
Надо мною грустят в тишине,
А такую разлуку с любимой
Ты простишь вместе с родиной мне.

Только вам я всем сердцем и внемлю,
Только вами и счастлив я был:
Лишь тебя и родимую землю
Я всем сердцем, ты знаешь, любил.

И доколе дубы-нелюдимы
Надо мной не склонятся, дремля,
Только ты мне и будешь любимой,
Только ты да родная земля!

1942

ТЫ ПИШЕШЬ ПИСЬМО МНЕ

На улице полночь. Свеча догорает.
Высокие звезды видны.
Ты пишешь письмо мне, моя дорогая,
В пылающий адрес войны.

Как долго ты пишешь его, дорогая,
Окончишь и примешься вновь.
Зато я уверен: к переднему краю
Прорвется такая любовь!

...Давно мы из дома. Огни наших комнат
За дымом войны не видны.
Но тот, кого любят,
Но тот, кого помнят,
Как дома — и в дыме войны!

Теплее на фронте от ласковых писем.
Читая, за каждой строкой
Любимую видишь
И родину слышишь,
Как голос за тонкой стеной...

Мы скоро вернемся. Я знаю. Я верю.
И время такое придет:
Останутся грусть и разлука за дверью,
А в дом только радость войдет.

И как-нибудь вечером вместе с тобою,
К плечу прижимаясь плечом,
Мы сядем и письма, как летопись боя,
Как хронику чувств, перечтем...

1943

АЛЕКСАНДР АЛЕКСЕЕВИЧ ЖАРОВ

1904—1984

СКВОЗЬ НОЧЬ

Что, если бы мой сон вчерашний
Неотвратимой явью стал?
Друзьям у орудийной башни
Я так бы о тебе сказал:

Она мне радугой явилась,
Она мне звездочкой была,
В глазах рососою серебрилась,
Зарей плыла... И уплыла...

Одною мыслью успокою
Я сердце вздорное свое:
Ей никогда не быть такою,
Какой я выдумал ее.

Как застигнет за коптилкою
Ночь полярная глубокая,
Уношусь душою пылкою
Все к тебе, моя далекая.

Мне опять в разлуке чудится,
Что всему война виновница...
Все плохое позабудется,
Все хорошее запомнится.

1943

О ТЕБЕ

О тебе,
пушистой, легкой, звонкой,
В самом сердце память берегу.
Встретилась ты мне совсем девчонкой
Где-то на малеевском снегу,
Где-то по дороге к Старой Рузе
В шумном вихре радостной игры
Начинал завязываться узел,
Не развязанный
до сей поры.

Помнишь,
как взлетали мы с разбега
В поздний час на белые холмы?
И казалось: не было ни снега,
Ни морозной ночи, ни зимы...

И узнали мы, что мать-природа,
Нам на счастье или на беду,
Может

 быть, не с временами года,
А сама с собою лишь
 в ладу.

Вспышки ослепительного света
Вырывались из метельной тьмы.
Не было ни осени, ни лета,
Ни весны...

 А только были мы.
Я не знал,
 что повторится чудо,
Молнией мелькнувшее вдали...
Неужели это мы оттуда
К нынешней любви своей пришли?

1957

ЕВГЕНИЙ САВВИЧ НЕЖИНЦЕВ

1904—1942

ОПЯТЬ НЕТ ПИСЕМ

Висят кувшины на заборе,
Рябина плещет на ветру,
И ягод огненное море
Ведет веселую игру.

На опустевшие балконы
Ложатся сумерки и тьма,
И ходят мимо почтальоны,
И нет по-прежнему письма.

Как будто ты забыла имя,
И номер дома, и число,
Как будто листьями сухими
Дорогу к сердцу занесло...

1940

Умер в дни блокады Ленинграда 10 апреля 1942 года.

* * *

Пусть буду я убит в проклятый день войны,
Пусть первым замолчу в свинцовом разговоре,
Пусть... Лишь бы никогда не заглянуло горе
В твой дом, в твои глаза, в твои девичьи сны.

Пусть не осмелится жестокая рука
Черкнуть в письме, в скупой на чувства фразе,
Что ты в разорванном лежишь противогазе
И бьется локон твой у синего виска...

1941

МИХАИЛ ВАСИЛЬЕВИЧ ТРОИЦКИЙ

1904—1941

* * *

Застыли, как при первой встрече,
Стоят и не отводят глаз.
Вдруг две руки легли на плечи
И обняли, как в первый раз.

Все было сказано когда-то.
Что добавлять? Прощай, мой друг.
И что надежней плеч солдата
Для этих задрожавших рук?

1941

Погиб в бою в районе Невской Дубровки под Ленинградом
22 декабря 1941 года.

ЛЕОНИД НИКОЛАЕВИЧ МАРТЫНОВ

1905—1980

ЭЛЕГИЯ

О, не в тайгу б пошел искать я рай,
 Не Ева ты, я не Адам нагой,
 Но помолчи и отдышаться дай,
 Ведь я пришел к тебе, а не к другой.

Тяжелый запах ты сейчас вдохнешь,
 В нем будет все — и паровозный дым,
 И сырость трюма. Револьвер и нож
 Я суну под подушку. Помолчим.

Мир озарен Полярною звездой,
 За окнами упругий снежный хруст.
 Ты поцелуя теплою водой
 Напой меня из приоткрытых уст...

Прощай, хозяйка губ своих и плеч!
 Забудешь или память сохранит:
 В осенний час соседний мир поджечь
 Я улетел в потоке леонид.

1924

ЛЮБОВЬ

Ты жива,
Ты жива!
Не сожгли тебя пламень и лава,
Не засыпало пеплом, а только задело едва.
Ты жива,
Как трава,
Увядать не имевшая права;
Будешь ты и в снегах
Зелена и поздней Покрова.

И еще над могилой моей
Ты взойдешь как посмертная слава.
И не будет меня —
Ты останешься вечно жива.
Говори не слова,
А в ответ лишь кивай величаво —
Улыбнись и кивни,
Чтоб замолкла пустая молва.

Ты жива,
Ты права,
Ты отрада моя и отрава,
Каждый час на земле —
Это час твоего торжества!

〈1946〉

ПЕРВЫЙ СНЕГ

Ушел он рано вечером.

Сказал:

— Не жди. Дела...

Шел первый снег.

И улица

Была белым-бела.

В киоске он у девушки

Спросил стакан вина.

«Дела... — твердил он мысленно, —

И не моя вина».

Но позвонил он с площади:

— Ты спишь?

— Нет, я не сплю.

— Не спишь? А что ты делаешь? —

Ответила:

— Люблю!

Вернулся поздно утром он,

В двенадцатом часу,

И озираясь в комнате,

Как будто бы в лесу, —

В лесу, где ветви черные

И черные стволы,

И все портьеры черные,

И черные углы,

И кресла черно-бурые,

Толпясь, молчат вокруг...

Она склонила голову,
И он увидел вдруг:
Быть может, и сама еще
Она не хочет знать,
Откуда в теплом золоте
Взялась такая прядь!

Он тронул это милое
Теперь ему навек
И понял,
Чьим он золотом
Платил за свой ночлег.

Она спросила:
— Что это?
Сказал он:
— Первый снег!

1946

• • •

Он залатан,
Мой косматый парус,
Но исправно служит кораблю.
Я тебя люблю.
При чем тут старость,
Если я тебя люблю!

Может быть,
 Обоим и осталось
 В самом деле только это нам, —
 Я тебя люблю, чтоб волновалось
 Море, тихое по временам.

И на небе тучи,
 И скрипучи
 Снасти.
 Но хозяйка кораблю —
 Только ты.
 И ничего нет лучше
 Этого, что я тебя люблю.

1967

Я ЗНАЮ, КАКОВА ЛЮБОВЬ

Я знаю,
 Какова Любость!

Когда любовники возлягут
 В альков среди ее цветов
 Вкусить плодов ее и ягод —
 То это не всегда Любость!

И что ты там ни обусловь,
 Каких ты под любовный купол
 Ни подымай колоколов,
 Каких ни пой любовных слов —
 И это не всегда Любость!

И если даже ты нащупал
 Средь самых шелковых голов
 Парчово-бархатистых кукол
 Соболю бровь, как зверолов, —
 То это тоже не Любобы!

И если ты не бархат гладил,
 Но и с Железной Девой сладил —
 Хозяйкой внутренних шипов, —
 То это тоже не Любобы!

Ее ты имя не порочы!
 Она,
 Вся белая от гнева,
 Железную ломает Деву,
 Отбрасывает кукол прочь
 И гонит властною рукою
 Твоих врагинь, твоих врагов.
 Ты понял, что она такое?
 Я знаю,
 Какова Любобы!

〈1969〉

ВОЛНЕНИЕ

В области сердечного волнения,
 Пусть она невесть какая область.
 Доблести сердечного волнения
 Даже не считаются за доблесть;

И никто не просит извиненья,
Будь он даже вежлив безупречно,
За свое сердечное волненье,
И волненье это бесконечно;
И почти ничтожны по сравненью
С ним волненье перезревшей нивы,
Или океанское волненье,
Ибо волны все-таки ленивы
По сравненью с этим беспрестанным
И не находящим объясненья
Еле ощутимым ураганом
В области сердечного волненья.

1969

ЯКОВ ЗАХАРОВИЧ ШВЕДОВ

1905—1985

* * *

Как будто весна без конца и без края
Пред мною раскинулась вновь,
Так нынче при встрече с тобой расцветает
Счастливая наша любовь.
Как будто сквозь дымку я вижу улыбку
И кроткий твой любящий взгляд,
Устал повторять, что пришел на побывку
К тебе на мгновенье солдат.
Ласкаю волос непокорную прядку,
Не верится, что наяву
Сердечно и строго своею солдаткой
Жену в час свиданья зову.
Поверь, дорогая, что в ночи глухие
Казалось порой в блиндажах,
Как чьи-то горячие руки чужие
Тебя обнимают впотьмах.
Как часто мне снились ночью порою
Неяркие губы твои...

А ты и не знаешь,
 как пели весною
На Курской дуге соловьи.
Настала пора расставаться с тобою,
Мне сына скорей позови!
За ревность прости,
 и на фронте весною
Поют соловьи о любви.

1943

СЕМЕН ИСААКОВИЧ КИРСАНОВ

1906—1972

ЛИРИКА

Человек

 стоял и плакал,
комкая конверт.
В сто ступенек,
 эскалатор
вез его наверх.
К подымавшимся
 колоннам,
к залу,
 где светло,
люди разные
 наклонно
 плыли
 из метро.

Видел я:

 земля уходит
из-под его ног.
Рядом плыл
 на белом своде
мраморный венок.

Он уже

не в силах видеть
движущийся зал.

Со слезами,

чтоб не выдать,
борются глаза.

Подойти?

Спросить:

«Что с вами?»

просто ни к чему.

Неподвижными

словами

не помочь ему.

Может,

именно ему-то

лирика нужна.

Скорой помощью,

в минуту,

подоспеть должна.

Пусть она

беду чужую,

тяжесть всех забот,

муку

самую большую

на себя возьмет.

И поправит,

и поставит

ногу на порог,

и подняться

в жизнь

заставит

лестничками

строк.

* * *

Освободи меня от мысли:
со мной ли ты или с другим.
Освободи меня от мысли:
любим я или не любим.

Освободи меня от жизни
с тревогой, ревностью, тоской,
и все, что с нами было, —
изничтожай безжалостной рукой.

Ни мнимой жалостью не трогай,
ни видимостью теплоты, —
открыто стань такой жестокой,
какой бываешь втайне ты.

КОЛЬЦО

Браслеты —

остатки цепей.

И в этом же роде, конечно,
на ручке покорной твоей
блестит

золотое колечко.

О, бедная!

Грустно до слез.

Ты губишь себя,

ты не любишь.

Кольцо уже с пальцем срослось,
а как свою руку

отрубишь?

СЕРГЕЙ НИКОЛАЕВИЧ МАРКОВ

1906—1979

ПОМОРСКАЯ ЖЕНКА

В ясный день, от народа сторонкой,
Ты проходишь, задорно смеясь.
Не с такой ли поморскою женкой
Жировал новгородский князь?

Что ж? Томи горделивым весельем
У высоких тесовых ворот!
На лугах приворотное зелье
Не для каждого, знаю, растет.

И напрасны наветные речи;
Знаю я, что совсем ты не та;
Не для каждого эти плечи
И малиновые уста!

Ты приносишь и радость и горе,
Понапрасну тобой позабыт,
Рыжий штурман в серебряном море
За стаканом плачет навзрыд.

Моряки, сожжены синевою,
В честь привета и ласковых слов
Над твоею шальной головою
Поднимали сто выпелов!

Белый дым. За рекою пожары,
Умирает веселый день,
Разжигает свои самовары
Белобрюхая наша Мезень.

Пусть шуршат на лукавой дороге
В тесной горнице половики,
Бьется сердце, слабеют ноги,
Окна темные далеки.

Жаркий шепот щекочет ухо,
Мир, весь мир сейчас на двоих!
Тишина. За стеною старуха
Повторяет раскольничий стих.

Ты смеешься задорно и звонко,
Манишь в бор — собирать голубень.
Ты одна, родимая женка,
На вселенную всю и Мезень!

ДЖЕК МОИСЕЕВИЧ АЛТАУЗЕН

1907—1942

ДЕВУШКЕ

Ты живешь во мне, не остывая,
Ты сумела стать моей судьбой.
Гордая, высокая, простая,
Что мне делать? Как мне быть с тобой?

По ночам твой легкий стан мне снится,
Без тебя вокруг такая мгла.
По ошибке ты, моя синица,
Вместо моря сердце подожгла.

Я тебе мое бросаю слово,
Но в ответ не слышу ничего.
И печально прохожу я снова
В трех шагах от счастья своего.

1936

Погиб в бою под Харьковом в 1942 году.

ЖЕЛАНИЕ

Ты была мне послана судьбою,
Как звезда возникла на пути.
Я хотел бы рядышком с тобою
Вдоль прибоя берегом пройти.

Чтоб волна тебя запечатлела
В белой пене отразить успев
Облик твой, твое лицо и тело,
Тонкий стан и губы нараспев.

Чтоб потом, когда погаснет пламя
И меня навек покинешь ты —
Женщина с веселыми глазами,
Таборной бессмертной красоты —

Я бы мог, припомнив те мгновенья
Взять билет проехать по стране
И твое живое отраженье
В черноморской отыскать волне

1938

ДМИТРИЙ БОРИСОВИЧ КЕДРИН

1907—1945

СЕРДЦЕ

(Бродячий сюжет)

Дивчину пытается казак у плетня:
— Когда ж ты, Оксана, полюбишь меня?
Я саблей добуду для крали своей
И светлых цехинов и звонких рублей! —
Дивчина в ответ, заплетая косу:
— Про то мне ворожка гадала в лесу.
Пророчит она: мне полюбится тот,
Кто матери сердце мне в дар принесет.
Не надо цехинов, не надо рублей,
Дай сердце мне матери старой твоей.
Я пепел его настою на хмелю,
Настою напьюсь — и тебя полюблю!
Казак с того дня замолчал, захмурил,
Борща не хлебал, саламаты не ел.
Клинком разрубил он у матери грудь
И с ношей заветной отправился в путь:

Он сердце ее на цветном рушнике
 Куханой приносит в косматой руке.
 В пути у него помутилось в глазах,
 Входя на крылечко, споткнулся казак.
 И матери сердце, упав на порог,
 Спросило его: «Не ушибся, сынок?»

1935

* * *

Такой ты мне привиделась когда-то:
 Молочный снег, яичная заря,
 Косые ребра будки полосатой,
 Чиновничья припрыжка снегиря.

Я помню чай в кустодиевском блюде,
 И санный путь, чуть вьюга улеглась,
 И капли слез, которые не льются
 Из светло-серых с поволокой глаз...

Что ж! Прав и я: бродяга — дым становий,
 А полководец — жертвенную кровь
 Любил в тебе... Но множество любовей
 Слилось в одну великую любовь!

1944

* * *

Ты говоришь, что наш огонь погас,
Твердишь, что мы состарились с тобою,
Взгляни ж, как блещет небо голубое!
А ведь оно куда старше нас...

1944

БОРИС ПЕТРОВИЧ КОРНИЛОВ

1907—1938

СОЛОВЬИХА

У меня к тебе дела такого рода,
что уйдет на разговоры вечер весь, —
затвори свои тесовые ворота
и плотней холстиной окна занавесь.
Чтобы шли подруги мимо,
парни мимо
и гадали бы и пели бы, скорбя:
«Что не вышла под окошко, Серафима?
Серафима, больно скучно без тебя...»
Чтобы самый ни на есть раскучерявый;
рвя по вороту рубахи алый шелк,
по селу Ивано-Марьину с оравой
мимо окон под гармонику прошел.
Он все тенором,
все тенором
со злобой
запевал, рука протянута к ножу:
«Ты забудь меня, красавица,
попробуй...
я тебе тогда такое покажу...

Если любишь хоть всего наполовину,
подожду тебя у крайнего окна,
постелю тебе пиджак на луговину
довоенного и тонкого сукна...»
А земля дышала, грузная от жиру,
и от омута Соминого левей
соловьи сидели молча по ранжиру,
так, что справа самый старый соловей.
Перед ним вода зеленая, живая —
мимо заводей несется напролом,
он качается на ветке, прикрывая
соловьишу годовалую крылом.
И трава грозой весеннею измята,
дышит грузная и теплая земля,
голубые ходят в омуте сомята,
пол-аршинными усами шевеля.
А пиявки, раки ползают по илу...
Много ужаса вода в себе таит...
Щука — младшая сестрица крокодилу —
неживая возле берега стоит...
Соловьиша в тишине большой и душной...

Вдруг ударил, золотистый, вдалеке,
видно, злой, и молодой, и непослушный,
ей запел на соловьином языке:
«По лесам,
на пустырях
и на равнинах
не найти тебе прекраснее дружка —
принесу тебе яичек муравьиных,
нащиплю в постель я пуху из брюшка.
Мы постелем наше ложе над водою,
где шиповники все в розанах стоят,
мы помчимся над грозой, над бедою
и народим два десятка соловьят.

Не тебе прожить, без радости старея,
ты, залетная, ни разу не цвела.
Вылетай же, молодая, поскорее
из-под старого и жесткого крыла».

И молчит она,
все в мире забывая,
я за песней, как за гибелью, слежу...
Шаль накинута на плечи пуховая...
«Ты куда же, Серафима?» —
«Ухожу».
Кисти шали, словно перышки, расправя —
влюблена она,
красива,
нехитра, —
улетела.
Я держать ее не вправе, —
просижу я возле дома до утра.
Подожду, когда заря сверкнет по стеклам,
золотая сгаснет песня соловья —
пусть придет она домой
с красивым,
с теплым —
меркнут глаз его татарских лезвия.
От нее и от него
пахнуло мятой,
он прощается
у крайнего окна,
и намок в росе
пиджак его измятый
довоенного и тонкого сукна.

1934

ВАРЛАМ ТИХОНОВИЧ ШАЛАМОВ

1907—1982

КАМЕЯ

На склоне гор, на склоне лет
Я выбил в камне твой портрет.

Кирка и обух топора
Надежней хрупкого пера.

В страну морозов и мужчин
И преждевременных морщин

Я вызвал женские черты
Со всем отчаяньем тщеты.

Скалу с твоею головой
Я вправил в перстень снеговой,

И, чтоб не мучила тоска,
Я спрятал перстень в облака.

* * *

Модница ты, модница,
Где ты теперь?
Как живется, ходится,
Гуляется тебе?

По волнам бегущая
Через все моря,
Любимая, лучшая,
Милая моя.

В море ли, на острове,
В горе ли, в беде —
Платья твои пестрые
Видятся везде.

Следом горностаевым
Прыгаешь в снегах,
Со снежинкой, тающей
На сухих губах.

Брезгуя столицами,
В летнюю грозу
Скачешь синей птицею
По ветвям в лесу.

И на перьях радуга,
И в слезах глаза...
Повидаться надо бы
Дóнельзя — нельзя!

1940

* * *

Следов твоих ног на тропинке таежной
Ветрам я не дам замести,
Земля сохранит отпечаток ничтожный
Живым на моем пути.

Когда-нибудь легкую вспомню походку,
Скупую улыбку твою,
И память свою похваляю за находку
В давно позабытом краю.

ВЛАДИМИР ВАСИЛЬЕВИЧ ДЕРЖАВИН

1908—1975

ЧЕРНИЛЬНИЦА

I

В чернильнице моей поют колокола.
Склоняются дубы над крышей пепелища.
В ней город затонул — где прежде ты жила;
Нырлет кит, судов проламывая днища;
И каплет кровь с зетвей, где ночь любви вела
В кабаньих зарослях осенние игрища.
И гекатомб венец в сто сорок кораблей
Антоний утопил в чернильнице моей.

II

Где тополя шумят над красной черепицей,
Клен черный с яблоней сплетаются в окне,
Где смотрит дом в закат чердачною бойницей,
Там было суждено взглянуть впервые мне
В нагую глубь озер той скорби темнолицей,
Той властелинши, чей напев звенит во сне
Глухом, младенческом (лишь бурю догадки
Вздувает памяти чудовищные складки).

III

Как желтых туч пласты — осенние леса
Хоругвью шелеста твое клубили имя.
Со дна сознания преданий голоса —
На алых лошадях, под гребнями седыми —
Им смутно вторили... Песчаная коса
От волн хохочущих дрожала. Будто — в дыме
Ночном чуть видима, хватаясь за кусты, —
С большой толпой подруг идешь купаться ты...

IV

...И книгу февраля с застежкой золотой
Листает влажный снег, дыханья осторожней;
Твой ранний, горький смех — всепомнящей рукой,
Словарь твоей любви, — как розовые пожни
Под инеем сквозным, — вписал он в книге той.
Но я прочел не все, — и, что ни день, тревожней
Живет забытый край в душевной глубине,
Иголки башенок вонзая в сердце мне.

V

Я не его любил. Моим заветом не был
Ни город юности, ни игр забытых дом.
Но у тебя в глазах тонули даль и небо,
Двор с лошадьми, листок, летящий над прудом.

Но целый край, в лесах, в стоверстных волнах хлеба,
Стоял как зеркальце на столике твоём.
Тот мир, как мельница — росистая, ночная, —
Спал, водяным столбом твой образ отражая.

НЕЖНОСТЬ

Я бродил одиноко
в пустынном осеннем лесу,
Я валялся, как труп,
у поросших травой придорожий
И последнюю нежность
тебе бережливо несу,
Как цветочную пыль,
в волосах, на губах и на коже.
Я осеннюю нежность
ревниво хранил для тебя,
Как последнюю влагу
в забытом людьми водоеме.
И устал одичало бродить,
никого не любя,
По хрустальным лесам,
спотыкаясь в сухом буреломе.
Пусть с кудрей твоих льется
густой, золотой полумрак!
Мои губы горьки,
а твои — горячи и певучи.
Вот уж небо лиловою медью горит.
И в горах,
Как чудовище, с шумом ползут
допотопные тучи.

МАРИЯ СЕРГЕЕВНА ПЕТРОВЫХ

1908—1979

* * *

Знаю, что ко мне ты не придешь,
Но поверь, не о тебе горюю:
От другого горя неverterпеж,
И о нем с тобою говорю я.

Милый, ты передо мной в долгу.
Вспомни, что осталось за тобою,
Ты мне должен — должен! — я не лгу —
Воздух, солнце, небо голубое,

Шум лесной, речную тишину, —
Все, что до тебя со мною было.
Возврати друзей, веселье, силу
И тогда уже — оставь одну.

1943

Назначь мне свиданье
на этом свете.

Назначь мне свиданье
в двадцатом столетье.

Мне трудно дышать без твоей любви.
Вспомни меня, оглянись, позови!

Назначь мне свиданье
в том городе южном,
Где ветры гоняли
по взгорьям окружным.

Где море пленяло
волной семицветной,
Где сердце не знало
любви безответной.

Ты вспомни о первом свидании тайном,
Когда мы бродили вдвоем по окраинам,

Меж домиков тесных.

по улочкам узким,
Где нам отвечали с акцентом нерусским.
Пейзажи и впрямь были бедны и жалки,
Но вспомни, что даже на мусорной свалке
Жестянки и склянки сверканьем алмазным,
Казалось, мечтали о чем-то прекрасном.
Тропинка все выше кружила над бездной...
Ты помнишь ли тот поцелуй поднебесный?..
Числа я не знаю,

но с этого дня
Ты светом и воздухом стал для меня.
Пусть годы умчатся в круженье обратном
И встретимся мы в переулке Гранатном...
Назначь мне свиданье у нас на земле,
В твоём потаённом сердечном тепле.
Друг другу навстречу

по-прежнему выйдем,
Пока ещё слышим,
Пока ещё видим,
Пока ещё дышим,
И я сквозь рыданья
Тебя заклинаю:

назначь мне свиданье!
Назначь мне свиданье,
хотя б на мгновенье,
На площади людной,
под бурей осенней,
Мне трудно дышать, я молю о спасенье...
Хотя бы в последний мой смертный час
Назначь мне свиданье у синих глаз.

1953

* * *

Но только и было что взгляд издалёка,
Горячий, сияющий взгляд на ходу.
В тот день облака проплывали высоко
И астры цвели в подмосковном саду.
Послушай, в каком это было году?..
С тех пор повторяю: а помнишь, а знаешь?
И нечего ждать мне и все-таки жду.
Я помню, я знаю, что ты вспоминаешь
И сад подмосковный, и взгляд на ходу.

1962

ЕЛЕНА МИХАЙЛОВНА ШИРМАН

1908—1942

ПУТЬ СКВОЗЬ СОСНЫ

Я думать о тебе люблю,
Когда роса на листьях рдеет,
Закат сквозь сосны холодеет
И невесомый, как идея,
Туман над речкою седеет.

Я думать о тебе люблю,
Когда пьяней, чем запах винный,
То вдруг отрывистый, то длинный,
И сладострастный, и невинный.
Раздастся посвист соловьиный.

Я думать о тебе люблю.
Ручей, ропща, во мрак струится.
И мост. И ночь. И голос птицы.
И я иду. И путь мой мнится
Письмом на двадцати страницах.

Я думать о тебе люблю.

Май 1939

Переделкино

Трагически погибла в станице Ремонтной под Ростовом
в 1942 году.

ВОЗВРАЩЕНИЕ

Жди меня, и я вернусь,
Только очень жди...

К. Симонов

Это будет, я знаю...

Нескоро, быть может, —

Ты войдешь бородатый,

сутулый,

иной.

Твои добрые губы станут суше и строже,

Опаленные временем и войной.

Но улыбка останется.

Так иль иначе,

Я пойму — это ты.

Не в стихах, не во сне.

Я рванусь,

подбегу.

И наверно, заплачу,

Как когда-то, уткнувшись в сырую шинель...

Ты поднимешь мне голову,

Скажешь: «Здравствуй...»

Непривычной рукой по щеке проведешь.

Я ослепну от слез,

от ресниц и от счастья.

Это будет нескоро.

Но ты — придешь.

1941

НИКОЛАЙ ИВАНОВИЧ РЫЛЕНКОВ

1909—1969

* * *

Тоски любовной горький мед,
Еще хранят твой привкус губы.
Не всякий, может быть, поймет,
Что есть на свете однолюбы.

Но кто поймет — тому весь век
Весна и юность будут сниться,
Когда у шумных, быстрых рек
Друг дружку окликают птицы.

Пусть год за годом жизнь пройдет
И грянут траурные трубы.
Тоски любовной горький мед
Передадут из рода в род
В прощальном поцелуе губы.

1940

ПИСЬМО

Писать всю ночь письмо. Писать, еще не зная,
Сумеешь ли послать. И все-таки писать.
Для самого себя. Поймешь ли ты, родная,
Что я хотел сказать?.. Нет, спутался опять!

Писать всю ночь письмо. Писать, не ожидая,
Что твой ответ придет. И все-таки писать.
Так вызывать тебя в разлуке мог всегда я,
И верю, что теперь ты явишься опять.

Незримая, войдешь в мою палатку мимо
Всех часовых. Войдешь, как входит запах трав,
Как входит лунный дым. Ты мне необходима, —
И ты пришла ко мне. Так разве я не прав?

Я навсегда тебя запомню — вот такую,
Усталую, в росе. Постой, не прекословь.
За тридевять земель, узнав, как я тоскую,
Спешила ты ко мне. И это есть любовь!

1942

ВЬЕТСЯ ПУХ ТОПОЛИНЫЙ

Над поселком, над речкой,
Над заречной долиной
Вьется пух тополиный,
Вьется пух тополиный.

Белый пух тополиный
Тихо-тихо кружится,
На травинки садится,
На тропинки ложится.

Устиляет дорожку,
Где идешь ты босая, —
Обрываешь ромашку,
Лепестков не считая.

Сердце знает, что «любит»,
Без приметы старинной.
У щеки твоей вьется
Легкий пух тополиный.

Вьется пух тополиный.
Будто слово привет...
Так встречает нас лето.
Золотистое лето.

Что оно обещает?
Брось пустые догадки!
Все, о чем ты мечтаешь
Есть у лета в достатке.

Есть у лета в избытке
Все, чего ты захочешь:
Кипятковые полдни,
Родниковые ночи.

Есть и ведро, и грозь,
Есть и песни, и слезы,
Расставанья и встречи
У плакучей березы.

Сон короткий вполглаза
В дни покоса и жатвы,
Ветерок на рассвете —
Верный твой провожатый.

Вот оно, наше лето!
Ты проходишь долиной...
Вьется пух тополиный,
Вьется пух тополиный.

1959

ОЛЬГА ФЕДОРОВНА БЕРГГОЛЬЦ

1910—1975

ЕСЛИ ДРУГ ВЕРНЕТСЯ

Придешь, как приходят слепые:
на ошупь стукнешь, слегка.
Лицо потемнеет от пыли,
впадины
на висках.

Сама я открою двери
и крикну, смирив дрожь:
«Я верю тебе, я верю!
Я знала, что ты придешь!»

1939

БОРИСУ КОРНИЛОВУ

...И все не так, и ты теперь иная,
поешь другое, плачешь о другом...

Б. Корнилов

1

О да, я иная, совсем уж иная!
Как быстро кончается жизнь...
Я так постарела, что ты не узнаешь.
А может, узнаешь? Скажи!

Не стану прощенья просить я,
ни клятвы —
напрасной — не стану давать.
Но если — я верю — вернешься обратно,
но если сумеешь узнать,—
давай о взаимных обидах забудем,
побродим, как раньше, вдвоем,—
и плакать, и плакать, и плакать мы будем,
мы знаем с тобою — о чем.

1939

2

Перебирая в памяти бывшее,
я вспомню песни первые свои:
«Звезда горит над розовой Невою,
заставские бормочут соловьи...»

...Но годы шли все горестней и слаще,
земля необозримая кругом.

Теперь — ты прав,

мой первый

и пропащий,—

пою другое,

плачу о другом...

А юные девчонки и мальчишки,
они — о том же: сумерки, Нева...
И та же нега в этих песнях дышит,
и молодость по-прежнему права.

1940

СТИХИ О ЛЮБВИ

1

Взял неласковую, угрюмую,
с бредом каторжным, с темной думою,
с незажившей тоскою вдовьей,
с непрошедшей старой любовью,
не на радость взял за себя,
не по воле взял, а любя.

1942

2

Я тайно и горько ревную,
угрюмую думу тая:
тебе бы, наверно, иную —
светлей и отрадней, чем я...

За мною такие утраты
и столько любимых могил!
Пред ними я так виновата,
что если б ты знал — не простил.
Я стала так редко смеяться,
так злобно порою шутить,

что люди со мною боятся
о счастье своем говорить.
Недаром во время беседы,
смолкая, глаза отвожу,
как будто по тайному следу
далеко одна ухожу.
Туда, где ни мрака, ни света —
сырая рассветная дрожь...
И ты окликаешь: «Ну, где ты?»
О, знал бы, откуда зовешь!
Еще ты не знаешь, что будут
такие минуты, когда
тебе не откликнусь оттуда,
назад не вернусь никогда.

Я тайно и горько ревную,
но ты погоди — не покинь.
Тебе бы меня, но иную,
не знавшую этих пустынь:
до этого смертного лета,
когда повстречались мы,
до горестной славы, до этой
полсердца отнявшей зимы.

Подумать — и точно осколок,
горя, шевельнется в груди...
Я стану простой и веселой,—
тверди ж мне, что любишь, тверди!

1947

ОТВЕТ

А я вам говорю, что нет
напрасно прожитых мной лет,
ненужно пройденных путей,
впустую слышанных вестей.

Нет невоспринятых миров,
нет мнимо розданных даров,
любви напрасной тоже нет,
любви обманутой, больной,—
ее нетленно-чистый свет
всегда во мне,

всегда со мной.

И никогда не поздно снова
начать всю жизнь,

начать весь путь,

и так, чтоб в прошлом бы — ни слова,
ни стога бы не зачеркнуть.

1952, 1960

ПАВЕЛ НИКОЛАЕВИЧ ВАСИЛЬЕВ

1910—1937

СТИХИ В ЧЕСТЬ НАТАЛЬИ

В наши окна, шурясь, смотрит лето,
Только жалко — занавесок нету,
Ветреных, веселых, кружевных.
Как бы они весело летали
В окнах приоткрытых у Натальи,
В окнах незатворенных твоих!

И еще прошеньем прибалую —
Сшей ты, ради бога, продувную
Кофту с рукавом по локоток,
Чтобы твое яростное тело
С ядрами грудей позолотело,
Чтобы наглядеться я не мог.

Я люблю телесный твой избыток,
От бровей широких и сердитых
До ступни, до ногтей люблю,
За ночь обескрылевшие плечи,
Взор и рассудительные речи,
И походку важную твою.

А улыбка — ведь какая малость! —
Но хочу, чтоб вечно улыбалась —
До чего тогда ты хороша!
До чего доступна, недотрога,
Губ углы приподняты немного:
Вот где помещается душа.

Прогуляться ль выйдешь, дорогая,
Все в тебе ценя и прославляя,
Смотрит долго умный наш народ.
Называет «прелестью» и «павой»
И шумит вослед за величавой:
«По стране красавица идет».

Так идет, что ветви зеленеют,
Так идет, что соловьи чумеют,
Так идет, что облака стоят.
Так идет, пшеничная от света,
Больше всех любовью разогрета,
В солнце вся от макушки до пят.

Так идет, земли едва касаясь,
И дают дорогу, расступаясь,
Шлюхи из фокстротных табунов.
У которых кудлы пахнут псиной,
Бедра крыты кожей гусиной,
На ногах мозоли от обнов.

Лето пьет в глазах ее из брашен,
Нам пока Вертинский ваш не страшен —
Чертова рогулька, волчья сыть.
Мы еще Некрасова знавали,
Мы еще «Калинушку» певали,
Мы еще не начинали жить.

И в июне в первые недели
По стране веселое веселье,
И стране нет дела до трухи.
Слышишь, звон прекрасный возникает?
Это петь невеста начинает,
Пробуют гитары женихи.

А гитары под вечер речисты,
Чем не парни наши трактористы?
Мыты, бриты, кепки набекрень.
Слава, слава счастью, жизни слава
Ты кольцо из рук моих, забава,
Вместо обручального надень.

Восславляю светлую Наталью,
Славлю жизнь с улыбкой и печалью,
Убегаю от сомнений прочь,
Славлю все цветы на одеяле,
Долгий стон, короткий сон Натальи,
Восславляю свадебную ночь.

1934

АЛЕКСАНДР ТРИФОНОВИЧ ТВАРДОВСКИЙ

1910—1971

НЕВЕСТЕ

Мы с тобой играли вместе,
Пыль топтали у завалин.
И тебя моей невестой
Все, бывало, называли.

Мы росли с тобой, а кто-то
Рос совсем в другом краю
И в полгода заработал
Сразу всю любовь твою.

Он летает, он далече,
Я сижу с тобою здесь.
И о нем, о скорой встрече
Говоришь ты вечер весь.

И, твои лаская руки,
Вижу я со стороны
Столько нежности подруги,
Столько гордости жены.

Вся ты им живешь и дышишь,
Вся верна, чиста, как мать.
Ничего тут не попишешь,
Да и нечего писать.

Я за встречу благодарен,
У меня обиды нет.
Видно, он хороший парень,
Передай ему привет.

Пусть он смелый,
Пусть известный,
Пусть еще побьет рекорд,
Но и пусть мою невесту
Хорошенько любит,
Черт!...

1936

* * *

Не стареет твоя красота,
Разгорается только сильнее.
Пролетают неслышно над ней,
Словно легкие птицы, летá.

Не стареет твоя красота.
А росла ты на жесткой земле,
У людей, не в родимой семье,
На хлебах, на тычках, сирота.

Не стареет твоя красота,
И глаза не померкли от слез,
И копна темно-русых волос
У тебя тяжела и густа.

Все ты горькие муки прошла,
Все ты вынесла беды свои.
И живешь, и поешь, весела
От большой, от хорошей любви.

На своих ты посмотришь ребят,
Радость матери нежной проста:
Все в тебя, все красавцы стоят,
Как один, как орехи с куста.

Честь великая рядом с тобой
В поле девушке стать молодой.
Всюду славят тебя неспроста.
Не стареет твоя красота.

Ты идешь по земле молодой —
Зеленеет трава за тобой.
По полям, по дорогам идешь —
Расступается, кланяясь, рожь.

Молодая береза в лесу
Поднялась — и ровна и бела.
На твою она глядя красу,
Горделиво и вольно росла.

Не стареет твоя красота.
Слышно ль: женщины в поле поют,—
Голос памятный все узнают —
Без него будто песня не та.

Окна все пооткроют дома,
Стихнет листьев шумливая дрожь.
Ты поешь! Потому так поешь,
Что ты песня сама.

1937

* * *

Мы на свете мало жили,
Показалось нам тогда,
Что на свете мы чужие,
Расстаемся навсегда.

Ты вернулась за вещами,
Ты спешила уходить
И решила на прощанье
Только печку затопить.

Занялась огнем береста,
И защелкали дрова.
И сказала ты мне просто
Дорогие мне слова.

Знаем мы теперь с тобою,
Как любовь свою беречь.
Чуть увидим что такое —
Так сейчас же топим печь.

1938

* * *

Звезды, звезды, как мне быть,
Звезды, что мне делать,
Чтобы так ее любить,
Как она велела?

Вот прошло уже три дня,
Как она сказала:
— Полюбите так меня,
Чтоб вам трудно стало.

Чтобы не было для вас
Все на свете просто,
Чтоб хотелось вам подчас
Прыгнуть в воду с моста.

Чтоб ни дыма, ни огня
Вам не страшно было.
Полюбите так меня,
Чтоб я вас любила.

1938

БОРИС АЛЕКСАНДРОВИЧ РУЧЬЕВ

1913—1973

СТИХИ О ПЕРВОЙ ЛЮБВИ

Александра Соловьева,
ты ли все четыре дня
в платье шелку голубого
наряжалась для меня?
Из-за ясных глаз, родная,—
по такой в ночном бреду
вечно юноши страдают
на семнадцатом году.
Встанешь с правой стороны —
мне и ноги не верны.
Склонишь голову к плечу —
я от страха замолчу.
И шагаю, как в метели,
радость в сердце затая,
Александра, неужели,
Александра, — ты моя?..
Фонари горят — не вижу,
поезда гремят — не слышу,
грудь'подставляю хоть ножу
и ни слова не скажу.

Я считал себя ученым,
кое-как науки знал,
подростающих девчонок
вечерами провожал.
Первым басом песни пел,
целоваться не умел.
Не нашел я в мире слова,
от какого бродит кровь,—
Александре Соловьевой
описать свою любовь.
Не ответил, как хотел,
ей в глаза не поглядел.
Говорил про легкий воздух,
про медовый лунный свет,
о больших и малых звездах,
о скитаниях планет.
Грел на сердце, не таю,
думку тайную мою —
думал, ахнет Александра,
Александрю удивлю,
думал, скажет Александра:
«Я за то тебя люблю!»
Александра Соловьева,
где ты видела такого?
Подымал я к звездам руки,
спотыкаясь о кусты,
познавала ты науки,
и в глаза глядела ты.
На четвертый вечер вдруг
отказалась от наук...
Сел я, горький и суровый,
папиросу закурил.
Александре Соловьевой
ничего не говорил.
Час — ни слова, два — ни слова,

только дым над головой.
Александра Соловьева,
ты ли мучилась со мной?
Ты ли кудри завивала
чтобы я их развивал,
ты ли губы раскрывала,
чтобы я их закрывал?
Ты ли кудри расчесала,
робость подлую кляня,
ты ли губы искусала
от досады на меня?..
Над зарей фонарь горит,
Александра говорит:
— Ах, как холодно в саду,
ноги стынут, как на льду,
за науки вам спасибо,
а домой — сама дойду!.. —
Я сидел как равнодушный
и ответил как в бреду,
что, напротив, очень душно
в этом пламенном саду...
Длинной бровью повела,
руку в руку подала,
Александра Соловьева
повернулась и ушла.

1935—1936

ЯРОСЛАВ ВАСИЛЬЕВИЧ СМЕЛЯКОВ

1913—1972

ХОРОШАЯ ДЕВОЧКА ЛИДА

Вдоль маленьких домиков белых
акация душно цветет.
Хорошая девочка Лида
на улице Южной живет.

Ее золотые косицы
затянуты, будто жгуты.
По платью, по синему ситцу,
как в поле, мелькают цветы.

И вовсе, представьте, неплохо,
что рыжий пройдоха апрель
бесшумной пыльюю веснушек
засыпал ей утром постель.

Не зря с одобреньем веселым
соседи глядят из окна,
когда на занятия в школу
с портфелем проходит она.

В оконном стекле отражаясь,
по миру идет не спеша
хорошая девочка Лида.
Да чем же

она
хороша?

Спросите об этом мальчишку,
что в доме напротив живет.
Он с именем этим ложится
и с именем этим встает.

Недаром на каменных плитах,
где милый ботинок ступал,
«Хорошая девочка Лида»,—
в отчаянье он написал.

Не может людей не растрогать
мальчишки упрямого пыл.
Так Пушкин влюблялся, должно быть,
так Гейне, наверно, любил.

Он вырастет, станет известным,
покинет пенаты свои.
Окажется улица тесной
для этой огромной любви.

Преграды влюбленному нету:
смущенье и робость — вранье!
На всех перекрестках планеты
напишет он имя ее.

На полюсе Южном — огнями,
пшеицей — в кубанских степях,
на русских полянах — цветами
и пеной морской — на морях.

Он в небо залезет ночное,
все пальцы себе обожжет,
но вскоре над тихой Землею
созвездие Лиды взойдет.

Пусть будут ночами светиться
над снами твоими, Москва,
на синих небесных страницах
красивые эти слова.

1940

МИЛЫЕ КРАСАВИЦЫ РОССИИ

В буре электрического света
умирает юная Джульетта.

Праздничные ярусы и ложи
голосок Офелии тревожит.

В золотых и темно-синих блестках
Золушка танцует на подмостках.

Наши сестры в полутемном зале,
мы о вас еще не написали.

В блиндажах подземных, а не в сказке
наши жены примеряли каски.

Не в садах Перро, а на Урале
вы золою землю удобряли.

На носилках длинных под навесом
умирали русские принцессы.

Возле, в государственной печали,
тихо пулеметчики стояли.

Сняли вы бушлаты и шинели,
старенькие туфельки надели.

Мы еще оденем вас шелками,
плечи вам согреем соболями.

Мы построим вам дворцы большие,
милые красавицы России.

Мы о вас напишем сочиненья,
полные любви и удивленья.

1946

ЗИМНЯЯ НОЧЬ

Татьяне

Не надо роскошных нарядов,
в каких щеголять на балах, —
пусть зимний снежок Ленинграда
тебя одевает впотьмах.

Я радуюсь вовсе не даром
усталой улыбке твоей,
когда по ночным тротуарам
идем мы из поздних гостей.

И, падая с темного неба,
в тишайших державных ночах
кристальные звездочки снега
блестят у тебя на плечах.

Я ночью спокойней и строже,
и радостно мне потому,
что ты в этих блестках похожа
на русскую зиму-зиму́.

Как будто по стежке-дорожке,
идем по проспекту домой.
Тебе бы еще бы сапожки
Да белый платок пуховой.

Я, словно родную науку,
себе осторожно твержу,
что я твою белую руку
покорно и властно держу...

Когда открываются рынки,
у запертых на ночь дверей
с тебя я снимаю снежинки,
как Пушкин снимал соболей.

1959

АЛЕКСАНДР ЯКОВЛЕВИЧ ЯШИН

1913—1968

ИЗ ЛИРИЧЕСКОГО ДНЕВНИКА

* * *

Назови меня именем светлым,
Чистым именем назови —
Донесется, как песня, с ветром
До окопов голос любви.

Я сквозь грохот тебя услышу,
Сновиденья за явь приму.
Хлынь дождем на шумную крышу,
Ночью ставни открой в дому.

Пуля свалит в степи багровой —
Хоть на миг сдержи суховей,
Помяни меня добрым словом,
Стынуть буду — теплом повеи.

Появись, отведи туманы,
Опустись ко мне на траву,
Подыши на свежие раны —
Я почувствую,
оживу.

1943

ИЗВЕЧНОЕ

Да, я не знаю другой такой,
Чтобы навеки — по сердцу.
Так почему же в душевный покой
Входит разногласица?

Так почему же по целым дням
Наш разговор не вяжется,
Все что-нибудь мерещится нам,
Все что-нибудь да кажется?

«С кем говорил?» —
Да «К кому ходил?» —
Это ж обидно, милая!
Если бы вдруг человек остыл,
Разве удержишь силою!

Радость не в радость, коль веры нет,
Страхи да подозрения.
И канитель эта много лет
Тянется без изменения.

Надо, чтоб на сердце был покой,
Чтоб никогда постылая
Ревность не трогала нас с тобой...

А почему ты сама домой
Поздно вернулась, милая?

1955

ВОТ ТЕПЕРЬ-ТО МНЕ И ЛЮБИТЬ

Ты теперь от меня никуда,
И никто над душой не властен,
До того устойчиво счастье,
Что любая беда — не беда.

Никаких перемен не жду,
Что бы впредь со мной ни случилось:
Будет все, как в первом году,
Как в последнем было году,—
Время наше остановилось.

И размолвкам уже не быть:
Нынче встречи наши спокойны,
Только липы шумят да клены...
Вот теперь-то мне и любить!

1965

* * *

Мы с тобой теперь не подсудны,
Дело наше прекращено,
Перекрещено,
Прощено.
Никому из-за нас не трудно,
Да и нам уже все равно.

Поздним вечером,
Утром ранним
След запутать не хлопочу,
Не затаиваю дыханье —
Прихожу к тебе на свиданье
В сумрак листьев,
Когда хочу.

1965

АЛЕКСЕЙ ИВАНОВИЧ НЕДОГОНОВ

1914—1948

★ ★ ★

Игла мороза раннего остра.
Шипят дрова на раскаленной жести.
Я вновь веду с товарищами вместе
короткие беседы у костра.

И в полусшепот — все не без грехов —
припоминаем трепетные были,
как мы к любви в доверие входили
при помощи лирических стихов.

Какие мы бываем в эти дни
смешные и наивные! Мы часто
о женах вспоминаем для контраста,
чтобы траншеи были нам сродни.

Любимая,
сейчас, живя войной,
я так сдружился с вражьими смертями,
что, если б поменялись мы местами,
ты поняла б, как ты любима мной.

Финляндия. Ст. Перкъярви, 1940

ПИСЬМО

Когда ты девочкой была,
я знал тебя по памяти.
И ты в душе моей жила —
в моей охранной грамоте.

Нет, я, поверь мне, никому
ни капли не завидовал —
тому, кто лгал тебе,
тому,
кто удочки закидывал.

Я слепо верил: ты моя...
(Мне больше ль было надобно?)
Так верят в песню соловья,
когда она предсвадебна.

В часы вечернего тепла
я шел к тебе сумерничать,
и ты, звезда моя, могла
с мечтой моей соперничать.

В пределах счастья двух имен,
в тебя — обмолвлюсь запросто —
я без оглядки был влюблен,
как мальчик, просто-напросто.

И, полюбив твои черты,
я ни на что не сетовал.
Я так любил тебя, что ты
не замечала этого!

И вот сейчас, когда война
меня бросает в стороны,
когда знакомых имена
в когтях уносят вороны,
я часто думаю над тем,
что, не родившись заново,
нам суждено домой не всем
вернуться с поля бранного.

Не всем нам видеть жен своих,
не всем прийти с победою.
А я в кругу друзей живых
о смерти не беседую.

Я верю, вынесу войну,
сто ран приму, но выстою.
Себя верну, любовь верну
и щедрую, и чистую,—
такую щедрую, что в ней
не думал об измене я,
такую чистую, что ей
лишь только ты — сравнение!

1941

* * *

Представь — я солнце атомом взорву
по ходу стихотворного сюжета:
оно, гудя, осыплется в траву
«бильоном древних звезд — слезами света.

И ляжет вечным мраком на земле
погибнувшее в вымысле светило...
Но я найду тебя в кромешной мгле:
твоя любовь при жизни мне светила.

1948

ПАВЕЛ НИКОЛАЕВИЧ ШУБИН

1914—1951

Я ДОЛЖЕН ВЕРНУТЬСЯ...

Мы первого сна не успели еще досмотреть
И в свадебном кубке измученных губ не мочили,
Когда покачнулся наш дом, как рудничная клеть,
И молнии врезались в камень и нас разлучили.

И понял я вечность в ту ночь, когда мертвый сосед,
Лицо запрокинувший в звездное небо России,
Молчаньем своим указал мне твой призрачный след
От взорванных звонниц и стен новгородской Софии.

Ты весны любила, а я не сберег их, прости!
Каленая вьюга нас встретила сразу за дверью,
Цветами железными выстланы наши пути.
Но я еще крепче в живую любовь твою верю!

Как в лунные ночи черемух настоек серебрист,
Как реки степные на плесах ленивы и плавны!
И вновь на земле золотых соловьев пересвист,
И топот похода, и юная грусть Ярославны.

И ты ей сейчас по тревожному сердцу сестра,
Ведь нам только грезились тайные милые дали,
В купальскую ночь мы не жгли колдовского костра,
Над светлой рекой на заветных венках не гадали,

И столько на свете цветет заповедных долин,
И столько у зорь красоты, не увиденной нами,
Что снова и снова, со смертью один на один,
Я, трижды убитый, тянусь к ее горлу руками.

Я должен услышать последний клокочущий всхлип
И вольное небо увидеть далече-далече,
И в бархатных мальвах, и в белом кипении лип
Твой облик единственный, взгляд твой, летящий навстречу.

1941

* * *

Я за то тебе благодарен,
Что живешь ты в моей судьбе,
За пустяк, что тобой подарен,
За тоску мою по тебе;

Что не купленной любовью,—
Самым чистым огнем мечты
У солдатского изголовья
Крепче смерти стояла ты!

Ярославль

22 декабря 1944 г.

АРОН ИОСИФОВИЧ КОПШТЕЙН

1915—1940

* * *

Мы с тобой простились на перроне.
Я уехал в дальние края.
У меня в «смертельном медальоне»
Значится фамилия твоя.
Если что-нибудь со мной случится,
Если смерть в бою разлучит нас,
Телеграмма полетит как птица,
Нет, быстрее во много тысяч раз.
Но не верь ты этому известью,
Не печалься, даром слез не трать:
Мы с тобой не можем быть не вместе,
Нам нельзя раздельно умирать.
Если ты прочтешь, что пулеметчик
Отступить заставил батальон,
За столбцом скупых газетных строчек
Ты пойми, почувствуй: это он!

Убит 4 марта 1940 года на Суо-Ярви Петрозаводского направления.

Ты узнаешь, что советский летчик
Разбомбил враждебный эшелон,
За столбцом скупых газетных строчек
Ты пойми, почувствуй: это он!
Пусть я буду вертким и летучим,
Пусть в боях я буду невредим,
Пусть всегда я буду самым лучшим —
Я хотел при жизни быть таким.
Пусть же не проходит между нами
Черный ветер северной реки,
Что несется мертвыми полями,
Шевеля пустые позвонки.
Будешь видеть, как на дне колодца,
Образ мой все чище и новей.
Будешь верить: он еще вернется,
Постучится у моих дверей.
И как будто не было разлуки,
Я зайду в твой опустевший дом.
Ты узнаешь. Ты протянешь руки
И поймешь, что врозь мы не умрем.

1940

КОНСТАНТИН МИХАЙЛОВИЧ СИМОНОВ

1915—1979

* * *

Я не помню, сутки или десять
Мы не спим, теряя счет ночам.
Вы в похожей на Мадрид Одессе
Пожелайте счастья москвичам.

Днем, по капле нацедив во фляжки,
Сотый раз переходя в штыки,
Разодрав кровавые тельняшки,
Молча умирают моряки.

Ночью бьют орудья корпусные...
Снова мимо. Значит, в добрый час,
Значит, вы и в эту ночь в России —
Что вам стоит — вспомнили о нас.

Может, врут приметы, кто их знает!
Но в Одессе, люди говорят:
Тех, кого в России вспоминают,
Пуля трижды бережет подряд.

Третий раз нам всем еще не вышел,
Мы под крышей примостились спать.
Не тревожьтесь — ниже или выше,
Здесь ведь все равно не угадать.

Мы сегодня выпили, как дома,
Коньяку московский мой запас;
Здесь ребята с вами незнакомы,
Но с охотой выпили за вас. .

Выпили за свадьбы золотые,
Может, еще будут чудеса...
Выпили за ваши голубые,
Дай мне бог увидеть их, глаза.

Помню, что они у вас другие,
Но ведь у солдат во все века,
Что глаза у женщин — голубые,
Принято считать издалека.

Мы вас просим, я и остальные, —
Лучше, чем напрасная слеза, —
Выпейте вы тоже за стальные
Наши, смерть выдавшие, глаза.

Может быть, они у нас другие,
Но ведь у невест во все века,
Что глаза у всех солдат — стальные,
Принято считать издалека.

Мы не все вернемся, так и знайте,
Но ребята просят — в черный час
Заодно со мной их вспоминайте,
Даром, что ли, пьют они за вас!

Над черным носом нашей субмарины
Взошла Венера — странная звезда,
От женских ласк отвыкшие мужчины,
Как женщину, мы ждем ее сюда.

Она, как ты, восходит все позднее,
И, нарушая бег небесных тел,
Другие звезды всходят рядом с нею,
Гораздо ближе, чем бы я хотел.

Они горят трусливо и бесстыже.
Я никогда не буду в их числе,
Пусть они к тебе на небе ближе,
Чем я, тобой забытый на земле.

Я не прошусь с опасностью земною,
Чтоб в мирном небе зябнуть, как они,
Стань лучше ты падучею звездой,
Ко мне на землю руки протяни.

На небе любят женщину от скуки
И отпускают с миром, не скорбя...
Ты упадешь ко мне в земные руки.
Я не звезда. Я удержу тебя.

1941

В. С.

Жди меня, и я вернусь,
Только очень жди.
Жди, когда наводят грусть
Желтые дожди,
Жди, когда снега метут,
Жди, когда жара,
Жди, когда других не ждут,
Позабыв вчера.
Жди, когда из дальних мест
Писем не придет,
Жди, когда уж надоест
Всем, кто вместе ждет.

Жди меня, и я вернусь,
Не желай добра
Всем, кто знает наизусть,
Что забыть пора.
Пусть поверят сын и мать
В то, что нет меня.
Пусть друзья устанут ждать,
Сядут у огня,
Выпьют горькое вино
На помин души...
Жди. И с ними заодно
Выпить не спеши.

Жди меня, и я вернусь,
Всем смертям назло.
Кто не ждал меня, тот пусть
Скажет: — Повезло. —
Не понять неждавшим им,
Как среди огня

Ожиданием своим
Ты спасла меня.
Как я выжил, будем знать
Только мы с тобой, —
Просто ты умела ждать,
Как никто другой.

1941

* * *

Я, перебрав весь год, не вижу
Того счастливого числа,
Когда всего верней и ближе
Со мной ты связана была.

Я помню зал для репетиций,
И свет, зажженный как на грех,
И шепот твой, что не годится
Так делать на виду у всех.

Твой звездный плащ из старой драмы
И хлыст наездницы в руках,
И твой побег со сцены прямо
Ко мне на легких каблуках.

Нет, не тогда. Так, может, летом.
Когда на сутки отпуск взяв,
Я был у ног твоих с рассветом,
Машину за ночь доконав.

Какой была ты сонной-сонной,
Вскочив с кровати босиком,
К моей шинели пропыленной
Как прижималась ты лицом!

Как бились жилки голубые
На шее под моей рукой!
В то утро, может быть, впервые,
Ты показалась мне женой.

И все же не тогда, я знаю,
Ты самой близкой мне была.
Теперь я вспомнил: ночь глухая,
Обледенелая скала...

Майор, проверив по карманам,
В тыл приказал бумаг не брать;
Когда придется, безымянным
Разведчик должен умирать.

Мы к полночи дошли и ждали,
По грудь зарытые в снегу.
Огни далекие бежали
На том, на русском берегу...

Теперь я сознаюсь в обмане:
Готовясь умереть в бою,
Я все-таки с собой в кармане
Нес фотографию твою.

Она под северным сияньем
В ту ночь казалась голубой,
Казалось, вот сейчас мы встанем
И об руку пойдем с тобой.

Казалось, в том же платье белом,
Как в летний день снята была.
Ты по камням оледенелым
Со мной невидимо прошла.

За смелость не прося прощенья.
Клянусь, что, если доживу,
Ту ночь я ночью обрученья
С тобою вместе назову.

1941

ЛЮДМИЛА КОНСТАНТИНОВНА ТАТЬЯНИЧЕВА

1915—1980

Да, ты такой, каким тебя люблю:
Порывистый, настойчивый, не лгущий,
Подобно скороходу кораблю,
Навстречу шторму и ветрам идущий.
Как нелегко и как легко с тобой!
В тебе всечасно вижу перемены,
Но то не мыслей пестрый разнобой,
Не чувств игра,
Не вспыльчивость измены,
А щедрая способность воплощать
В себе черты стремительного века,
В себе самом и в людях не прощать
Того, что недостойно человека!

1950

* * *

Твои глаза меня зовут.
Они зовут меня на помощь.
Твои слова упрямо лгут,
Что счастлив ты
И зла не помнишь.
Ты успокоился
И рад,
Что оказался третьим лишним.
Но так глаза твои кричат,
Что голос кажется неслышным...

1963

ВЕРОНИКА МИХАЙЛОВНА ТУШНОВА

1915—1965

* * *

Одна сижу на пригорке
посреди весенних трясин.
...Я люблю глаза твои горькие,
как кора молодых осин,
улыбку твою родную,
губы, высохшие на ветру...
Потому, — куда ни иду я,
и тебя с собою беру.
Все я тебе рассказываю,
обо всем с тобой говорю,
первый ландыш тебе показываю,
шишку розовую дарю.
Для тебя на болотной ржави
ловлю отраженья звезд...
Ты все думаешь — я чужая,
от тебя за десятки верст?
Ты все думаешь — нет мне дела
до озябшей твоей души?

Потемнело, похолодело,
зашуршали в траве ежи...
Вот уже и тропы заросшей
не увидеть в ночи слепой...
Обними меня, мой хороший,
бесприютные мы с тобой.

* * *

Мне говорят:
нету такой любви.
Мне говорят:
как все,
так и ты живи!
Больно многого хочешь,
нету людей таких.
Зря ты только морочишь
и себя и других!
Говорят: зря грустишь,
зря не ешь и не спишь,
не глупи!
Все равно ведь уступишь,
так уж лучше сейчас
уступи!
...А она есть.
Есть.
Есть.
А она — здесь,
здесь,

здесь,
в сердце моем
теплым живет птенцом,
в жилах моих
жгучим течет свинцом.
Это она — светом в моих глазах,
это она — солью в моих слезах,
зрение, слух мой,
грозная сила моя,
солнце мое,
горы мои, моря!
От забвенья — защита,
от лжи и неверья — броня..
Если ее не будет,
не будет меня!
...А мне говорят:
Нету такой любви.
Мне говорят:
как все,
так и ты живи!
А я никому души
не дам потушить.
А я и живу, как все
когда-нибудь
будут жить!

ПАВЕЛ ДАВИДОВИЧ КОГАН

1918—1942

* * *

Девушка взяла в ладони море,
Море испарилось на руках.
Только соль осталась, но на север
Медленные плыли облака.
А когда весенний дождь упал
На сады, на крыши, на посевы,
Капли те бродячие впитал
Белый тополиный корень.
Потому, наверно, ночью длинной
Снится город девушке моей,
Потому от веток тополиных
Пахнет черноморской тишиной.

1938

■

Убит 23 сентября 1942 года на сопке Сахарная Голова
под Новороссийском.

ИЗ РОМАНА В СТИХАХ «ПЕРВАЯ ТРЕТЬ»

* * *

Еще о честности. Ты помнишь,
Плечом обшарпанным вперед
Огромный дом вплывал в огромный
Дождя и чувств круговорот.
И он навеки не запятнан,
Тот вечер. Дождик моросил
На Александровской. На пятом
Я на руках тебя носил.
Ты мне сказала, что не любишь,
И плакала. Затем что так
Любить хотелось, что губы
Свела сухая маета.
Мы целовались. Но затем ли,
Что наша честность не могла,
Я открывал тебя, как земли,
Как полушарья Магеллан.
Я целовал твои ресницы,
Ладони, волосы, глаза,
Мне посегодня часто снится
Солоноватая слеза.
Но нет, не губы. Нам в наследство,
Как детства запахи и сны, —
Что наша честность вне последствий
И наши помыслы ясны.

1940—1941

а ты сама
забыла, как поют.

Потом

меня

сведет с ума

непривычный уют.

Будешь к завтраку накрывать,

а я усядусь в углу.

Начнешь,

как прежде,

стелить кровать,

а я усну

на полу.

Потом покоя тебя лишу,

вырою щель у ворот,

ночью,

вздрагнув,

тебя спрошу:

— Стой! Кто идет?! —

Нет, не думай, что так приду.

В этой большой войне

мы научились ломать беду,

работать и жить вдвойне.

Не так вернемся мы!

Если так,

то лучше не приходить.

Придем — работать,

курить табак.

в комнате начадить.

Не за благодарностью я бегу —

благодарить лечу.

Все, что хотел, я сказал врагу

Теперь работать хочу.

Не за утешением —

утешать

переступлю порог.

1943

Я шел,
и я никак не узнавал
тот самый
Земляной Садовый вал,
там, где бывал,
где ты жила,
где мы...
Здесь все снежком занесено слегка.

Мы шли и шли,
 в моей —
 твоя рука.

Тогда я не заметил там зимы.
Я не нашел ни дома, ни окна,
в том не твоя

 и не моя вина.

И не война.

Ушли дороги врозь.

Тогда мы дружбой называли это,
то, что вело зимой нас до рассвета,
потом уже

 любовью назвалось.

Тогда я провожал тебя,

 в ту ночь,
по лестнице поднялся,
 чтоб помочь

ключ повернуть,
вернуть портфель твой
и варежку пожарь:

 «Нет, не снимай.

Не май же!»

 «Да, пока еще не май...»

И я ушел

 по скользкой мостовой.

Пойми,

 я не лукавлю и не лгу,
мой давний друг,

 я у тебя в долгу:
на много лет, с зимы далекой той,
влюбился в жизнь,

 захвачен высотой
и счастьем то далекое зову.

Ты разбудила все,

 чем я живу.

Была еще любовь.

Еще была.

А та зима —

опять чиста, бела,

Иду по ней в том памятном году,
и легкий тот снежок в начале дня
зовет,

волнует,

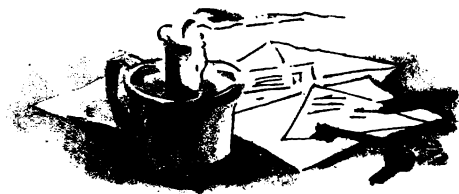
радует меня,

чего-то я ищу,

чего-то жду...

〈1956〉

НЕИЗВЕСТНЫЙ ПОЭТ ИЗ ЛАГЕРЯ ЗАКСЕНХАУЗЕН

ПРОЩАЛЬНЫЙ ПОЦЕЛУЙ

Губы мои до сих пор горячи
От твоего поцелуя.
Вечера майского мне не забыть,
И тебя позабыть не могу я.

Прощальный и нежный твой поцелуй
Я навсегда сохраню.
Где бы я ни был — ты не тоскуй,
Потому что тебя я люблю.

НИКОЛАЙ ОТРАДА
(Николай Карпович Турочкин)

1918—1940

ПОЛИНЕ

Как замечательны,
Как говорливы дни,
Дни встреч с тобой
И вишен созреванья.
Мы в эти дни,
Наверно, не одни
Сердцами стали
Донельзя сродни,
До самого почти непониманья.
Бывало, птиц увижу
На лету,
Во всю их птичью
Крылью красоту,
И ты мне птицей
Кажешься далекой.

Убит 4 марта 1940 года на Суо-Ярви Петрозаводского направления.

Бывало, только
Вишни зацветут,
Листки свои протянут в высоту,
Ты станешь вишней
Белой, невысокой.
Такой храню тебя
В полете дней.
Такой тебя
Хотелось видеть мне,
Тебя
В те дни
Большого обаянья.
Но этого, пожалуй,
Больше нет,
Хотя в душе волнение сильней,
Хоть ближе до любимой расстояние.
Все отошло
В начале расставанья.

〈1939〉

ВАСИЛИЙ ДМИТРИЕВИЧ ФЕДОРОВ

1918—1984

* * *

Любовь мне —
Как блистание
Звезды над миром зла.
Любовь мне —
Как признание
На добрые дела.

Чтоб мир
Отмылся дочиста,
Душа тревогу бьет.
Любовь мне —
Как пророчество,
Зовущее вперед.

Любовь —
Как жажда истины,
Как право есть и пить.
Я, может быть, единственный,
Умеющий любить.

По главной сути
Жизнь проста:
Ее уста...
Его уста...

Она проста
По доброй сути,
Пусть только грудь
Прильнет к груди.

Весь смысл ее
И мудр, и прост,
Как стебелька
Весенний рост.

А кровь солдат?
А боль солдатки?
А стронций
В куще облаков?

То все ошибки,
Все накладки
И заблуждения
Веков.

А жизни суть,
Она проста:
Ее уста...
Его уста

* * *

Я не знаю сам,
Что делаю...
Красота твоя,
Спроси ее,
Ослепили
Грудь белые,
До безумия красивые.

Ослепили
Белой жаждою.
Друг от друга
С необидою
Отвернулись,
Будто каждая
Красоте другой
Завидует.

Я не знаю сам,
Что делаю...
И быть может,
Не по праву я
То целую эту, левую,
То целую эту, правую...

* * *

Была любовь.
Была сомнений смута.
Надежды были.
Молодость была.

Да, молодость была,
Но почему-то
Она большого счастья
Не дала.

Она ушла,
Но слезы не прольются.
Ушла.
Иди.
И не зови, трубя.
Нет, не хочу я
В молодость вернуться,
Вернуться к дням,
Где не было тебя.

* * *

Прощай!
Нам слез не лить
От горя и отчаянья.
Быть нежной,
Доброй быть
Не надо на прощанье.
Прощай!
Не буду ждать,
Не ждать — душе честнее.
Не надо целовать,
Пусть сердце очерствеет.

Надеждой
Не делись,
Оставь без лишней ноши,
Хорошей не кажись,
Останься нехорошей!

Так можно
Все внушить,
Поверить в святость ада,
А люди будут жить
И думать:
Так и надо.

* * *

С душой,
Не созданной
Для драк и споров,
С неробкою,
Но доброю душой,
Я в этот мир
Печалей и раздоров,
Должно быть,
Преждевременно
Пришел.

И потому,
Чтоб недругу
Не вторить,
Я научился
Гневаться
И спорить.

Для той любви,
И светлой
И наивной,

Был создан я
На празднике ночей,
А приходил лишь
На ее руины
И склеивал
Обломки кирпичей.

И склеил я.
Не оробел.
Не сник.
Своей любви
Я здание воздвиг.

НИКОЛАЙ ИВАНОВИЧ ГЛАЗКОВ

1919—1979

ИЗ ЦИКЛА «ЧИСТАЯ ЛИРИКА»

•

Если в своих же стихах утоня,
Так и останусь беспутным и путающим,
Ты останешься для меня
Воспоминаньем о будущем.

Если в делах, как в любви, повезет,
Так, что при жизни добиться сумею
До неосмертных признаний — высот,
Родина станет любимой моею.

Ну а сейчас, в этот час или миг,
В дни треволнений непреодолимых,
Ты навсегда зачеркнула моих
Всех предыдущих, когда-то любимых.
Так им и надо.

•

*

Живи со мной и не печалься,
На все вопросы дам ответ.
Ты помешать не можешь счастью,
Которого, к несчастью, нет.

*

Я веду с тобою разумную речь,
И за это меня прости,
Ибо я даже дом твой готов поджечь,
Чтоб тебя от огня спасти.

У меня вообще необычный путь,
Все такие пути святы;
Я тебя даже в воду готов толкнуть,
Чтобы вытащить из воды.

*

Чтобы жизнь не была загадкой,
Мне поверь и не противоречь.
Слово — бог, и поэтому краткой
Быть должна повседневная речь.

Все равно, что ты мне сказала,
Все равно это все суета...
Все равно, с какого вокзала
Мы простимся с тобой навсегда.

Мы во всем виноваты сами,
Все минует, как дым папирос,
Мы расстанемся недрузьями
Ненадолго и не всерьез.

Все равно оглушен я веками,
Как не признанный веком поэт...
Мы расстанемся не врагами,
А туземцами разных планет!

*

Так всегда. Я раз сто болею.
Выздоровливаю раз сто.
А по случаю юбилея
шандарахнем «Абрау Дюрсо».

Так всегда. Не за смерть упрямую.
За любовь мою и твою.
За такую хорошую самую.
За любимую девочку пью!

Так всегда. Как прошли звероящеры,
Мы пройдем, и другие придут.
За такие стихи настоящие,
Что, как кости зверей, не умрут!..

А расскажут про то, как любили мы
И какая была суета...
И смешаются с прочими былями.
Так всегда!

1945—1948

всепонятный снова —
 попадет
 мое,
 русское до костей,
 мое,
 советское до корней,
 мое украинское тихое слово.
 И пусть войдут
 и в семью и в плакат
 слова,
 как зшиток¹
 (коль сшита кипа),
 как травень² в травах,
 як липень³
 в липах
 тай ще як блакитные⁴ облака!
 О, как
 я девушек русских прохаю⁵
 говорить любимым
 губы в губы
 задыхающееся «кохаю»⁵
 и понятнейшее слово —
 «любий».
 И, звезды
 прохладным
 монистом надевши,
 скажет мне девушка:
 боязно
 всё.

¹ Тетрадь (укр.).

² Май (укр.).

³ Июнь (укр.).

⁴ Голубые (укр.).

⁵ Прошу (укр.).

⁶ Люблю (укр.).

НИКОЛАЙ ПЕТРОВИЧ МАЙОРОВ

1919—1942

ЧТО ЗНАЧИТ ЛЮБИТЬ

Идти сквозь вьюгу напролом.
Ползти ползком. Бежать вслепую.
Идти и падать. Бить челом.
И все ж любить ее — такую!
Забыть про дом и сон,
Про то, что
Твоим обидам нет числа,
Что мимо утренняя почта
Чужое счастье пронесла.
Забыть последние потери,
Вокзальный свет,
Ее «прости»
И кое-как до старой двери,
Почти не помня, добрести,
Войти, как новых драм зачатые.
Нашупать стены, холод плит...

Убит в бою на Смоленщине 8 февраля 1942 года.

Швырнуть пальто на выключатель,
Забыв, где вешалка висит.
И свет включить. И сдвинуть полог
Крамольной тьмы. Потом опять
Достать конверты с дальних полок,
По строчкам письма разбирать.
Искать слова, сверяя числа.
Не помнить снов. Хотя б крича.
Любой ценой дойти до смысла.
Понять и сызнова начать.
Не спать ночей, гнать тишину из комнат,
Сдвигать столы, последний взять редут.
И женщин тех, которые не помнят,
Обратно звать и знать, что не придут.
Не спать ночей, недосчитаться писем,
Не чтить посулов, доводов, похвал
И видеть те неснившиеся выси,
Которых прежде глаз не достигал, —
Найти вещей извечные основы.
Вдруг вспомнить жизнь.
В лицо узнать ее.
Прийти к тебе и, не сказав ни слова,
Уйти, забыть и возвратиться снова.
Моя любовь — могущество мое!

1939

* * *

Я не знаю, у какой заставы
Вдруг умолкну в завтрашнем бою,
Не коснувшись опоздавшей славы,
Для которой песни я пою.
Ширь России, дали Украины,
Умирая, вспомню... И опять —
Женщину, которую у тына
Так и не посмел поцеловать.

1940

СЕРГЕЙ СЕРГЕЕВИЧ НАРОВЧАТОВ

1919—1981

ТВОЕ ИМЯ

Опять миномет подсыпает жару,
Поле в черную муть замело,
В рост, как по Сретенскому бульвару,
Иду, озоруя, всем бедам назло.

Но если бы вышло, что в смертных увечьях
Я желтой башкою скатился б в жнивье,
Последним из слов и имен человеческих
Я б назвал далекое имя твое.

Имя твое! И в сон и в явь,
С именем этим хоть в море вплавь,
Хоть один в поединок против полка,
И жизнь легка и смерть легка!

И где бы я ни был — на всех раздорожьях,
Куда бы мой жребий меня ни бросал, —
Имя твое, словно имя божье,
Как солдат в старину, я от бед призывал.

1943

ПИСЬМО ИЗ МАРИЕНБУРГА

Тутая разметалася коса,
А на щеках сгорают снега хлопья.
Бежит стремглав курносая краса,
Лишь каблуки выстукивают дробью.

Буран метет, слепит глаза буран,
Но ей бежать впотьмах до самой Волги,
Где ждет ее безусый капитан
В надвинутой на брови треуголке.

Он ей навстречу плащ свой распахнет
И, в первый раз обнявши недотрогу,
Лишь вымолвит: «Не час я ждал, а год,
Но Вы пришли, благодаренье богу.

Как удалось отца Вам обмануть?
Как счастлив я! Но надо ждать погони...»
Ямщик готов. И вот уж в дальний путь
Упряжку мчат заждавшиеся кони.

А девушка сидит едва жива,
И лишь порой на срывах и откосах
Мелькает озорная татарва
В ее глазах, по-волжскому раскосых...

А сани к церкви... В двери кулаком!
И, на ноги поднявши спозаранку
Весь причт, перед испуганным попом
Встать под венец с прекрасною беглянкой.

На полуслове оборву рассказ,
Махнем рукой романтике старинной...
С чего я вдруг узнал себя и Вас
В любовниках времен Екатерины?

С чего б я это? Но, мой милый друг,
 Неужто Вы заметить не сумели,
 Что мне осточертел Мариенбург,
 Где я торчу четвертую неделю?

Здесь всюду притаилась старина,
 Угрюмая, давящая, чужая,
 Она томит, грозит бедой она,
 Враждебным строем душу окружая.

И вот я вызвал полночь и мороз,
 Вам на ноги накинул волчью бурку
 И запросто Вас под венец увез,
 Назло и вперекор Мариенбургу.

Февраль 1945
Мариенбург

ПОСЛЕДНЕЕ ПИСЬМО

Нет, я уже не в силах Вас корить,
 Я знаю, Вы рассудку неподсудны,
 Но как мне быть, раз не порвалась нить,
 Раз до сих пор влюблен я непробудно?

Я наконец сумел себя унять,
 Поняв, что мне судьба Вас не уступит
 И что нельзя возлюбленной пенять
 За то лишь, что она тебя не любит.

Так с давних лет ведется на Руси,
И помню я печаль седых сказаний,
В которых «за шеломенем еси»
Наш край родной, наш свете несказанный,

Вы для меня неугасимый свет,
Тот край родной, что только небу равен,
Тот самоцвет, который сотни лет
Сверкал в глазах у наших Ярославен.

Я не могу ни в чем Вас осудить,
И Вы давным-давно мне не подсудны,
Но как мне быть, раз не порвалась нить,
Раз до сих пор влюблен в Вас непробудно?

1946

БОРИС АБРАМОВИЧ СЛУЦКИЙ

1919—1986

О. Ф. Берггольц

Все слабели, бабы — не слабели —
В глад и мор, войну и суховей, —
Молча колыхали колыбели,
Сберегая наших сыновей.

Бабы были лучше, были чище
И не предали девичьих снов
Ради хлеба, ради этой пищи,
Ради орденов или обнов —

С женотделов и до ранней старости
Через все страдания земли
На плечах, согбенных от усталости,
Красные косынки пронесли.

ТАНЕ

Ты каждую из этих фраз
перепечатала по многу раз,
перепечатала и перепела
на легком портативном языке
машинки, а теперь мы вдалеке.
Все дальше ты уходишь постепенно.

Перепечатала, переплела
то с одобреньем, то с пренебреженьем.
Перечеркнула их одним движеньем,
одним движеньем со стола смела.

Все то, что было твердого во мне,
стального, — от тебя и от машинки.
Ты исправляла все мои ошибки,
а ныне ты в далекой стороне,
где я тебя не попрошу с утра
ночное сочиненье напечатать.
Ушла. А мне еще вставать и падать,
и вновь вставать.
Еще мне не пора.

АЛЕКСЕЙ ИВАНОВИЧ ФАТЬЯНОВ

1919—1959

* * *

Не грусти... и, пожалуйста, вытри глаза,
А не то скоро сам я заплачу.
Может быть, я уже не вернусь назад,
А ты думай — поехал на дачу.

А ты думай, что хочешь, — но только поверь,
Как сейчас в это сам я поверил.
Если встретится смерть, — то я встречу смерть,
Но скажу, — вы ошиблись дверью.

А как кончится срок — я явлюсь на порог,
Постучу в голубое окно.
Ты мне с яблоками испечешь пирог,
И мы выпьем за жизнь вино.

Загорится луны голубая свеча,
И до звезд свою песню заброшу я.
Будет летняя ночь нас с тобою венчать,
Дорогая моя... Хорошая.

Дни как птицы, как быстрые птицы летят,
Ты лови их, они улетают...
Ну прощай, а то в доме давно уже спят,
До свиданья, родная... Светает...

1939

СОЛОВЬИ

Пришла и к нам на фронт весна,
Солдатам стало не до сна —
Не потому, что пушки бьют,
А потому, что вновь поют,
Забыв, что здесь идут бои,
Поют шальные соловьи.

Соловьи, соловьи, не тревожьте солдат,
Пусть солдаты немного поспят...

Но что война для соловья —
У соловья ведь жизнь своя.
Не спит солдат, припомнив дом
И сад зеленый над прудом,
Где соловьи всю ночь поют,
А в доме том солдата ждут.

Ведь завтра снова будет бой,
Уж так назначено судьбой,
Чтоб нам' уйти, не долюбив,
От наших жен, от наших нив.

Но с каждым шагом в том бою
Нам ближе дом в родном краю.

Соловьи, соловьи, не тревожьте солдат,
Пусть солдаты немного поспят,
Немного пусть поспят...

1942

ВАСИЛИЙ ЛАВРЕНТЬЕВИЧ КУЛЕМИН

1921—1962

* * *

Аиде

Опять знакомая опушка.
И вечер тих, и даль светла.
В свои степные колотушки
Во ржи стучат перепела.

Мне ветер веткой липы машет
И что-то хочет рассказать.
И свеж, как прежде, снег ромашек,
И мир глядит во все глаза.

И вдруг припомнилось былое:
Сюда, подальше от села,
Украдкой мы ушли с тобою,
А мать звала тебя, звала...

К ней плыли тучки ветровые,
Ей откликался лес ночной,
Но ты в тот дальний час впервые
Не подала ей голос свой.

1955

* * *

А впрочем, что такое красота
Иль женское мирское обаяние?..
Знакомых глаз лампадное сияние,
Их блеск сухой иль скудость неспроста?

Я никогда тебе не говорил,
Что ты бываешь вовсе не красивой, —
Не в тот момент, смятенный и трусливый,
Который нам, мужчинам, чаще мил...

Я не скажу, когда ты некрасива.
Пусть будет то открытием моим.
Ведь все равно тот миг неумолим,
То естество твое, порок и сила.

А я тебя другую угадал —
В смятенье мира, в тлен и безобразность,
Где ты бывала, что ни миг — то разной...
И больше я раздумывать не стал.

Пришла ты, неизбежная, как ночь.
Ты не сердись за странности сравнений.
Я ночь люблю за нереальность теней,
В ней тишина, как занесенный нож.

О жалкое раздумие в любви!
Раздумье над едой, когда ты голоден.
Раздумие над шубой в зимнем холоде,
Когда слышны иголки в крови...

1962

СЕРГЕЙ СЕРГЕЕВИЧ ОРЛОВ

1921—1977

* * *

Голос первой любви моей — поздний, напрасный —
Вдруг окликнул, заставил на миг замереть
И звучит до сих пор обещанием счастья...
Голос первой любви, как ты мог уцелеть?..

Над горящей землей от Москвы до Берлина
Пыль дорог, где отстать — хуже, чем умереть,
И в бинтах все березы, в крови все рябины...
Голос первой любви, как ты мог уцелеть?

На тесовой калитке снежок тополиный,
Холодок первый губ, как ожог, не стереть,
А года пролетели, их, как горы, не сдвинуть...
Голос первой любви, как ты мог уцелеть?!

1956

* * *

Две крутых соболилки
 Над рекой-синевой.
 С торжеством и грустинкой
 Низкий голос грудной.

Темным вишеньем спелым
 Тронут маленький рот.
 Золотых, загорелых
 Плеч покатых полет.

Словно вверх по ступеням,
 На тропе полевой
 С ней летит по коленям
 Синий ситец волной.

И встает и не сводит
 Глаз при встрече народ, —
 Словно юность проходит,
 Словно счастье идет.

1961

* * *

Уходит женщина. Уходит,
 Как солнце с неба, как река
 За горизонт по шатким сходням
 Травы, кувшинок, тростника.

Уходит женщина так просто,
Без слов, без слез, без жалоб прочь,
Как в океане синий остров,
Как день уходит и как ночь, —

Естественно, обычно, вечно
Уходит женщина. Не тронь.
Так, уходя, идет навстречу
Кому-то ветер и огонь.

Как ливень с тысячей мелодий
Из поля в новые поля,
Уходит женщина. Уходят
И гаснут следом тополя.

Уходит женщина. Ни злоба,
Ни просьбы непонятны ей,
И задержать ее не пробуй,
Остановить ее не смей.

Молить напрасно, звать напрасно,
Бежать за ней — напрасный труд...
Уходит — и ее, как праздник,
Уже, наверно, где-то ждут.

1966

ВСЕВОЛОД ЭДУАРДОВИЧ БАГРИЦКИЙ

1922—1942

* * *

Уходило солнце. От простора
 У меня кружилась голова.
 Это ты та девушка, которой
 Я дарил любимые слова.
 Облака летели — не достанешь,
 Вот они на север отошли...
 А кругом, куда пойдешь иль взглянешь,
 Только степь да синий дым вдали.
 Средь прохлады воздуха степного
 Легких ощутима глубина.
 Ветер налетел... И снова, снова
 Ясная вставала тишина,—
 Это ночь. И к нам воспоминанья
 Темные раздвинули пути...
 Есть плохое слово «расставанье» —
 От него не скрыться, не уйти.

1939

Погиб 26 февраля 1942 года в деревне Дубовик Ленинградской области.

* * *

Ты помнишь дачу
И качели
Меж двух высоких тополей,
Как мы взлетали и немели
И, удержавшись еле-еле,
Смеялись,
А потом сидели
В уютной комнате твоей?
Был час, когда река с луною
Заводит стройный разговор,
Когда раздумывать не стоит
И виснут вишни на забор.
На дачку едешь наудачку —
Друзья смеялись надо мной:
Я был влюблен в одну чудачку
И бредил дачей и луной.
Там пахло бабушкой и мамой,
Жила приличная семья,
И я твердил друзьям упрямо,
Что в этом вижу счастье я,
Не понимая, что влюбился
Не в девушку, а в тишину,
В цветок, который распустился,
Встречая летнюю луну.
Здесь, ни о чем не беспокоясь,
Любили кушать и читать;
И я опаздывал на поезд
И оставался ночевать.
Я был влюблен в печальный рокот
Деревьев, скованных луной,
В шум поезда неподалеку
И в девушку, само собой.

1941'

СЕМЕН ПЕТРОВИЧ ГУДЗЕНКО

1922—1953

БАЛЛАДА О ВЕРНОСТИ

Написано много о ревности,
о верности, о неверности.
О том, что встречаются двое,
а третий тоскует в походе.

Мы ночью ворвались в Одоев,
пути расчищая пехоте.
И, спирт разбавляя водою,
на пламя глядели устало.
(Нам все это так знакомо!..)
Но вот

на пороге

встала
хозяйка нашего дома.

Конечно,

товарищ мой срочно
был вызван в штаб к военкому.

Конечно,
как будто нарочно
одни мы остались дома.

Тяжелая доля солдаток.
Тоскою сведенное тело.
О, как мне в тот миг захотелось
не вшивым,
не бородатым,—
быть чистым,
с душистою кожей.
Быть нежным хотелось мне.

Боже!..

В ту ночь мы не ведали горя.
Шаблон:

мы одни были в мире...
Но вдруг услышал я:
Григорий...

И тихо ответил:

Мария...

Мария!

В далеком Ишиме
ты письма читаешь губами.
Любовь—
как Сибирь — нерушима.
Но входит, скрипя костылями,
солдат никому не знакомый,
как я здесь,
тоской опаленный.

Его

оставляешь ты дома.
И вдруг называешь:
Семеном.

Мария!

Мое это имя.

И большего знать мне не надо.
 Ты письмами дышишь моими.
 Я знаю.
 Я верю.
 Ты рядом.

1942

* * *

Как без вести пропавших ждут,
 меня ждала жена.
 То есть надежда,
 то слеза
 без спросу упадет.
 Давно уж кончилась война,
 и не моя вина,
 что я в разлуке целый год,
 что столько горестных забот.

.

Жестка больничная кровать,
 жестка и холодна.

А от нее рукой подать
 до светлого окна,

там за полночь не спит жена,
 там стук машинки, скрип пера.

Кончай работу, спать пора,
 мой друг, моя помощница,
 родная полуночица.

Из-за стола неслышно встала,
сняла халат, легла в постель.
Я от нее за три квартала,
а не за тридевять земель,
я, как в окопе замеченном,
своей тревоги начеку,
привыкший к неутешным стонам,
к мерцающему ночнику.
Лежу, прислушиваясь к вьюге.
глаза усталые смежив,
тяжелые раскинув руки,
еще не веря в то, что жив.

Но мне домой уйти нельзя,
трудна, длинна моя дорога,
меня бы увезли друзья,
их у меня на свете много,
но не под силу всем друзьям
меня отсюда взять до срока.
Жду. Выкарабкиваюсь сам.
От счастья, как от звезд, далеко.
Но приближается оно,
когда ко мне жена приходит,
в больничный садик дочь приводит,
стучит в больничное окно.
Ее несчастье не сломило,
суровой сделало чуть-чуть!
Какая в ней таилась сила!
Мне легче с ней и этот путь.
Пусть кажешься со стороны ты
скупой на ласки, слезы, смех,—
любовь от глаз чужих укрыта,
и нежность тоже не для всех.
Но ты меня такую верой
в печальный одарила час,

что стал я мерить новой мерой
любовь и каждого из нас.
Ты облегчила мои муки,
все вынести мне помогла.
Приблизила конец разлуки,
испепеляющей дотла.
Благословляю чистый, чудный,
душа, твой отблеск заревой,
мы чище стали в жизни трудной,
сильнее — в жизни горевой.
И все, что прожито с тобою,
все, что пришлось нам пережить,
не так-то просто гробовую
доской, родная, задушить.

Март — апрель 1952

ИРИНА АНАТОЛЬЕВНА СНЕГОВА

1922—1978

ЛЮБОВЬ

У нас говорят, что, мол, любит, и очень,
Мол, балует, холит, ревнует, лелеет...
А, помню, старуха соседка короче,
Как встарь в деревнях, говорила: жалеет.

И часто, платок затянувши потуже
И вечером в кухне усевшись погреться,
Она вспоминала сапожника-мужа,
Как век он не мог на нее насмотреться.

— Поедет он смолоду, помнится, в город,
Глядишь — уж летит, да с каким полушалком!
А спросишь, чего, мол, управился скоро?
Не скажет... Но знаю: меня ему жалко...

Зимой мой хозяин тачает, бывало,
А я уже лягу, я спать мастерица.
Он встанет, поправит на мне одеяло,
Да так, что не скрипнет под ним половица.

И сядет к огню в уголке своем тесном,
Не стукнет колодка, не звякнет гвоздочек...
Дай бог ему отдыха в царстве небесном! —
И тихо вздыхала: — Жалел меня очень.

В ту пору все это смешным мне казалось,
Казалось, любовь чем сильнее, тем злее,
Трагедии, бури... Какая там жалость!
Но юность ушла. Что нам ссориться с нею?

Недавно, больная бессонницей зябкой,
Я встретила взгляд твой — тревога в нем стыла.
И вспомнилась вдруг мне та старая бабка,—
Как верно она про любовь говорила!

1953

АЛЕКСЕЙ ТИМОФЕЕВИЧ ПРАСОЛОВ

1930—1972

* * *

Когда бы все, чего хочу я,
И мне давалось, как другим,
Тревогу темную, ночную
Не звал бы именем твоим.

И самолет, раздвинув звезды,
Прошел бы где-то в стороне,
И холодком огромный воздух
Не отзывался бы во мне.

От напряженья глаз не щуря,
Не знал бы я, что пронеслось
Мгновенье встречи — черной бурей
Покорных под рукой волос.

Глаза томительно-сухие
Мне б не открыли в той судьбе,
Какие жгучие стихии
Таишь ты сдержанно в себе.

Все незнакомо, как вначале:
Открой, взглядишь и разреши!..
За неизведанностью дали —
Вся неизведанность души.

И подчиняться не умею
Тому, что отрезвляет нас,
И слепну в медленном огне я,
И прозреваю каждый час.

1963

НИКОЛАЙ МИХАЙЛОВИЧ РУБЦОВ

1936—1971

ПРОЩАЛЬНАЯ ПЕСНЯ

Я уеду из этой деревни...
Будет льдом покрываться река,
Будут ночью поскрипывать двери,
Будет грязь на дворе глубока.

Мать придет и уснет без улыбки...
И в затерянном сером краю
В эту ночь у берестяной зыбки
Ты оплачешь измену мою.

Так зачем же, прищулив ресницы,
У глухого болотного пня
Спелой клюквой, как добрую птицу,
Ты с ладони кормила меня.

Слышишь, ветер шумит по сараю?
Слышишь, дочка смеется во сне?
Может, ангелы с нею играют
И под небо уносятся с ней...

Не грусти! На знобящем причале
Парохода весною не жди!
Лучше вышьем давай на прощанье
За недолгую нежность в груди.

Мы с тобою как разные птицы!
Что ж нам ждать на одном берегу?
Может быть, я смогу возвратиться,
Может быть, никогда не смогу.

Ты не знаешь, как ночью по тропам
За спиною, куда ни пойду,
Чей-то злой, настигающий топот
Все мне слышится словно в бреду.

Но однажды я вспомню про клюкву,
Про любовь твою в сером краю
И пошлю вам чудесную куклу,
Как последнюю сказку свою.

Чтобы девочка, куклу качая,
Никогда не сидела одна.
— Мама, мамочка! Кукла какая!
И мигает, и плачет она...

1965

ВЛАДИМИР СЕМЕНОВИЧ ВЫСОЦКИЙ

1938—1980

БАЛЛАДА О ЛЮБВИ

Когда вода Всемирного потопа
вернулась вновь в границы берегов,
из пены уходящего потока
на сушу тихо выбралась Любовь.
И растворилась в воздухе до срока,
а срока было — сорок сороков.

И чудачки — еще такие есть —
вдыхают полной грудью эту смесь,
и ни наград не ждут, ни наказания,
и, думая, что дышат просто так, —
они внезапно попадают в такт
такого же неровного дыхания.

Только чувству, словно кораблю,
должно оставаться на плаву,
прежде чем узнать, что «я люблю» —
то же, что «дышу» или «живу»!

И вдоволь будет странствий и скитаний:
Страна Любви — великая страна!
И с рыцарей своих — для испытаний —
все строже станет спрашивать она:
потребует разлук и расстояний,
лишит покоя, отдыха и сна...

Но вспять безумцев не поворотить,
они уже согласны заплатить
любой ценой — и жизнью бы рискнули,—
чтобы не дать порвать, чтоб сохранить
волшебную невидимую нить,
которую меж ними протянули.

Свежий ветер избранных пьянил,
с ног сбивал, из мертвых воскрешал,
потому что, если не любил —
значит, и не жил, и не дышал!

Но многих, захлебнувшихся любовью,
не докричишься — сколько ни зови...
Им счет ведут молва и пустословье,
но этот счет замешен на крови...
А мы поставим свечи в изголовье
погибших от невиданной любви...

Их голосам — всегда сливаться в такт,
и душам их дано бродить в цветах,
и вечностью дышать в одно дыханье,

и встретиться — со вздохом на устах —
на хрупких переправах и мостах,
на узких перекрестках мироздания.

Я поля влюбленным постелю —
пусть поют во сне и наяву!..
Я дышу, и значит — я люблю!
Я люблю, и значит — я живу!

СОДЕРЖАНИЕ

В. Я. Брюсов

В прошлом
Предчувствие
Женщине
«Да, можно любить, ненавидя...»
«Три женщины — белая, черная, алая...»
Баллада о любви и смерти

М. А. Кузмин

Любви утечи
«Люблю», сказал я не любя...»
«О, быть покинутым — какое счастье!...»
«У всех одинаково бьется...»

М. А. Волошин

«Мы заблудились в этом свете...»
«Как Млечный Путь, любовь твоя...»
«Раскрыв ладонь, плечо склонила...»
«Пурпурный лист на дне бассейна...»
«Судьба замедлила сурово...»
«Любовь твоя жаждет так много...»

Андрей Белый

Любовь
К ней
Предчувствие
Асе (<i>При прощании с ней</i>)
Асе

А. А. Блок

«Она молода и прекрасна была...»
«Мы встречались с тобой на закате...»
«Вхожу я в темные храмы...»
Незнакомка
Ангел-Хранитель
«Сольвейг! О, Сольвейг! О, Солнечный Путь!...»

«В густой траве пропадешь с головой...»	31
«О, весна без конца и без краю...»	32
«Гармоника, гармоника!»	33
«Когда вы стоите на моем пути...»	34
«Своими горькими слезами...»	35
«О доблестях, о подвигах, о славе...»	37
Девушка из Spoleto	38
На островах	39
«Дух пряный марта был в лунном круге...»	40
В ресторане	41
На железной дороге	42
Шаги Командора	44
Унижение	45
«Приближается звук. И, покорна щемящему звуку...»	47
«Я — Гамлет. Холодеет кровь...»	47
Из цикла «Кармен»	
«Как океан меняет цвет...»	48
«Бушует снежная весна...»	48
«Сердитый взор бесцветных глаз...»	49
«О да, любовь вольна, как птица...»	50
Перед судом	51

В. А. Зоргенфрей

«Приходит, как прежде, неожиданно...»	53
---	----

С. М. Городецкий

Письма с фронта

1. «Прости меня, когда я грешен...»	55
2. «О тебе, о тебе, о тебе...»	56

Н. А. Клюев

«Любви начало было летом...»	57
Отверженной	58
«Есть на свете край обширный...»	59
«На припеке цветик алый...»	60
«Мне сказали, что ты умерла...»	62

Н. С. Гумилев

«Нет, ничего не изменилось...»	63
«Когда, изнемогши от муки...»	64

«Ветла чернела на вершине...»	64
«Нет тебя тревожной и капризной...»	65
Я и вы	66
Телефон	67
Юг	68
О тебе	68
Сон	69
Она	70
«Я сам над собой насмеялся...»	71

В. А. Пяст

«Она моя душа. Лучистые мечтанья...»	73
--	----

Б. К. Лившиц

В кафе	74
На бульваре	75

С. Я. Маршак

«Ветер жизни тебя не тревожит...»	76
«Люди пишут, а время стирает...»	77

П. В. Орешин

Женщина	78
-------------------	----

Игорь Северянин

Вернуть любовь	80
Это было у моря. <i>Поэма-миньонет</i>	81
На островах	81
Все они говорят об одном	82
Из области чудесного	83

Н. В. Крандиевская-Толстая

«Небо называют — голубым...»	84
«Нет! Это было преступленьем...»	85
«Уж мне не время, не к лицу...»	85

Н. Н. Асеев

«Если ночь все тревоги вызвездит...»	87
«Когда земное склонит лень...»	88

«Не за силу, не за качество...»	89
«Слушай, Анни...»	90
Простые строки	
1. «Среди зеленой тишины...»	91
2. «Я не могу без тебя жить!..»	92
3. «Что же — привык я к тебе, что ль?...»	93

А. А. Ахматова

«Сжала руки под темной вуалью...»	94
«Сердце к сердцу не приковано...»	95
Песня последней встречи	95
«Слаб голос мой, но воля не слабеет...»	96
«Ты письмо мое, милый, не комкай...»	97
«Покорно мне воображение...»	98
«Ты знаешь, я томлюсь в неволе...»	99
«Столько просьб у любимой всегда!..»	99
«Проводила друга до передней...»	100
«Твой белый дом и тихий сад оставляю...»	101
«Настоящую нежность не спутаешь...»	101
«Есть в близости людей заветная черта...»	102
«Все отнято: и сила, и любовь...»	102
«Пленник чужой! Мне чужого не надо...»	103
«А, ты думал — я тоже такая...»	104
«Долгим взглядом твоим истомленная...»	104
«И ты мне все простишь...»	105
Из цикла «Шиповник цветет»	
«Ты выдумал меня. Такой на свете нет...»	105
«Позвони мне хотя бы сегодня...»	106
Через 23 года	107

С. А. Клычков

«Ступает тишь, как сторож у ворот...»	108
«Стал голос хриплый, волос грубый...»	109

В. М. Инбер

«Всему под звездами готов...»	110
«Поцелуй же напоследок...»	111

Б. Л. Пастернак

Марбург	113
«Здесь прошелся загадки таинственный ноготь...»	116

«Любить иных — тяжелый крест...»	116
«Красавица моя, вся стать...»	117
«Никого не будет в доме...»	118
Осень	119
Зимняя ночь	121
Ветер	122
Хмель	123
Разлука	123
«Во всем мне хочется дойти...»	125
Без названия	127
Единственные дни	128

М. А. Зенкевич

«Подсолнух поздний догорал в полях...»	129
«Твой сон предрассветный сладок...»	130

Рюрик Ивнев

«Любовь моя — ты солнцем сожжена...»	131
Секунды любви	132
Гроздь любви	132

Е. Ю. Кузьмина-Караваева

«В последний день не плачь и не кричи...»	134
«Я силу много раз еще утрачу...»	135
«Пусть отдам мою душу я каждому...»	136

О. Э. Мандельштам

«Бессонница. Гомер. Тугие паруса...»	137
Соломинка	
I. «Когда, соломинка, не спишь в огромной спальне...»	138
II. «Я научился вам, блаженные слова...»	138
«За то, что я руки твои не сумел удержать...»	139
«Мне жалко, что теперь зима...»	140
«Я наравне с другими...»	141
«Возьми на радость из моих ладоней...»	143
«Жизнь упала как зарница...»	143
«Я скажу тебе с последней...»	145

«Мастерица виноватых взоров...»	146
«Возможна ли женщине мертвой хвала?...»	147

И. Г. Эренбург

«Я так любил тебя — до грубых шуток...»	149
«Так ждать, чтоб даже память вымерла...»	150
«Про первую любовь писали много...»	151
Последняя любовь	151

М. И. Цветаева

«Мне нравится, что вы больны не мной...»	153
«Никто ничего не отнял...»	154
«Я тебя отвоюю у всех земель, у всех небес...»	155
Из цикла «Дон-Жуан»	
«И была у Дон-Жуана — шпага...»	155
Две песни	
1. «И что тому костер остылый...»	156
2. «Вчера еще в глаза глядел...»	157
«Любовь! Любовь! И в судорогах, и в гробе...»	159
Попытка ревности	160

..

В. В. Маяковский

Лиличка! <i>Вместо письма</i>	162
Гейнеобразное	164
Письмо Татьяне Яковлевой	165
[Неоконченное]	
<I> «Любит? не любит? Я руки ломаю...»	168
<II> «Уже второй...»	169
<III> «море уходит...»	169
<IV> «Уже второй должно быть ты легла...»	169
<V> «Я знаю силу слов я знаю слов набат...»	170

В. Г. Шершеневич

Лирический динамизм	171
-------------------------------	-----

В. К. Звягинцева

«Ни твоей, ни своей, ничьей...»	173
---	-----

Э. Г. Багрицкий

Креолка	175
О любителе соловьев	177
Арбуз	177

С. А. Есенин

«Не бродить, не мять в кустах багряных...»	180
«Пускай ты выпита другим...»	181
«Дорогая, сядем рядом...»	182
«Мне грустно на тебя смотреть...»	184
«Вечер черные брови насопил...»	185
Из цикла «Персидские мотивы»	
«Я спросил сегодня у менялы...»	186
«Шаганэ ты моя, Шаганэ!..»	187
«Ты сказала, что Саади...»	188
«Никогда я не был на Босфоре...»	188
«Я помню, любимая, помню...»	190
«Ты меня не любишь, не жалеешь...»	191

В. А. Рождественский

«Она ни петь, ни плакать не умела...»	193
Любовь	194
«Любовь, любовь — загадочное слово...»	195

П. Г. Антокольский

Я люблю тебя...	196
Вот наше прошлое...	197
Баллада о чудном мгновении	198

Н. С. Тихонов

«Полюбила меня не любовью...»	200
«Я люблю тебя той — без прически...»	201
«Как след весла, от берега ушедший...»	202
«Ты не думай о том, как тоскую я в городе зимнем...»	203
«Ты девочкой с глазами золотыми...»	204

В. П. Катаев

Молодость	205
Письмо	206

В. В. Казин

«Тебе не ночь ли косы заплетала?..» . . .
 Любовь

И. Л. Сельвинский

Сонет
 Из цикла «Алиса»
 Этюд 5
 Этюд 10
 Этюд 13
 Этюд 14
 Заклинанье
 «Годами голодаю по тебе...»
 Влюбленные не умирают

А. А. Сурков

«Бьется в тесной печурке огонь...» . . .
 «А было это сорок лет назад...» . . .
 «Ни свеч, ни флердоранж, ни фаты...» . . .

Н. Н. Ушаков

«Телефон — аппарат разговорный...» . . .
 Лирика
 «Женщина бежит...»

С. П. Шипачев

Березка
 «Что листья падают, что ночь светла...» . . .
 «Как хочешь это назови...»
 «Ты со мной — и каждый миг мне дорог...» . . .
 «Мы часто ищем сложности вещей...» . . .
 «Поверь, ты все в моей судьбе...»
 «Забыть ли...»

М. В. Исаковский

Любушка
 И кто его знает...
 Катюша

Огонек	229
Услышь меня, хорошая...	230

А. С. Кочетков

Баллада о прокуренном вагоне	232
--	-----

А. А. Прокофьев

Развернись, гармоника...	235
«Не боюсь, что даль затмилась...»	236
«То ль тебе, что отрады милее...»	236
«Любишь или нет меня, отрада...»	237
Сольвейг	
1. «Снега голубеют в бескрайних раздольях...»	238
2. «Бор синий, вечерний. Суметы крутые...»	239

В. А. Луговской

Лимонная ночь	240
«Поманила пальцем...»	241
«Тебя давно уж нет на свете...»	242

М. С. Голодный

«Люби до смерти...»	244
Любовь — война	245

Н. А. Заболоцкий

Последняя любовь

1. Чертополох	247
2. Морская прогулка	248
3. Признание	249
4. Последняя любовь	250
5. Голос в телефоне	251
6. «Клялаё ты — до гроба...»	252
7. «Посредине панели...»	253
8. Можжевельный куст	253
9. Встреча	254
10. Старость	254

В. М. Саянов

«Я тебя в своей песне прославлю...»	257
«Неотвратимая, неборимая...»	258
Тебе	258

М. А. Светлов

Разлука	260
Песенка	261
Встреча	261
Любовь	263
«Все ювелирные магазины...»	264
Разговор	265

И. П. Уткин

Письмо	268
Типичный случай	269
Если я не вернусь, дорогая...	270
Ты пишешь письмо мне	271

А. А. Жаров

Сквозь ночь	273
«Как застигнет за коптилкой...»	274
О тебе	274

Е. С. Нежинцев

Опять нет писем	276
«Пусть буду я убит в проклятый день войны...»	277

М. В. Троицкий

«Застыли, как при первой встрече...»	278
--	-----

Л. Н. Мартынов

Элегия	279
Любовь	280
Первый снег	281
«Он залатан...»	282
Я знаю, какова любовь	283
Волнение	284

Я. З. Шведов

«Как будто весна без конца и без края...»	286
---	-----

С. И. Кирсанов

Лирика	288
«Освободи меня от мысли...»	290
Кольцо	290

С. Н. Марков

Поморская женка	291
---------------------------	-----

Джек Алтаузен

Девушке	293
Желание	294

Д. Б. Кедрин

Сердце (<i>Бродячий сюжет</i>)	295
«Такой ты мне привиделась когда-то...»	296
«Ты говоришь, что наш огонь погас...»	297

Б. П. Корнилов

Соловьяха	298
---------------------	-----

В. Т. Шаламов

Камея	301
«Модница ты, модница...»	302
«Следов твоих ног на тропинке таежной...»	303

В. В. Державин

Чернильница	304
Нежность	306

М. С. Петровых

«Знаю, что ко мне ты не придешь...»	307
«Но разве счастье взять руками голыми?...»	308

«Назначь мне свиданье...»	308
«Но только и было что взгляд издалёка...»	310

Е. М. Ширман

Путь сквозь сосны	311
Возвращение	312

Н. И. Рыленков

«Тоски любовной горький мед...»	313
Письмо	314
Вьется пух тополиный	314

О. Ф. Берггольц

Если друг вернется	317
Борису Корнилову	
1. «О да, я иная, совсем уж иная!..»	318
2. «Перебирая в памяти былое...»	318
Стихи о любви	
1. «Взял неласковую, угрюмую...»	319
2. «Я тайно и горько ревную...»	319
Ответ	321

П. Н. Васильев

Стихи в честь Натальи	322
---------------------------------	-----

А. Т. Твардовский

Невесте	325
«Не стареет твоя красота...»	326
«Мы на свете мало жили...»	328
«Звезды, звезды, как мне быть...»	329

Б. А. Ручьев

Стихи о первой любви	330
--------------------------------	-----

Я. В. Смеляков

Хорошая девочка ¹ Лиды	333
Милые красавицы России	335

Зимняя ночь	336
-----------------------	-----

А. Я. Яшин

Из лирического дневника

«Назови меня именем светлым...»	338
Извечное	339
Вот теперь-то мне и любить	340
«Мы с тобой теперь не подсудны...»	340

А. И. Недогонов

«Игла мороза раннего остра...»	342
Письмо	343
«Представь — я солнце атомом взорву...»	344

П. Н. Шубин

Я должен вернуться...	346
«Я за то тебе благодарен...»	347

А. И. Копштейн

«Мы с тобой простились на перроне...»	348
---	-----

К. М. Симонов

«Я не помню, сутки или десять...»	350
«Над черным носом нашей субмарины...»	352
«Жди меня, и я вернусь...»	353
«Я, перебрав весь год, не вижу...»	354

Л. К. Татьяничева

«Да, ты такой, каким тебя люблю...»	357
«Твои глаза меня зовут...»	358

В. М. Тушнова

«Одна сижу на пригорке...»	359
«Мне говорят...»	360

П. Д. Коган

«Девушка взяла в ладони море...»	362
«Еще о честности. Ты помнишь...»	363

М. К. Луконин

Приду к тебе	364
Далекое	366

Неизвестный поэт из лагеря Заксенхаузен

Прощальный поцелуй	369
------------------------------	-----

Николай Отрада

Полине	370
------------------	-----

В. Д. Федоров

«Любовь мне...»	372
«По главной сути...»	373
«Я не знаю сам...»	374
«Была любовь...»	374
«Прощай! Нам слез не лить...»	375
«С душой, не созданной...»	376

Н. И. Глазков**Из цикла «Чистая лирика»**

«Если в своих же стихах утоня...»	378
«Живи со мной и не печалься...»	379
«Я веду с тобою разумную речь...»	379
«Чтобы жизнь не была загадкой...»	379
«Так всегда. Я раз сто болею...»	380

М. В. Кульчицкий

Губы в губы	381
-----------------------	-----

Н. П. Майоров

Что значит любить	384
«Я не знаю, у какой заставы...»	386

С. С. Наровчатов

Твое имя	387
Письмо из Мариенбурга	388
Последнее письмо	389

Б. А. Слуцкий

«Все слабели, бабы — не слабели...»	391
Тане	392

А. И. Фатьянов

«Не грусти... и, пожалуйста, вытри глаза...»	393
Соловьи	394

В. Л. Кулемин

«Опять знакомая опушка...»	396
«А впрочем, что такое красота...»	397

С. С. Орлов

«Голос первой любви моей — поздний, напрасный...»	398
«Две крутых соболинки...»	399
«Уходит женщина. Уходит...»	399

В. Э. Багрицкий

«Уходило солнце. От простора...»	401
«Ты помнишь дачу...»	402

С. П. Гудзенко

Баллада о верности	403
«Как без вести пропавших ждут...»	405

И. А. Снегова

Любовь	408
------------------	-----

А. Т. Прасолов

«Когда бы все, чего хочу я...»	410
--	-----

Н. М. Рубцов

Прощальная песня	412
----------------------------	-----

В. С. Высоцкий

Баллада о любви	414
---------------------------	-----

Ч-84 Чудное мгновенье. Любовная лирика русских поэтов. Кн. 2 / Сост. Л. Озерова. — М.: Худож. лит., 1988. — 431 с. (Классики и современники. Поэтич. б-ка).

ISBN 5-280-00051-5 (Кн. 2)

ISBN 5-280-00049-3

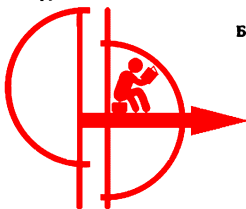
Во второй том сборника «Чудное мгновенье» входят поэтические произведения В. Брюсова, В. Маяковского, С. Есенина, А. Ахматовой, Н. Заболоцкого, С. Гудзенко, В. Высоцкого и других.

4702010100-140

Ч _____ 29-88

028(01)-88

ББК 84Р1

КЛАССИКИ И СОВРЕМЕННОКИ

Поэтическая библиотека

ЧУДНОЕ МГНОВЕНЬЕ

Любовная лирика русских поэтов

Книга 2

Составитель

Озеров Лев Адольфович

Редакторы Ю. Розенблюм, О. Ларкина

Художественный редактор А. Моисеев

Технический редактор Н. Кошелева

Корректоры Т. Медведева, Г. Володина

ИБ № 4896

Сдано в набор 26.05.87. Подписано в печать 21.12.87. Бумага кн.-журн. № 2
Формат 70×100¹/₃₂. Гарнитура «Тип таймс». Печать офсетная. Усл. печ
л. 17,5. Усл. кр.-отт. 35,31. Уч.-изд. л. 13,91. Тираж 2 100 000 экз. (7-й завод
1 800 001—2 100 000). Изд. № 1-2715. Заказ 1160. Цена 1 р. 30 к.

Ордена Трудового Красного Знамени издательство «Художественная литература». 107862, ГСП, Москва, Б-78, Ново-Басманная, 19.

Ордена Трудового Красного Знамени Калининский полиграфический комбинат Союзполиграфпрома при Государственном комитете СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. 170024, г. Калинин, пр. Ленина, 5.

1 р. 30 к.

Поэтическая библиотека

ЧУДНОЕ МГНОВЕНЬЕ

Любовная лирика
русских поэтов

ЛАСКИ

И

ОВРЕМЕНИКИ

ЧУДНОЕ МГНОВЕНЬЕ
2

